

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh national pedagogical university

ERA AND TEXT: INTERDISCIPLINARY JOURNAL

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

«Era and Text:
Interdisciplinary Journal»,
№1 (1), 2026

Шығару жиілігі – жылына 4 нөмір.
2026 ж. бастап шығады

Бас редактор
т.ғ.д., проф. Г.К. Кенжебаев

Бас редактордың орынбасары
ф.ғ.д., проф. Л.В. Сафронова

Ғылыми редактор
т.ғ.д., доц. Ж.О. Жангуттин

Жауапты хатшы
PhD Д.Б. Асымова

Редакция алқасы:
т.ғ.д., проф. Г.Султанғалиева;
PhD Д.Гагарина (Германия);
с.ғ.д., доц. Д.Фролов (Финляндия);
ф.ғ.д., проф. Т.Сабо (Венгрия);
ф.ғ.д., проф. Я.Войводиц (Хорватия);
ф.ғ.д., проф. Е.Вельмесова (Швейцария);
PhD, доц. М.Маурицио (Италия);
ф.ғ.д., проф. Д.Д. Шайбакова (Ресей);
п.ғ.м., оқытушы
Д.Құндызбай (техникалық хатшы).

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2026

Қазақстан Республикасының мәдениет және ақпарат министрлігінде 29.06.2026 ж. тіркелген № KZ54VPY00153093

Басуға 01.07.2026 қол қойылды.
Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 11.5 е.б.т. Таралымы 300 дана. Тапсырыс 300.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.

Абай атындағы ҚазҰПУ
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің
«Ұлағат» баспасы.

МАЗМҰНЫ

Шмид В. Когнитивті нарратологиядағы фикционалдық сана.....	6
Феферман К. Кеңестік эвакуациялау саясаты және 1941-1942 жылдардағы Солтүстік Кавказдағы еврей босқындары.....	15
Шайбакова Д. Қазақстанның орыс тілді әдебиетіндегі қазақ символдары.....	26
Жангуттин Б., Кенжебаев Ғ. Тың жерлерді игеру кезінде көші-қонды реттеу және оған реакциясы...	37
Сафронова Л. Ілмектегі уақыт: М.Елизаровтың «Библиотекарь» романындағы уақытты циклдеу тетігі ретінде обсессивті оқу тәжірибелері.....	44
Гагарина Д. Деректер мен білімді цифрлық гуманитарлық ғылымдардың әдіснамалық негізі ретінде модельдеу.....	56
Авторлар туралы мәліметтер.....	67

Казахский национальный
педагогический
университет имени Абая

«Era and Text:
Interdisciplinary Journal»,
№1(1), 2026

Периодичность – 4 номера в год.
Выходит с 2026 года.

Главный редактор
д.и.н., проф. Г.К. Кенжебаев

Зам. главного редактора
д.ф.н., проф. Л.В. Сафронова

Научный редактор
д.и.н., доц. Б.О. Жангуттин

Ответственный секретарь
PhD Д.Б. Асымова

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. Г. Султангалиева;
PhD Д.Гагарина (Германия);
д.с.н., доц. Д.Фролов (Финляндия);
ф.э.д., проф. Т.Сабо (Венгрия);
д.ф.н., проф. Я.Войводиц (Хорватия);
д.ф.н., проф. Е.Вельмесова (Швейцария);
PhD, доц. М. Маурицио (Италия);
д.ф.н., проф. Д.Д. Шайбакова;
м.п.н., преподаватель Д. Құндызбай
(технический секретарь).

© Казахский национальный
педагогический университет
имени Абая, 2026

Зарегистрировано в Министерстве
культуры и информации Республики
Казахстан № KZ54VPY00153093
от 29.06.2026 г.

Подписано в печать 01.07.2026.
Формат 60х84 1/8. Объем 11.5
уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Заказ 300.

050010, г.Алматы,
пр.Достык, 13. КазНПУ имени Абая
Издательство «Ұлағат»

Казахского национального педагогического
университета имени Абая

СОДЕРЖАНИЕ

Шмид В. Фикциональные сознания в когнитивной нарратологии.....	6
Феферман К. Советская эвакуационная политика и еврейские беженцы на Северном Кавказе, 1941-1942 ГГ.	15 26
Шайбакова Д. Казахские символы в русскоязычной литературе Казахстана.....	37
Жангуттин Б., Кенжебаев Г. Регулирование миграции при освоении целинных земель и реакция на него.....	44
Сафронова Л. Время в петле: обсессивные практики чтения как механизм циклизации времени в романе М.Елизарова «Библиотекарь»....	56
Гагарина Д. Моделирование данных и знаний как методологическая основа цифровых гуманитарных наук.....	67
Сведения об авторах.....	

**Kazakh National Pedagogical
University named after Abai**

**«Era and Text: Interdisciplinary
Journal», №1(1), 2026**

Periodicity – 4 numbers in a year
Publishing from 2026.

Editor in chief

*Doctor of Historical Sciences, Professor G.K.
Kenzhebayev*

Deputy editor

*Doctor of Philological Sciences, Professor
L.V. Safronova*

Academic Editor

*Doctor of Historical Sciences, Associate
Professor B.O. Zhanguttin*

Executive Secretary

PhD D.B. Asymova

The editorial board members

*Doctor of Historical Sciences, Professor
G.Sultangalieva;*

PhD D.Gagarina (Germany);

*Doctor of Sociological Sciences, Associate
Professor D.Frolov (Finland);*

*Doctor of Philological Sciences, Professor
T.Szabó (Hungary);*

*Doctor of Philological Sciences, Professor Ya.
Vojvodich (Croatia);*

*Doctor of Philological Sciences, Professor
E.Velmesova (Switzerland);*

*PhD, Associate Professor M.Maurizio (Italy);
Doctor of Philological Sciences, Professor*

D.D. Shaibakova;

Master of Pedagogical Sciences, Lecturer

D.Kundzybay (technical secretary).

©Abai Kazakh National Pedagogical
University, 2026

The journal is registered by the Ministry
of Culture and Information RK

29 June 2009.

№ KZ54VPY00153093

Signed to print 01.07.2026.

Format 60x84 1/8. Volume –

11.5 publ.literature.

Edition 300 num. Order 300.

050010, Almaty, Dostykave., 13
Abai KazNPU

Publishing house «Ulagat» Abai Kazakh
National Pedagogical University

CONTENT

Schmid W. Fictional Minds In Cognitive
Narratology 6

Feferman K. Soviet Evacuation Policy and the
Jewish Refugees in the North Caucasus, 1941-
1942..... 15

Shaibakova D. Kazakh Symbols in Russian-
Language Literature of Kazakhstan..... 26

Zhanguttin B., Kenzhebayev G. Migration
Regulation During the Virgin Lands Campaign and
Its
Consequences..... 37

Safronova L. Time in a Loop: Obsessive Reading
Practices as a Mechanism of Time Cyclization in
M.Elizarov's Novel "The Librarian"..... 44

Gagarina D. Data and Knowledge Modelling as the
Methodological Foundation of Digital Humanities..... 56

Information about the authors..... 67

W.Schmid
University of Hamburg, Germany
(e-mail: wschmid@uni-hamburg.de)

FICTIONAL MINDS IN COGNITIVE NARRATOLOGY

Abstract

This article examines how cognitive narratology conceptualizes fictional minds and their relationship to real minds, focusing on debates around mind representation, theory of mind, and the status of fictional consciousness in narrative theory. It begins by recalling premodern and early modern techniques for representing characters' inner worlds and situating cognitive narratology's interest in the mind as a comprehensive set of inner states and processes. The article then discusses Monika Fludernik's notion of experientiality as an alternative foundation of narrativity and presents Alan Palmer's and Lisa Zunshine's influential formulations of mind reading and theory of mind.

The core of the argument engages David Herman's challenge to the "exceptionality thesis" of E.M. Forster, Käte Hamburger, and Dorrit Cohn, who claimed that fictional narrative alone can authentically present the inner life of others, contrasting this position with cognitivist attempts to minimize the epistemic gap between real and fictional minds. Drawing on critiques by Marisa Bortolussi, Daniel D. Hutto, Emma Kafalenos, and Patrick Colm Hogan, the article questions the scope of mind reading and emphasizes the mediating role of narrators and artistic design.

In its final sections, the article analyzes Palmer's concept of social and intermental minds in light of Vygotskian and Russian formalist approaches, arguing that cognitive narratology often underestimates the aesthetic construction of fictional minds and the primacy of plot and eventfulness over character. It concludes by proposing a reformulation of Palmer's slogan: rather than "novel reading is mind reading," novel reading should be understood as a mental event of reading mental events, where mental actions are themselves narratively constructed events.

Keywords: cognitive narratology; fictional minds; theory of mind; social mind; experientiality; eventfulness; Tolstoy.

В.Шмид

*Гамбург университети, Германия
(e-mail: wschmid@uni-hamburg.de)*

КОГНИТИВТІК НАРРАТОЛОГИЯДАҒЫ ФИКЦИОНАЛДЫҚ САНА

Аңдатпа

Мақалада когнитивтік нарратология кейіпкерлердің ішкі әлемін, «mind reading» теориясын және нарратологиядағы фикционалдық сананың мәртебесін білдіруге назар аудара отырып, фикционалдық сананы және олардың нақты саналармен арақатынасын қалай ұғынатынын қарастырады. Басында кейіпкерлердің ішкі өмірін бейнелеудің романға дейінгі және ерте уақыттағы формалары талданады да когнитивтік нарратологияның мүддесі ішкі жағдайлар мен процестердің жиынтығы ретінде «mind»-ке бағытталғаны көрсетіледі. Содан кейін «experientiality» тұжырымдамасы талқылананып, Моника Флудерник классикалық түсінуге балама ретінде көрсетіледі, сондай-ақ Алан Палмер мен Лиза Заншиннің ықпалды тәсілдері mind reading және theory of mind талқыланады.

Орталық бөлімде Э.М.Форстер, К.Хамбургер және Д.Конның «ерекше туралы тезисі» бар пікірталасқа арналған. Оған сәйкес тек фикционалдық проза басқалардың ішкі өмірін дәлме-дәл бейнелеуге және осы позицияны когнитивистердің нақты және фикционалдық саналар арасындағы эпистемикалық алшақтықты азайту әрекеттерімен салыстыруға қабілетті. Мариза Бортолусси, Даниэла Хатто, Эмма Кафаленос және Патрика Колма Хоганның дәлелдерін келтіре отырып, автор mind reading ұғымының шектеулілігін көрсетеді және әңгімелеуші мен көркемдік құрылымның рөлін айқындайды.

Қорытынды бөлімдерде Л. С. Выготский мен орыс формалистік дәстүрінің мәдени-тарихи психологиясы контекстінде Палмердегі әлеуметтік және интерментальдық сана тұжырымдамасы талданады. Бұл сананың эстетикалық ұйымдастырылуының когнитивтік

нарратологиясының және сюжет приматының пен оқиғаның сипаттан төмен бағалануын анықтауға мүмкіндік береді. «Романды оқу - сананы оқу» формуласынан екпінді ментальдық оқиғаларды оқудың ментальдық оқиғасы ретінде романды оқуды түсінуге ауыстыру қажеттігі туралы қорытынды жасалады. Мұнда менталды әрекеттердің өздері нарративті түрде құрылымдалған оқиғалар ретінде көрініс табады.

Кілт сөздер: когнитивтік нарратология; фикционалдық сана; сананы оқу; әлеуметтік ой; сарапшылық; оқиғалылық; Толстой.

В.Шмид

*Гамбургский университет, Германия
(e-mail: wschmid@uni-hamburg.de)*

ФИКЦИОНАЛЬНЫЕ СОЗНАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ НАРРАТОЛОГИИ

Аннотация

Статья рассматривает, как когнитивная нарратология осмысляет фикциональные сознания и их соотношение с реальными сознаниями, сосредотачиваясь на репрезентации внутреннего мира персонажей, теории «mind reading» и статусе фикционального сознания в нарратологии. В начале анализируются до-романные и ранненовременные формы представления внутренней жизни персонажей и показывается, что интерес когнитивной нарратологии направлен на «mind» как совокупность внутренних состояний и процессов. Затем обсуждается концепт «experientiality» Моника Флудерник как альтернатива классическому пониманию нарративности, а также влиятельные подходы Алана Палмера и Лизы Заншин к mind reading и theory of mind.

Центральная часть посвящена полемике с «тезисом об исключительности» Э.М. Форстера, К. Хамбургер и Д. Кон, согласно которому только фикциональная проза способна аутентично изображать внутреннюю жизнь других, и сопоставлению этой позиции с попытками когнитивистов минимизировать эпистемический разрыв между реальными и фикциональными сознаниями. Привлекая аргументы Маризы Бортолусси, Даниэла Хатто, Эммы Кафаленос и Патрика Колма Хогана, автор показывает ограниченность понятия mind reading и подчёркивает роль рассказчика и художественной конструкции.

В заключительных разделах анализируется концепция социального и интерментального сознания у Палмера в контексте культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и русской формалистской традиции, что позволяет выявить недооценку когнитивной нарратологией эстетической организации фикциональных сознаний и примата сюжета и событийности над характером. Делается вывод о необходимости смещения акцента от формулы «чтение романа есть чтение сознаний» к пониманию чтения романа как ментального события чтения ментальных событий, где сами ментальные действия выступают в качестве нарративно сконструированных событий.

Ключевые слова: когнитивная нарратология; фикциональные сознания; чтение сознаний; социальный ум; экспериенциальность; событийность; Толстой

1. Characters' consciousness is one of the central factors of every narrative. A narrative is usually defined as a representation of a change of a state of affairs. Since the end of the eighteenth century, events portrayed in literature have essentially been mental ones. This does not mean that the representation of the mind began only then. In Medieval European literatures we find elaborate representations of characters' feelings and thoughts; these are rendered not solely in thought report

but also in free indirect speech (e.g. in Chrétien de Troyes' **Yvain ou Le Chevalier au lion** [1177-1181], see Hübner 2003, 149-151; Woledge 1988, 158), or in interior monologues that, in the case of Gottfried von Strassburg's verse novel **Tristan**, take the form of interior dialogues that reflect on the extremely contradictory movements of the hero's soul (see Schmid 2017). Monika Fludernik (2011) examines various forms of mind representation in Middle English narrative. She explains narratology's common underestimation of medieval representations of consciousness due to its exclusive interest in narratives originating with the beginnings of the novel in the eighteenth century. The narratological underexploredness of medieval literatures may, however, also have been caused by medievalists' disaffirmation of questions and approaches that seemed anachronistic. Also in ancient (Hebrew and Greek) literatures we find cases of extended mind representation and even elaborate interior monologues (see Dinkler 2015).

Any external or internal action is related to a specific internal movement, conscious or unconscious. The relationship between action and consciousness exists, regardless of whether it is explicitly mentioned by the narrator or inferred by the reader. Consciousness may be rendered appreciable/apprehensible in the narrative in two ways: either as a matter of direct presentation by the narrator or the characters, or as something implied that motivates the characters' actions and about which the reader then has to draw his or her conclusions. In either case, the characters' consciousness is constitutive of the narration.

Now the cognitivist takes the stage. His or her role is to consider what in English is called the mind. This concept covers all internal states and actions: speech, thought, perception, desire, emotion – in a word, the whole inner world (Palmer 2002, 2004). Cognitive narratology (which, for the sake of ease rather than of accuracy, is given this term) is primarily interested in two questions that go in opposite directions: 1. "How do stories [...] interlock with interpreters' mental states and processes, thus giving rise to narrative experiences?" (Herman 2014, 46). 2. How do narratives contribute to the discovery of meaning in the experiences that are caused by them? How do narratives help people to orientate themselves in the world, to understand the meanings of their own behavior and the behavior of others (see Herman 2014, 46)? (This second approach relates to the ability of narratives to expand our knowledge of people and their consciousness.)

2. Among the cognitivists, Monika Fludernik (1996) takes a special, fundamental approach. According to her, narrativity is based not on events and their causal concatenation but rather on the subject's experience of these events. This means that the classical concept of narrativity – the representation of changes of state – is replaced by what Fludernik calls experientiality. The experientiality approach proves extremely fruitful. However one may ask whether it makes the classical concept completely superfluous. In the analysis of experience Fludernik demonstrates the whole set of cognitivist tools in practice – particularly 'frames' and 'scripts,' i.e. the schemata by which we recognize situations and processes. There is no doubt that representing subjective experience is one of the seminal anthropological reasons for the overwhelming role of narrative since the modern age.

But let us now turn to questions of mind representation and to one of the representatives of this field of research. "Novel reading is mind reading" (2007, 217) – this is the slogan of the well-known cognitive narratologist Alan Palmer. The independent British scholar is the author of two seminal books: **Fictional Minds** (2004) and **Social Minds in the Novel** (2010). In the first book the cited initial hypothesis is formulated with an orientation to the act of creation: "Narrative is in essence the presentation of fictional mental functioning" (Palmer 2004, 12).

The key concepts of narratological cognitivism are mind reading or the theory of mind. The latter was introduced into the discussion by Lisa Zunshine's **Why We Read Fiction** (2006). Both concepts refer to the creation of hypotheses about what is going on in someone else's mind. Mind reading and the theory of mind are based on the interpretation of the observed person's verbal and practical behavior as well as of his or her appearance, gestures, and facial expressions. Actually,

mind reading and the theory of mind are not a form of 'reading' or of 'theory' but rather constitute assumptions about human observation.

Cognitive narratologists tend to overestimate the cognitive performance of mind reading and to reduce the difference between the understanding of the real and the fictional mind. Balancing the fundamental difference between real and fictional minds, cognitivism contests one of the central axioms in traditional narrative criticism. In the classical theory of narrative it was generally agreed that fictional narrative differs from factual narrative in that the former represents characters' inner worlds authentically, whereas in real life representing the mind of another would constitute a form of guesswork. Moreover, the fictional narrative was seen as the only genre in which the representation of mind could be carried out unconditionally, and did not need to be justified by sources.

The first narratologist to formulate a hypothesis about this specific trait of fictional narrative was the English novelist Edward Morgan Forster in his famous «Aspects of the Novel»:

> People in a novel can be understood completely [...]. And this is why they often seem more definite than characters in history, or even our own friends; we have been told all about them that can be told; even if they are imperfect or unreal they do not contain any secrets, whereas our friends do and must, mutual secrecy being one of the conditions of life upon this globe. [...] We cannot understand each other, except in a rough and ready way; we cannot reveal ourselves even when we want to; what we call intimacy is only a makeshift; perfect knowledge is an illusion. But in the novel we can know people perfectly, and, apart from the general pleasure of reading, we can find here a compensation for their dimness in life. In this direction fiction is truer than history, because it goes beyond the evidence. (1927, 46-47, 61)

Thirty years later, the German theoretician Käte Hamburger sharpened Forster's thesis about the exclusive role of fictional literature in her **Die Logik der Dichtung** (1957), without referring to him: "Epic fiction is the sole epistemological instance where the I-originary (or subjectivity) of a third-person qua third-person can be portrayed" (1973, 83).

Hamburger's thesis that someone else's subjectivity can be displayed authentically only in fictional narrative was subsequently endorsed by the Austrian narratologist Franz Stanzel (1959; 1979, 31; 2002) and then strongly affirmed by Dorrit Cohn. Cohn reiterates Hamburger's conclusion in a somewhat less complicated way: "narrative fiction is the only literary genre, as well as the only kind of narrative, in which the unspoken thoughts, feelings, perceptions of a person other than the speaker can be portrayed" (1978, 7).

As a test case, let us now examine a brief extract, in which the omniscient narrator of Leo Tolstoy's novel *War and Peace* (1968/69) presents Napoleon's innermost feelings during the Battle of Borodino without any explanation or foundation:

> Napoleon was experiencing a bitter feeling [...]. In his former battles he had only considered the possibilities of success, now an immense number of unlucky chances presented themselves, and he expected them all. Yes, it was like a nightmare, when a man dreams that an assailant is attacking him, and in his dream he lifts up his arm and deals a blow with a force at his assailant that he knows must crush him, and feels that his arm falls limp and powerless as a rag, and the horror of inevitable death comes upon him in his helplessness. (Tolstoy n.d., 757-759)

In a factual, historical text, presenting the inner life of a statesman in this way would be unthinkable and would not be accepted as scholarly. There are no sources even imaginable that would allow the historian to employ speculations similar to those rendered above.

What Hamburger regarded as a 'symptom' of fiction – the unconditioned, immediate view of the inner life of third persons – also sometimes seems to occur in non-fictional texts, a point that was repeatedly made against Hamburger's thesis. However, in such cases we have to make do merely with conjectures and conclusions. A mere conjecture must be either clearly signaled, or an authentic source of this knowledge (letter, diary, communication) must be provided (see Genette 1990, 762-763). But, like all self-attestations, such sources are subject to the possible lack of self-knowledge as well as distorting self-stylizations. In a factual context such as historiography, the

representation of the inner world of third parties – where it occurs at all – is far less authentic than, for example, in Tolstoy's *War and Peace*, where it is used quite naively. The authenticity of the inner lives of Tolstoy's characters is of course bought with their fictiveness and is also dependent on the author's knowledge of the world and life experience and his psychological imagination.

The natural staging of someone else's inner world is certainly one of the reasons for the anthropological and cultural significance of fiction. The reader can step outside of himself or herself and not only lead someone else's life but slip into someone else's subjectivity and tentatively play out someone else's perceptions and ambitions. No conversation and no psychological document can offer such intense experiences of alterity. We can say even more about this: the immersion in the inner world of the fictional other gives a reader the possibility of forming a notion of his or her own identity. The price for playing out this foreign subjectivity is that everything has been conceived of by the author and remains oriented towards him or her, his or her knowledge of the world, and the power of his or her imagination.

3. From the standpoint of actual cognitive narratology, Forster's, Hamburger's, and Cohn's "exceptionality thesis" (2011a, 8-18), as it is called by David Herman, was sharply criticized. Herman contests the Cartesian dualism implicit in the assumption of an internal and external world, which in his view is the underlying basis of this "exceptionality thesis." Herman claims to call into question not the specifics of fictional representation but rather the dichotomy between fictional and factual representations and the assumption that only fictional narratives can provide insight into characters' minds. Herman presents two arguments against this presumption: First, the mediation argument: "Making sense of fictional minds requires readers to use the same sorts of heuristics that they rely on to interpret others' minds in the world at large" (Herman 2011a, 15). The second one, the accessibility argument, boils down to the assumption that the accessibility of another's subjectivity is not limited to fictional narrative. In everyday situations people are dependent on the heuristics acquired from so-called "folk psychology" to draw conclusions about another's soul that are based on appearance, facial expression, gestures, and the given situation. "Everyday minds are not transparent, but they are accessible" (Herman 2011a, 11). This is why for Herman accessibility cannot serve as a criterion of the exceptionality of fictional minds.

Herman assumes that his two arguments are lent support by the articles in the collection **The Emergence of the Mind** (2011) which relate to the emergence of representation of consciousness in English literature. Yet Herman's arguments do not refute Hamburger's and Cohn's positions. Of course, we must note that the author's omniscience is not knowledge, but free invention. In this regard, Gérard Genette states – not without irony: "One's guesses are unerring only in the case of something that one is in the process of inventing" (1993, 65).

Alan Palmer also rejects the idea "that, whereas novels can give us direct access to the minds of characters, by contrast, in reality, we can never really know what other people are thinking" (2011, 197). Palmer calls this opposition "a cliché of literary studies." Referring to the "theory of folk psychology" he states: "All of us, every day, know for a lot of the time what other people are thinking. This is especially true of our loved ones, close friends, family, and work colleagues" (2011, 197).

The following question arises with regard to this statement. If, in real life, we were essentially aware of what is happening in people close to us, how can we explain that husbands are so often unaware of the desires of their wives, even to the extent that a wife's mentioned desire for a divorce may take her husband completely off-guard? What Palmer takes for knowledge is not actual knowledge but the sensation of having knowledge, a sensation that is not infrequently misleading.

Rejecting the 'literary cliché' about the fundamental inaccessibility of real individuals and the transparency of fictional characters, Palmer recognizes that we in real life "sometimes" do not know what is going on in other people, even though they are trying to tell us (2011, 197). An objection to Palmer's concession is that a third-person narrator is as a rule engaged not in mind reading – i.e. in guessing what is going on in one character or another – but rather in giving an accurate

representation penetrating the inside of another soul. The complex and badly jointed landscapes of the souls in a realistic novel, say by Tolstoy or Dostoevsky, would not be open to any mind reading by characters in the fictional world, nor to the reader's theory of mind, if the narrator – and through the narrator the author – did not explicitly depict them.

4. Palmer's postulates have been challenged from several positions. Empirical scholars, like Marisa Bortolussi, who study the reception of literature, notice that Palmer "borrowed" from the "soft" cognitive sciences a "limited collection of basic, universal processes associated with everyday social experiences. [...] This exclusive focus on very broad, universal processes has led Palmer (and other narratologists of the cognitive persuasion) to draw some questionable conclusions" (Bortolussi 2011, 284).

Palmer's conviction that we read fictional characters just like real people is, according to Bortolussi, not confirmed by experience:

> A fundamental difference between real people and literary characters is that we deal with the former directly and with the latter only through the intermediary of authorial or narratorial direction [...]. Rather than form a theory of mind for fictional characters, readers may simply construct a representation of what the narrator might intend for us to understand. (2011, 285)

According to Bortolussi, the theory of mind focus is generally overestimated by cognitive narratologists. Palmer's assumption is not supported by experience that readers of the novel are focused less on the events than on characters' reactions to those events – i.e. what they are thinking and feeling; this thesis is refuted by the convincing results of empirical psychological experiments (Bortolussi 2011, 286).

In a similar vein Daniel Hutto criticizes mind reading. The title of his contribution is telling: "Understanding Fictional Minds without Theory of Mind!" (2011). According to him, in the cases discussed by Palmer, no mind reading but rather mind guessing is involved. The American narratologist Emma Kafalenos, in turn, accuses Palmer of too rapidly rejecting the epistemological difference between fiction and nonfiction (2011, 254). She also considers problematic his notion of knowing. In the novel, the narrator 'knows' what in the real world is impossible to know. Not distinguishing between what we know as a fact – because the narrator has told us this – and that which a character guesses about is the very mistake Palmer himself commits, according to Kafalenos, in not distinguishing between what we can know about the fictional world and what we know in our own world (2011, 256). In a similar way Palmer's concept of knowing is criticized by the American cognitivist Patrick Colm Hogan (2011), the author of **Cognitive Science, Literature, and the Arts: A Guide for Humanists** (2003).

Drawing an interim balance, we can surmise that Forster's, Hamburger's, and Cohn's theses about the representation of another's inner world as a distinctive feature of fictional narrative has not been shaken by the objections that have been named. But let us have a look at another possible counterargument. The direct representation of another's mind, it would seem, sometimes occurs also in factual texts. But such cases always concern only assumptions and conclusions, the presumptive nature of which is directly stated or is clearly implied through context: Napoleon apparently thought...; From Napoleon's statements we can conclude that he thought.... More specifically, an historian cannot characterize Napoleon's inner world. Statements of the type Napoleon thought... are not admissible in factual texts.

Let us emphasize this point once more: the authenticity of a fictional representation of another's mind is not based on mind reading, but on a rendering that is dependent on the author's knowledge of the world, on his or her life experience, capacity for empathy; and, last but not least, on his or her psychological imagination. Exploring the most secret corners of a woman's soul, for example, through the pen of a 'macho' like Tolstoy, is a marvel of empathy and imagination.

5. Alan Palmer has also raised the question of the ideological and social determination of fictional minds (2004, 2010, 2011). Palmer chides classical narratology for, from an introspective point of view, one-sidedly focusing on closed, private, intramental consciousness. He calls on

narratology to take an external point of view to consider what he calls the social mind and intermental thought, “which is joint, group, shared, or collective thought, as opposed to intramental, or private, individual thought” (Palmer 2011, 196). It is not surprising that this concept has caused more than a little debate. One part of this debate was conducted in the journal *Style* in 2011. There we find Palmer’s target essay “Social Minds in Fiction and Criticism,” twenty-seven responses to Palmer’s thesis by specialists in the field, and Palmer’s rejoinders.

The admissibility and feasibility of Palmer’s dichotomy of internal and external point of view on consciousness has also been questioned from various positions. Patrick Colm Hogan criticizes that Palmer uses classical narratology as a “straw man” (2011, 244). David Herman questions the parallelization of the oppositions social vs. individual, intermental vs. intramental, and externalist vs. internalist (2011b). Critics have also expressed skepticism about the constructs social mind and intermental thought (Hutto 2011), which, according to Manfred Jahn, can be called mind or thought only metaphorically (2011).

The Israeli scholar Shlomit Rimmon-Kenan raises the question of whether traditional literary studies have not engaged in the social and ideological determination of fictional minds, and she sees in Palmer’s approach a neglect of the artistic design (2011). Marie-Laure Ryan, in turn, asks the same question, criticizing the fact that Palmer insufficiently defines the mode of existence of social mind, its relationship with the individual consciousness, and its role in the narrative (2011). A common criticism of splitting the mind into an individual and a social part resounds in this chorus of respondents. Inspired by the work of Lev Vygotsky (1934), Charles Fernyhough states that “even ‘internalist’ minds are social” (2011), thereby refuting the splitting of mind conducted by Palmer.

It is not by chance then that some of the critical respondents comment on social minds through reference to Russian theoreticians of the 1920s-1930s, including Lev Vygotsky, Mikhail Bakhtin, and Valentin Voloshinov. Palmer himself, who was obviously influenced by the American psychologist of Vygotskian orientation James Wertsch (1991), paid tribute to his Russian predecessors as well as to the neuropsychologist Alexander Luria. Palmer describes in detail the approaches to social and ideological parameters of speech and mind, which were discovered by Russian theorists (2004, 141-169).

6. At this point it may be helpful to weigh the considerations discussed thus far. Cognitive narratology, which appears in very diverse shapes, opens new horizons for literary criticism. It asks questions of anthropological significance, linking literary studies – a hermeneutical discipline – with empirical sciences. Cognitive narratology’s main merit is the analysis of the relationship between narrative and consciousness, i.e. the minds of characters as well as of readers. But not infrequently, highly interesting hypotheses based on mere speculation have to be reined in through empirical analysis and its sobering results.

According to its representatives, cognitive narratology is only in the initial phase of its development. Yet it should now pay attention to some of its shortcomings. Let us mention just two of them. First, in today’s cognitive narratology there is a strong tendency to equate fictional minds with real ones. There is no doubt, psychology has a great deal to learn from the novel. However, Anna Karenina is not our patient, nor is it our task to overcome the narrow norms of the society in which the heroine of the novel lives. We see the heroine on the one hand as a woman with certain traumata that render her undeniably tempting to the therapist’s diagnosing eye. Yet on the other hand, we view her as an artifact, as an expression of the artistic design. This artistic factor is not accessible for the psychologist as psychologist, nor for the cognitivist as cognitivist.

Let us now have a look at an example from Leo Tolstoy’s famous novel. In his first amorous encounter with Anna, Vronsky’s covering her body with kisses is compared to a killer who cuts his victim into pieces: “And with fury, as it were with passion, the murderer falls on the body and drags it and hacks at it; so [Vronsky] covered her face and shoulders with kisses. She held his hand, and did not stir” (Tolstoy 1965, 158-159). This comparison is given, as it seems at first glance, from the narrator’s viewpoint. Yet on further consideration we may conclude that it actually is given from

the perceptual and ideological point of view of Anna herself. For the cognitivist as well as for the psychologist, the comparison of the lover with a murderer is, of course, of great significance, and both will draw their interpretive conclusions. The literary scholar, however, in considering the novel's entire artistic design, focuses on the fact that the motif of the body cut into pieces occurs three times in the novel. The first occurrence is in the scene at Moscow's railway station after the meeting with Vronsky, when Anna learns that an accident has occurred: the wheel of the train has cut the body of a railway worker into two pieces. Anna is severely shaken and interprets the accident as an 'evil omen.' The second time the slicing up of a body occurs is in the above-mentioned erotic scene with Vronsky, and the third time is Anna's death under the slicing wheel of the train. This concatenation of motifs causes Anna's death to appear as the fulfillment of the schema of her fatal expectations, which had formed as early as during the first encounter with Vronsky at the railway station. The author indicates to us that the heroine is the draftsman and engineer of her fate insofar as one may conclude that the above-quoted scene is presented from Anna's point of view and embodies her fatal construction of her future life and death.

Cognitive narratology tends to neglect the artistic character of the structure of the literature from which it draws its examples. Of course, in theory, few cognitivists would not accept that fictional minds and social minds are elements that belong to the artistic design of a piece of literature. In practice, however, cognitivists tend to neglect the artistic nature of the fictional narrative and its fictional instances. They therefore do not take sufficient account of the fact that the content of a fictional mind can be motivated not so much by the nature of the character and the situation she or he is in as by the overall shape of the artistic design.

Victor Shklovsky pointed to the primacy of the *sujet*, i.e. the energetic artistic construction, over life-experience realities:

> The *sujet* constructions select fabula-situations that suit them and deform the material in the process. [...] Certain fabula situations can be selected according to *sujet* principles, i.e. there can be a certain *sujet* construction laid out in the situations themselves, a staircase-like construction, an inversion, a circular construction. In the same way, specific types of stone have a layered structure that makes them especially well-suited to certain arrangements. (1970, 220)

In a similar vein Shklovsky emphasized the primacy of the aesthetic construction with a wonderful *aperçu*: "In art, blood is not bloody. No, it just rhymes with 'flood' [Кровь в искусстве не кровава, она рифмуется с «любовь»]. It is material either for a construction of sounds or for a construction of images" (1990, 159). In well-made works the factors of the existential and the aesthetic tend to cohere with one another so closely that the seams between the characterological and artistic motivations are not visible. But cognitivists who approach a novel's characters and do not take into account the artistic fabric of the work's whole, should be advised to exercise a certain amount of caution in analyzing *Anna Karenina* and its heroine. They should understand certain mental developments that are seemingly motivated purely characterologically or socially to be justified no less (or even more) artistically, as superimposed by the overall aesthetic design.

The second shortcoming concerns narratology's focus on character. Contrary to empirical psychology, which says readers of the novel concentrate primarily on events (see Marisa Bortolussi's argument, mentioned above), cognitive narratology focuses on character, thereby subordinating events to character. However, Aristotle was early in pointing out the priority of action over character. In his *Poetics*, he defines a hierarchy of the parts of a narrative using the example of tragedy:

> The most important of these is the arrangement of the incidents [ἡ τῶν πραγμάτων σύστασις], for tragedy is not a representation of men but of actions [μίμησις ἐστὶν οὐκ ἀνθρώπων ἀλλὰ πράξεων] [...], and the end aimed at is the representation not of qualities of character but of some action. They do not therefore act to represent character, but character-study is included for the sake of the action. It follows that the incidents and the story [μῦθος] are the end at which tragedy aims, and in everything the end aimed at is of prime importance. (1940 [c. 335 BCE], 1450a, 15)

The formula “arrangement of the incidents” implies a conscious constructive act, including even the admissibility of certain manipulations. The fact that a certain position was already taken by Aristotle is, needless to say, no absolute argument in favor of this view. Even so, we should give Aristotle some credit for being narratology’s actual founder; what his short outline of the tragedy has to say about *mimesis* and *mythos* has become a firm part of narratology’s basic elements.

One might argue that there are types of narrative that foreground character rather than action. But as far as these narratives are not descriptive, they cannot do without any action.

In conclusion, this essay has argued that cognitive narratology should focus less on character and more on action. Also, character should be regarded as something that is implied in and through actions. This does not detract from the representation of mind, in which cognitive narratology is primarily interested. Much of what the representation of mind depicts are actions – mental actions. In literary narrative these mental actions often take the form of events. An event is a special occurrence, something that is not part of an everyday routine. Thus, we would like to counter Palmer’s formula that “Novel reading is mind reading.” We would argue instead that novel reading is event reading, or, even better yet, novel reading is the mental event of reading mental events.

Acknowledgements

The author received no specific funding for this research and thanks colleagues and anonymous reviewers for their helpful comments on earlier versions of this essay.

Funding

No external funding was received for the preparation of this article.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Data Availability Statement

No new data were created or analysed in this study. Data sharing is not applicable to this article.

References:

1. Aristotle. (1940). *Poetics* (W. Hamilton Fyfe, Trans.). Clarendon Press. (Original work published ca. 335 BCE)
2. Bortolussi, M. (2011). Response to Alan Palmer’s “Social minds.” *Style*, 45, 283-287.
3. Cohn, D. (1978). *Transparent minds: Narrative modes for presenting consciousness in fiction*. Princeton University Press.
4. Dinkler, M. B. (2015). “The thoughts of many hearts shall be revealed”: Listening in on Lukan interior monologues. *Journal of Biblical Literature*, 134, 373-399.
5. Fernyhough, C. (2011). Even “internalist” minds are social. *Style*, 45, 271-275.
6. Fludernik, M. (1996). *Towards a “natural” narratology*. Routledge.
7. Fludernik, M. (2011). 1050-1500. *Through a glass darkly; or, the emergence of mind in medieval narrative*. In D. Herman (Ed.), *The emergence of mind: Representations of consciousness in narrative discourse in English* (pp. 69-109). University of Nebraska Press.
8. Forster, E. M. (1927). *Aspects of the novel*. Arnold.
9. Genette, G. (1990). *Fictional narrative, factual narrative* (N. Ben-Ari & B. McHale, Trans.). *Poetics Today*, 11, 755-774.[2]
10. Genette, G. (1993). *Fictional narrative, factual narrative* (C. Porter, Trans.). In G. Genette, *Fiction and diction* (pp. 54-84). Cornell University Press. (Original work published 1990)[2]
11. Hamburger, K. (1973). *The logic of literature* (M. J. Rose, Trans., 2nd rev. ed.). Indiana University Press. (Original work published 1957)
12. Herman, D. (Ed.). (2011). *The emergence of mind: Representations of consciousness in narrative discourse in English*. University of Nebraska Press.
13. Herman, D. (2011a). Introduction. In D. Herman (Ed.), *The emergence of mind: Representations of consciousness in narrative discourse in English* (pp. 1-40). University of Nebraska Press.

14. Herman, D. (2011b). *Post-Cartesian approaches to narrative and mind: A response to Alan Palmer's target essay on "Social minds."* *Style*, 45, 265-271.
15. Herman, D. (2014). *Cognitive narratology*. In P. Hühn, J. C. Meister, J. Pier, & W. Schmid (Eds.), *Handbook of narratology* (2nd ed., pp. 46-64). De Gruyter.
16. Hogan, P. C. (2003). *Cognitive science, literature, and the arts: A guide for humanists*. Routledge.
17. Hogan, P. C. (2011). *Palmer's anti-cognitivist challenge*. *Style*, 45, 244-248.
18. Hübner, G. (2003). *Erzählform im höfischen Roman: Studien zur Fokalisierung im „Eneas“, im „Iwein“ und im „Tristan“*. A. Francke.
19. Hühn, P. (2014). *Event and eventfulness*. In P. Hühn, J. C. Meister, J. Pier, & W. Schmid (Eds.), *Handbook of narratology* (2nd ed., pp. 159-178). De Gruyter. (Original work published 2009)
20. Hutto, D. D. (2011). *Understanding fictional minds without theory of mind!* *Style*, 45, 276-282.
21. Jahn, M. (2011). *Mind = mind + social mind?: A response to Alan Palmer's target essay*. *Style*, 45, 249-253.
22. Kafalenos, E. (2011). *The epistemology of fiction: Knowing v. "knowing."* *Style*, 45, 254-258.
23. Lagoni, F. F. E. (2016). *Fiktionales versus faktuales Erzählen fremden Bewusstseins: Eine korpusbasierte Kritik der "Signposts of fictionality"-These*. De Gruyter.
24. Palmer, A. (2002). *The construction of fictional minds*. *Narrative*, 10, 29-46.
25. Palmer, A. (2004). *Fictional minds*. University of Nebraska Press.
26. Palmer, A. (2007). *Universal minds*. *Semiotica*, 165, 205-225.
27. Palmer, A. (2010). *Social minds in the novel*. Ohio State University Press.
28. Palmer, A. (2011). *Social minds in fiction and criticism*. *Style*, 45, 196-240.
29. Rimmon-Kenan, S. (2011). *Response to Alan Palmer*. *Style*, 45, 339-343.
30. Ryan, M.-L. (2011). *Kinds of minds: On Alan Palmer's "Social minds."* *Style*, 45, 654-659.
31. Schmid, W. (2003). *Narrativity and eventfulness*. In T. Kindt & H.-H. Müller (Eds.), *What is narratology? Questions and answers regarding the status of a theory* (pp. 17-33). De Gruyter.[2]
32. Schmid, W. (2010). *Narratology: An introduction*. De Gruyter.
33. Schmid, W. (2017). *Mentale Ereignisse: Bewusstseinsveränderungen in europäischen Erzählwerken vom Mittelalter bis zur Moderne*. De Gruyter.
34. Shklovsky, V. (1990). *The novel as parody: Sterne's Tristram Shandy* (B. Sher, Trans.). In *Theory of prose* (pp. 147-170). Dalkey Archive. (Original work published 1921)
35. Shklovsky, V. (1970). *Material i stil' v romane L'va Tolstogo "Vojna i mir"*. The Hague.
36. Stanzel, F. K. (1959). *Episches Präteritum, erlebte Rede, historisches Präsens*. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, 33, 1-12.
37. Stanzel, F. K. (1979). *Theorie des Erzählens*. Vandenhoeck & Ruprecht.
38. Stanzel, F. K. (Ed.). (2002). *Der Durchbruch: Die Kontroverse mit Käte Hamburger*. In *Unterwegs: Erzähltheorie für Leser* (pp. 41-44). Vandenhoeck & Ruprecht.
39. Tolstoy, L. (n.d.). *War and peace* (C. Garnett, Trans.). Random House. (Original work published ca. 1869)
40. Tolstoy, L. (1965). *Anna Karenina* (L. J. Kent & N. Berberova, Eds.; C. Garnett, Trans.). Random House.
41. Vygotsky, L. S. (1987). *Thinking and speech*. In R. W. Rieber & A. S. Carton (Eds.), *The collected works of L. S. Vygotsky* (Vol. 1). Plenum. (Original work published 1934)
42. Wertsch, J. V. (1991). *Voices of the mind: A sociocultural approach to mediated action*. Harvard University Press.
43. Woledge, B. (1988). *Commentaire sur "Ivain (Le Chevalier au lion)" de Chrétien de Troyes* (Tome II, vv. 3412-6808). Droz.

44. Zunshine, L. (2006). *Why we read fiction: Theory of mind and the novel*. Ohio State University Press.

K.Feferman

Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel
(e-mail: kiriru14@hotmail.com)

SOVIET EVACUATION POLICY AND THE JEWISH REFUGEES IN THE NORTH CAUCASUS, 1941-1942

Abstract

In the first year of the Soviet–German war, hundreds of thousands of Soviet citizens were evacuated to the North Caucasus. Many of them were Jewish women, children, and old men who arrived independently in the region. Their evacuation created serious frictions with the local authorities and population, with the newcomers often being protected by the central Soviet government. The latter came to welcome the arrival of these refugees in the North Caucasus, despite its initial reluctance to promote the evacuation of those whose contribution to the country's war effort was not direct. This article explores the dynamics of central government policy, local administration responses, and the experiences of the evacuated population, with a particular focus on the Jewish refugees who constituted the majority of independent newcomers to the region in 1941-1942. Drawing on official Soviet archival records, survivor testimonies, and secondary literature, the study argues that Soviet evacuation policies in the North Caucasus combined pragmatic security calculations with de facto humanitarian outcomes, even as deep tensions persisted between Moscow and local authorities over the burden and management of refugee flows.

Keywords: Soviet–German war; evacuation; North Caucasus; Jewish refugees; World War II; center-local relations.

К.Феферман

Иерусалимдегі еврей университеті, Иерусалим, Израиль
(e-mail: kiriru14@hotmail.com)

КЕҢЕСТІК ЭВАКУАЦИЯЛАУ САЯСАТЫ ЖӘНЕ 1941-1942 ЖЫЛДАРДАҒЫ СОЛТҮСТІК КАВКАЗДАҒЫ ЕВРЕЙ БОСҚЫНДАРЫ

Аңдатпа

Кеңес-герман соғысының бірінші жылында жүздеген мың кеңес азаматтары Солтүстік Кавказға эвакуацияланды. Олардың көпшілігі - еврей әйелдері, балалар мен қарт жастағы ерлер өңірге өз бетінше келді. Оларды эвакуациялау жергілікті билік пен халық арасында елеулі қайшылықтар тудырып, орталық кеңестік үкімет жаңа келгендерді жиі өз қорғауына алып отырды. Елдің әскери күш-жігеріне қосқан тікелей үлесі болмағандарды эвакуациялауға көмектесуді қаламағанына қарамастан, билік ақыр соңында босқындардың Солтүстік Кавказға келуін құптады. Мақалада орталық үкімет саясатының динамикасы, жергілікті әкімшіліктің реакциясы және эвакуацияланған халықтың тәжірибесі зерттеліп, 1941-1942 жылдары өңірге өз бетінше келген еврей босқындарына ерекше назар аударылады. Ресми кеңестік мұрағат материалдарына, тірі қалғандардың айғақтарына және қосымша әдебиетке сүйене отырып, зерттеу Солтүстік Кавказдағы кеңестік эвакуация саясатының, тіпті Мәскеу мен жергілікті билік арасындағы босқын ағындарының ауыртпалығы мен оларды басқару мәселесі бойынша терең қарама-қайшылық жағдайында да қауіпсіздіктің прагматикалық пайымдауларын іс жүзінде гуманитарлық нәтижелермен үштастыратынын дәлелдейді.

Кілт сөздер: кеңес-герман соғысы; эвакуация; Солтүстік Кавказ; еврей босқындары; Екінші дүниежүзілік соғыс.

К. Феферман

Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль

(e-mail: kiriru14@hotmail.com)

СОВЕТСКАЯ ЭВАКУАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ЕВРЕЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ, 1941-1942 гг.

Аннотация

В первый год советско-германской войны сотни тысяч советских граждан были эвакуированы на Северный Кавказ. Многие из них – еврейские женщины, дети и пожилые мужчины – прибыли в регион самостоятельно. Их эвакуация создала серьёзную напряжённость в отношениях с местными властями и населением; центральное советское правительство нередко брало новоприбывших под свою защиту. Несмотря на первоначальное нежелание содействовать эвакуации тех, чей вклад в военные усилия страны не был непосредственным, власти в конечном счёте приветствовали прибытие беженцев на Северный Кавказ. В статье исследуются динамика политики центрального правительства, реакция местной администрации и опыт эвакуированного населения – с особым акцентом на еврейских беженцах, составлявших большинство самостоятельно прибывших в регион в 1941-1942 годах. Опираясь на официальные советские архивные материалы, свидетельства выживших и вторичную литературу, исследование доказывает, что советская эвакуационная политика на Северном Кавказе сочетала прагматические соображения безопасности с фактически гуманитарными результатами, даже в условиях глубокого противостояния между Москвой и местными властями по вопросу о бремени беженских потоков и управлении ими.

Ключевые слова: советско-германская война; эвакуация; Северный Кавказ; еврейские беженцы; Вторая мировая война;

Introduction

Population evacuation is a complicated project that involves the central government, as well as local authorities in the evacuated and receiving regions, the local population in the destination areas, and the evacuees themselves (Cohen & Deng, 1998). Because of the complexity and huge costs involved in such enterprises, they are usually sanctioned only as a last resort, primarily during natural disasters or hostilities. Sometimes, people flee of their own volition and the government chooses or is compelled to regulate this flight by carrying out an orderly relocation of population. In other cases, the government decides on its own to shift the population away from the threatened areas, thus forcing the population to follow its orders.

The population evacuation launched in the wartime Soviet Union in response to the German invasion combined both of the aforementioned facets. On the one hand, masses of Soviet citizens fled independently from the threatened Soviet western territories towards the east. On the other hand, large numbers of people were evacuated in an organised manner as part of a government programme (Altshuler, 1986, pp. 77-78). Successful transfer of industrial facilities and civil population was instrumental in the country's war effort. However, research of these evacuations is limited and zeroes in on the questions of their impact on the Holocaust (Altshuler, 1993, pp. 77-104; Dubson, 1999, pp. 37-56) and of the relocation of industry (Belonosov, 1966, pp. 15-30; Kumanev, 2006, pp. 7-27). Also, in recent years, several studies have appeared that deal with the evacuation of Soviet civilians into specific areas (Edwards, 1996; Manley, 2004; Fedotov, 2004; Kiselev, 2004).

The organised evacuation of population in the wartime USSR was carried out at the initiative of the central government that imposed its will on local administrations. The latter had to deal with a multitude of new problems within a very short time span, including finding ways to fund the evacuation from local resources to the detriment of the local population. It could be anticipated that this would create tension between the central government on the one hand, and local authorities and populations, on the other (Rees, 2002, pp. 9-36). Such processes carried the potential of stirring up the resentment of the local administration and people vis-à-vis the newcomers. Finally, it is also likely that a massive influx of refugees from other areas could have led to the growth of inter-regional or inter-ethnic animosity.

This article addresses these questions by exploring the evacuation into the North Caucasus against the framework of the overall Soviet evacuation experience. The case of the Caucasus seems to be unique, since its proximity to the battlefields and the German occupation zone created an additional important dimension insofar as the evacuees' reception was concerned. The study is based on official Soviet records, testimonies of evacuees, and secondary literature on evacuation. Most archival sources referred to in the article are from the State Archive of the Russian Federation. Some of them, including the holdings of the Council for Evacuation, were recently photocopied and are currently available in the Yad Vashem archive (YVA) in Jerusalem.

Regarding the terms used in the article, 'North Caucasus' and 'Caucasus' include territories of Stavropol and Krasnodar, as well as the Autonomous Republics of Kabardino-Balkaria and Northern Ossetia, that is, almost the whole region occupied by the Germans in August 1942. The terms 'evacuee', 'refugee', 'newcomer', and 'incomer' are used interchangeably to denote all those who moved into the North Caucasus, whether under a government-initiated programme or independently, unless stated otherwise.

Evacuation of Population in Wartime USSR: General Concerns

When a central government initiates the partial or complete evacuation of a civilian population from territory threatened by the enemy, that initiative should be regarded as a part of its war strategy. In this sense, the evacuation envisioned and implemented by the Soviet government during the war with Nazi Germany had to take into account several considerations. On the one hand, the 'scorched earth' policy with the complete removal of population from areas due to be seized had some advantages: the Soviets would keep their human resources intact, whereas the Germans would have to count only upon their own scarce manpower in order to supervise the newly conquered regions. On the other hand, the complete depopulation of abandoned areas had serious disadvantages. It was hardly feasible on a practical level, and it would leave no one behind to wage a 'people's war' in the enemy's interior. In addition, it made sense to leave some of the population under the enemy's sway to capitalise on inevitable frictions between this population and the occupying power in later stages. Finally, there was the danger that such a move would play into the Germans' hands by providing them with an opportunity to Germanise the empty territories.

The decision of the Soviet government to launch population evacuation during the war was partly influenced by its pre-war resettlement policies applied towards a number of Soviet nationalities and professional groups during the 1930s (Manley, 2004, pp. 13-43; Statiev, 2005, pp. 977-983). It may be said cautiously that on the quantitative and geographic scale, the pre-war population evacuation planning paled into insignificance as compared to the challenges presented by the real German invasion. Similar to the case of the industrial relocation plans (Stone, 2005, p. 1061), Soviet strategists failed to calculate that so significant a part of the country might fall under the enemy's control. It is noteworthy that during the war, Soviet authorities also tried to analyse the experience of Imperial Russia with respect to the population eviction from the threatened areas during the First World War (Kurtsev, 1999, pp. 129-147).

These considerations, compounded by a rapidly deteriorating strategic situation, guided the Soviet government when it made decisions to withdraw human resources out of reach of the Germans soon after the beginning of the war. The complete removal of the population was not on

the drawing board (Manley, 2004, p. 60). Rather, the government formulated its evacuation policy solely with regard to specific groups singled out for their significance to the country's war effort and the survival of the Soviet regime. According to the directives, evacuation of population was aimed first and foremost at safeguarding lives of functionaries affiliated with the Communist Party, the Soviet government, and security agencies (of all levels) and their families; second, moving agricultural and industrial (mainly military-industrial) facilities, together with the workers employed in them; and third, transferring all possible human resources out of reach of the Germans. In addition, special emphasis was placed on the evacuation of children and elderly people, although their relocation was closer to what may be considered as humanitarian action.

Wartime evacuation of population in the USSR was slated to be a highly centralised process. It was coordinated by the Council for Evacuation (Sovet po evakuatsii pri SNK SSSR, SE) created on 24 June 1941 in accordance with the joint decision of the USSR Council of People's Commissars (SNK) and the Central Committee of the Bolshevik Party (VKP(b)). Head of the Soviet Trade Unions and Politburo Member Nikolai Shvernik was placed in charge of the Council. This body was empowered to authorise the evacuation of all populations with the exception of residents in areas that were close to the front lines, in which case it fell under the jurisdiction of the military command. The decisions of the Council were binding for the local administrations and all-Union ministries.

Overall, the Council presided over the evacuation of more than 10 million Soviet citizens eastwards in 1941. Following the military successes of the Red Army during the winter of 1941-1942, the Soviet leadership assumed that the stage of war-related evacuation was over. The liquidation of SE, and its replacement by a department of the RSFSR Council of People's Commissars for the maintenance of the evacuated population on 25 December 1941, underscores this point (Dubson, 1999, p. 38). The central government even sanctioned partial return of the evacuees (reevakuatsiya) into the central regions (Moscow, Tula, Kalinin) in the first half of 1942. However, when the German armies swept into the North Caucasus in summer 1942, the State Committee of Defence established a new Commission for Evacuation staffed by the people of the disbanded SE and headed by Shvernik. According to the official Soviet data, more than eight million people were evacuated in summer and autumn 1942, thus bringing the total number of evacuees to 20,400,000 people (Belonosov, 1966, p. 22).

The North Caucasus: The Composition of the Evacuated Population

The North Caucasus emerged as an important evacuation destination for the first time in early July 1941. Then, SE designated the territories of Krasnodar and Stavropol for the reception of 100,000 people each, to be evacuated from western Ukraine. However, in addition to the officially sanctioned plan, thousands of independent refugees thronged to the North Caucasus in summer-autumn 1941 because the region was situated on a natural escape route from Ukraine into the Soviet interior. According to the data of a local agency in charge of the resettlement, 37,165 evacuees arrived in the Krasnodar territory alone during the period 19-25 July 1941 (Belyaev & Bondar', 2000, pp. 38-39). By early autumn, this number swelled considerably and by 10 September, it had reached 205,000 people (Belyaev & Bondar', 2000, pp. 56-57). The 'wild' refugees continued arriving despite the growing threat of the German thrust to the region.

The independent or 'wild' incomers who fled to the North Caucasus were usually not registered as evacuees prior to their coming. Consequently, neither the central government nor the local authorities in the region anticipated their arrival. Nevertheless, they had to be provided for, much like the organised evacuees. Since the regulations issued by the central government did not envisage different treatment of independent newcomers and organised evacuees (Snegireva, 2005, pp. 282-283), a considerable overstretching of the Caucasian evacuation resources from the beginning of the war created a basis for inappropriate treatment of refugees in the North Caucasus in 1941-1942.

Among the evacuees, one should distinguish a special group of the Soviet Germans relocated into the North Caucasus from western regions of the Soviet Union. Although they were officially classified as evacuees by SE, their status was different from that of the rest of the newcomers. Their

'evacuation' was, in fact, deportation carried out by the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD). They were moved in separate trains and settled in remote rural localities far away from the railway. By mid-September 1941, they constituted more than 25% (54,440 people) of the incomers settled in the Stavropol territory. Most were deported further eastwards in autumn 1941 (Bugai, 1992, p. 66). The remaining Germans were exiled from the North Caucasus in May 1942 (Ibragimov, 1997, p. 238).

As demonstrated in Table 2, the gender and age composition of evacuees registered in the territories of Krasnodar and Stavropol reveals a predominance of women (39.1% and 26.2% respectively) while the share of elderly persons was not negligible either (10% and 25% respectively). Young children (aged 0-7) constituted approximately 15% of all the newcomers. The percentage of all these groups, out of the total number of evacuees in the regions of Krasnodar and Stavropol – which received by far the largest number of refugees in the North Caucasus – reached 65%. Of note also was the presence of many hundreds of patients of civil hospitals evacuated in the North Caucasus, primarily from the Crimean peninsula.

After the Red Army repelled the German advance in the North Caucasus in late November 1941, the situation in the southern flank of the Soviet–German front stabilised. It is against this backdrop that one should address the Soviet decision to evacuate into the North Caucasus many people from the besieged Leningrad, including staff and students of institutions of higher education. The decision was carried out in the winter months of 1941-1942, when the evacuation from Leningrad was made possible over the iced Lake of Ladoga. Central Soviet planners designated the whole North Caucasus as well as the Volga region for the evacuation of 11,000 people from Leningrad (Snegireva, 2005, p. 308). However, in April 1942, local authorities recorded that 36,000 evacuees from Leningrad were accommodated in the Krasnodar territory alone (Belyaev & Bondar', 2000, p. 249).

Table 1 Distribution of registered evacuated population in the regions of the North Caucasus, Molotov and Novosibirsk districts in 1941-1942 as compared to 1939

Number of evacuees as of

	<i>Total population as of 1939</i>	<i>15 September 1941</i>	<i>15 November 1941</i>	<i>1 February 1942</i>	<i>1 December 1942</i>
Krasnodar territory	3,172,300	87,901	162,066 ^a	168,571	113,300
Stavropol territory	1,951,200	94,263	162,352	135,265	132,600
North Ossetian ASSR	329,200	—	—	—	20,600
Kabardino-Balkar ASSR	359,200	—	—	—	22,900
Molotov district	2,087,300	31,802	90,054	108,599	222,200
Novosibirsk district	4,050,300	17,910	80,664	76,007	484,800

Note: ^aAs of 1 November 1941.

Source: SE and the Department of Resettlement of SNK RSFSR, 1941-42. YVA: JM/24678.

Table 1 Distribution of Registered Evacuated Population in the Regions of the North Caucasus as of 15 November 1941 by Gender and Age, in Percentage out of the Total

	<i>Men (16-59)</i>	<i>Women (16-54)</i>	<i>Children (0-7)</i>	<i>Children (8-15)</i>
Krasnodar territory ^a	19.2	39.1	16.7	15.0
Stavropol territory	18.7	26.2	14.2	15.9

Note: ^aAs of 1 November 1941.

Source: Calculated by the author on the basis of data of Resettlement Departments processed by SE, 1941. YVA: JM/24678.

The Ethnic Factor

As for the ethnic origins of the newcomers, a local agency conducted a statistical study of the ethnic composition of evacuees in the Krasnodar territory, to reveal that '218,000 people, 73% of them Jews, were received and accommodated in the territory as of 1 October 1941' (Belyaev & Bondar', 2000, pp. 76-77). Data of SE pertaining to other areas indicate that by summer–autumn 1941, Jews constituted a majority of the newcomers throughout the North Caucasus (see Table 3).

TABLE 3 DISTRIBUTION OF REGISTERED EVACUATED POPULATION IN THE REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS, MOLOTOV AND NOVOSIBIRSK DISTRICTS IN 1941 BY NATIONALITY (RUSSIANS/UKRAINIANS/JEWS), IN PERCENTAGE OUT OF THE T

	<i>As of 1 October 1941</i>			<i>As of 15 November 1941</i>		
		<i>Ukrainians</i>	<i>Jews</i>	<i>Russians</i>	<i>Ukrainians</i>	<i>Jews</i>
Krasnodar territory	11.9	14.3	69.5	15.6 ^b	14.7 ^b	65.5 ^b
Stavropol territory	9.2 ^c	14.5 ^c	67.6 ^c	11.2	13.1	59.0
Molotov district	63.7 ^d	5.0 ^d	20.0 ^d	63.4	5.6	18.3
Novosibirsk district	40.7 ^d	5.0 ^d	11.3 ^d	32.0 ^b	4.3 ^b	8.1 ^b

Notes: ^aNot including Soviet Germans.

^bAs of 1 December 1941.

^cAs of 15 September 1941.

^dAs of 15 October 1941.

Source: Calculated by the author on the basis of data of Resettlement Departments processed by SE, 1941. YVA: JM/24678.

This finding seems to be at odds with the widely held view that the Soviet government did not prioritise the evacuation of Jews (Edwards, 1996, pp. 38-39; Altman, 2002, pp. 388-389; Arad, 2004, pp. 177-202; Manley, 2004, pp. 99-100, 166-167) and needs to be explained. As mentioned above, the region served as a reception area in Soviet planning. However, the number of 'wild' refugees who thronged the Caucasus was considerably higher than the figures set for the organised evacuation. The ensuing gap had to do with the consideration that the North Caucasus was very close to Ukraine with its sizeable Jewish population. Although the Soviet authorities did not prioritise the evacuation of Jews insofar as organised evacuation was concerned, they evidently did not prevent the Jews who escaped independently to the North Caucasus from availing themselves of the facilities offered by the Soviet evacuation programme, including the provision of food, work, housing, warm clothes, fuel, medical aid, and schooling for their children. In contrast, Table 3 shows that when a region (such as the Siberian districts of Molotov and Novosibirsk) received government-organised groups of evacuees and fewer independent refugees, the proportion of Jews among the evacuees was considerably lower.

It turns out that the arrival of masses of predominantly Jewish evacuees led to an upsurge of anti-Jewish sentiments among the local population. This involved the denial of residence to Jewish evacuees. The local inhabitants were recorded as saying: 'We'll let Russians in, but not Jews', and: 'We'll be answerable on account of you, Jews. If Hitler comes here, you'll be hanged, and he won't have mercy on us, either.' Occasionally, attempts to get rid of Jewish tenants were made with the tacit approval of local functionaries. The atmosphere of anti-Semitism in the North Caucasus towards the Jewish evacuees is also indicated in many Jewish testimonies. In autumn 1941 this

manifested itself in letting local people pass ahead of Jews in queues and making derogatory remarks. Importantly, as the Germans approached in autumn 1941 the animosity towards Jews increased (Borovoi, 1993, pp. 252, 254). It should be remembered that these feelings were evolving in a region situated outside the traditional Pale of Settlement – an area historically characterised by strong anti-Semitic feelings among certain categories of the inhabitants, especially Cossacks (Shekhtman, 1932, pp. 31, 76; Kenez, 1977, p. 172).

Official Soviet records indicate that quite a number of ordinary people and especially low-level functionaries were convicted for 'instigating nationally motivated animosity, namely anti-Semitism' in the context of evacuation in the North Caucasus. The overall impression is that starting from late 1941, the central Soviet government tended to suppress anti-Jewish attitudes among the local elite and inhabitants in the North Caucasus. Often viewed in conjunction with or as explicit expressions of resentment against the Soviet regime and too reminiscent of Nazi messages, they could not be ignored: from late October 1941, the Wehrmacht stood at the gate of the North Caucasus.

The Security Factor

Soviet authorities deemed the transfer of thousands of evacuees from one part of the country to another as a security problem. The NKVD carried out a close surveillance of the evacuated population from the point of departure to its final destination, preventing it from 'infiltrating' closed military zones (primarily near big cities in the country's centre), and monitoring attitudes of evacuees and the receiving population. A certain number of evacuees were arrested as 'saboteurs who made their way into the interior of the country', while weapons were confiscated from other evacuees. Although Soviet security concerns may have been exaggerated, it is evident that the very arrival of refugees into the interior served as a clear indication of Soviet military failures and in this sense, it did undermine the Soviet defence.

In line with the security directives issued by the centre, the refugees who made their way to the North Caucasus were meticulously checked at transfer points, including body searches. When the Wehrmacht first approached the region in October–November 1941 and the evacuation swelled, the local authorities began to voice growing concern over the security risks that the large-scale movement of refugees in the North Caucasus entailed. The way they attempted to solve the problem was to limit the entry of evacuees into the region. Starting from 30 September 1941, a ban was placed on registration of the newcomers in key industrial and military centres (Krasnodar, Maikop, Novorossiysk, and Tuapse) (Belyaev & Bondar', 2000, pp. 76-77). Furthermore, the local administration entrusted the issuance of resettlement permits to the military command (Belyaev & Bondar', 2000, pp. 56-57), which indicated, at least partly, the desire of the former to shrink the responsibility of having to receive the evacuees.

The official Soviet correspondence does not reveal, however, even one case in which a Soviet evacuee into the North Caucasus was charged with being a German spy. Therefore, it is possible that under the pretext of solving security problems, the local administration desired to avoid flooding the region with an ever-growing number of refugees; its method was to restrict their free entry into the area. Such a move had, doubtless, to be approved by the centre and, judging by the authorisation given by the Soviet government to the NKVD, the former embraced the standpoint of the local Caucasian administration, whereby the refugees constituted a security risk.

This episode indicates that a convergence of views between the government in Moscow and the local authorities could also evolve from time to time. Yet, this seems to have been only a tactical development; in the long run, each of them pursued its own interests, which were far from being identical. The lack of reference in the refugees' accounts to the limitations placed on their entry indicates, however, that this policy was not effective. The problem was really solved only several months later when many newcomers left the North Caucasus for the deep Soviet interior (Belyaev & Bondar', 2000, pp. 181-182; Table 1).

The Micro View

The central Soviet government's decrees envisaged considerable expenditure on accommodating the incomers. This included, among other things, the provision of the evacuated population with housing, work, medical aid, clothes, and food. The implementation of these edicts was imposed on the heads of local administrations; the aforementioned tasks were to be funded from the respective local budgets.

Yet, it would be inaccurate to say that the local administrations were left entirely alone in coping with the growing financial demands caused by the population evacuation. From time to time, branches of the central Soviet government operating to SE demand, including the People's Commissariat of Trade and the People's Commissariat of Health Protection, allocated resources to aid the local authorities. In addition, the missions of districts and republics, from whence the evacuees arrived, were also occasionally instrumental in caring for the newcomers, mainly those who arrived in an organised manner.

However, as the great majority of evacuees who came to the North Caucasus were 'wild', it appears that their arrival was often unexpected for the local administration. Furthermore, in such a scarcely populated region as the North Caucasus, with a population of slightly more than 7.2 million people as of 1939 (Altshuler, 1993, pp. 13-15), and further depleted by a large-scale draft of men to the Red Army (Bezugol'nyi, 2004, p. 38), the settlement of several hundred thousand newcomers created a heavy burden on the local resources. As the case of Kabardino-Balkaria shows, the authorities were compelled to shift part of the already diminished budgets from specifically local tasks in order to care for the newcomers. The result was inadequate funding of both the local population and the evacuees, which had the potential of setting the former against the latter, and both of them against the authorities.

With regards the resettlement of evacuees and their employment, these terms were closely interwoven in the Soviet evacuation planning (Edwards, 1996, pp. 186, 203-215). The central government wanted to see every incomer employed; refugees from rural areas were to be employed in *kolkhozy* and urban inhabitants in factories. On the face of it, the local administration was also eager to have the newcomers employed. But apparently unable to find appropriate skilled work in the North Caucasian economy for these mainly urban evacuees, the local authorities preferred to send them, for the most part, to villages that urgently needed working hands. However, as was revealed by the inspection sent into Kabardino-Balkaria, about 58% of the able-bodied evacuees in 1941-1942 were not put to work, despite the severe lack of working hands in agriculture, evidently due to the incompetence of local authorities. We can reasonably assume that this phenomenon was replicated widely throughout the region.

The local authorities dealt in an organised fashion with both the planned as well as unplanned refugees. The newcomers were to be registered and many refugees were, indeed, registered. The intention was that the incomers would be given food, fuel, and, most importantly, accommodation according to low rates fixed by the state. And in fact, many evacuees in the North Caucasus were provided with necessary food, fuel, and accommodation in state-owned buildings and in the houses of private persons.

Soviet planners envisaged various methods to come to grips with the problem of evacuees' settlement. First, houses were to be constructed for the newcomers. This was implemented in some other areas of the country (Fedotov, 2004, p. 70; Snegireva, 2005, pp. 81-82) but not in the Caucasus (Snegireva, 2005, pp. 296-298). Second, some people in the local population were forcefully relocated to rural areas (Edwards, 1996, p. 303), but there is no record of this being done in the Caucasus. However, the third method, the so-called *uplotnenie*, in which local residents were ordered to accommodate the evacuees in their homes, was widely applied in the North Caucasus as elsewhere in the country (Finadeev, 2005, p. 91). The locals were not allowed to charge the tenants a rental price that exceeded the low rate fixed by the state.

As the number of incomers to the Caucasus continued to grow throughout summer-autumn 1941, the entire programme of resettlement in the North Caucasus came under growing strain. While the central government remained eager to keep up the pace of the evacuation, the local

administration quickly ran out of resources. The influx of refugees into the region led to much friction between them and the local population. House-owners tried to get rid of their existing tenants or to rent their apartments for high market prices rather than the low state rate. The refugees then often sought protection from local authorities, but these were often either unable or unwilling to cope with the problem.

Furthermore, in quite a number of places, the local administration discriminated against the incomers as compared to the local residents: the former were denied food and fuel provision; the budget funds assigned to handle the evacuees' problems were misused; and the incomers were illegally charged for sanitary treatment (disinfection). The centrally controlled NKVD and SE repeatedly intervened on behalf of the evacuees and a number of local functionaries were condemned to prison terms for failing to accommodate the evacuees, supply them with bread, or provide fuel for their families. At the same time, in many cases the local enforcement agencies (Prosecutor's Office) actually sided with the local authorities by turning a blind eye to the latter's misconduct vis-à-vis the evacuees.

These conflicts between the newcomers and the local authorities reveal the basic antagonism between the central Soviet government and the local authorities. The latter were often reluctant to adhere to the policy of welcoming the evacuees' arrival as prescribed by the central government. Rather, it seems that the local administration was more attuned to the feelings of the population, which became more and more dissatisfied over the evacuees' influx into the North Caucasus.

The Macro View

Judging by their age and gender (see Table 3), the contribution of most incomers in the North Caucasus (with the exception of women of working age and children over 14) to the immediate Soviet war effort was hardly direct, if at all. And although they were composed mainly of those refugees who made their way into the North Caucasus independently, they did make use of the evacuation facilities. The question arises of why the Soviet authorities allowed such a large-scale flight of mainly Jewish independent refugees to the North Caucasus when their presence constituted a heavy burden on the evacuation capacities and served as a visible reminder of Soviet military disasters, thus undermining morale at the home front.

This process was initiated by the centre when the article 'To lavish care on the evacuated population' appeared in *Pravda* on 18 December 1941. Shortly afterwards, similar articles published in the main newspapers in the evacuation destination centres across the country, including the North Caucasus, inaugurated a short-lived but intensive propaganda campaign. In the latter region, it combined commending positive examples of caring for evacuees, such as the collection of warm clothes for the evacuees' children, and, to a much lesser extent, severely criticising negative experience, mostly bureaucratic indifference towards the newcomers. Ordinary Caucasians were urged to give the newcomers a warm reception, since the latter 'participated in industrial and social activities alongside all the patriots', or, in other words, the refugees were put on a par with other Soviet people.

Juxtaposing many examples cited in this article, it appears that this campaign did not succeed in changing the basic attitudes of the local administration and population towards the evacuees. With the arrival of the latter, the local authorities received additional duties; their implementation was supervised by Moscow. The evacuees enjoyed the protection of the centre, and for this reason, could not be effectively controlled by local administrations. Furthermore, the refugees' complaints about the local administration's misconduct led to investigations by various supervising agencies. This may explain why despite numerous appeals and tightened control, the local officials in the North Caucasus often attempted, either consciously or unconsciously, to divert the refugees from their localities.

The local people themselves tended to turn a deaf ear to new appeals for self-sacrifice in order to help the evacuees. Their indifference, or even hostility in some cases, may have been a result of war-weariness or doubts as to whether aid rendered to the refugees was tantamount to their contribution to the country's war effort.

It took the central government more time to further reappraise the role of evacuees in the war. In the North Caucasus, the new winds blowing from Moscow were voiced by Shklovskii, the Senior Inspector of SNK RSFSR Department for the maintenance of the evacuated population, who was sent to examine the evacuees' reception in Kabardino-Balkaria ASSR. His investigation culminated in a special session of the republic's government held in Nalchik on 5 May 1942. Criticising the conduct of area-level administrations, Shklovskii emphasised that 'the evacuees' reception would have run more smoothly if the area-level administrations had realised that this evacuated population comprised the best type of people, who had not remained under the Fascist yoke.' Given the composition of the evacuated population in the North Caucasus and the context of Shklovskii's speech, it is evident that he was referring to independent newcomers who had made a conscious decision to move to the Soviet-controlled area.

The independent refugees' promotion from their 'alongside all the patriots' status to that of 'best type of people' constituted a radical reorientation of central government attitudes towards them. In the North Caucasus, the central government began to view them as an asset in the war effort and not just a bothersome addendum to the organised evacuees. Arguably, this new understanding reflected the independent refugees' role as a particularly reliable group of Soviet citizens, who consciously chose to remain with the Soviet regime, even when its survival prospects looked very gloomy.

Conclusion

Soviet planners conceived the evacuation of the population in pragmatic terms by confining the circle of potential evacuees to those able to contribute to the country's war effort, regardless of their ethnic origin. Nevertheless, in the North Caucasus, the Soviet government tolerated and even created conditions for the resettlement of masses of women, small children, and elderly people. For the Jews, who eventually constituted the majority of newcomers in this region, the Soviet evacuation programme presented a unique rescue opportunity. Therefore, it may be said that the Soviet evacuation policies in the North Caucasus resembled a humanitarian action to no small extent.

Soviet humanitarianism in this case differed, however, from what is accepted in the modern world, when civilians are provided with aid simply because they are in dire straits. The story in the wartime North Caucasus began to unfold from the beginning of the war, when the central Soviet government kept the gates of the North Caucasus open, allowing refugees to flee eastwards en masse and find shelter there. The gradual reappraisal of the role of independent newcomers was a long process that climaxed with their tacit recognition as the most upstanding Soviet citizens – those who remained loyal to the regime, even in its most difficult days.

This reassessment should be seen against the background of the unique strategic situation in the North Caucasus, as the Wehrmacht had a foothold there from mid-autumn 1941. The NKVD was anxious to detect the potential fifth column in this sensitive region. Echoing a reorientation of the central Soviet government approaches to the evacuees, the NKVD shifted the focus of its security concerns from the refugees, who had come to be viewed as Soviet patriots, to those among local administration and population who failed to organise the newcomers' reception properly, or who maltreated them, for example, by displaying hostility towards Jews. Thus, although the Soviet evacuation programme in the region could be counted as a humanitarian initiative, the driving forces behind it (once it became a deliberate policy) were sober political and security calculations.

Nonetheless, the central Soviet government's attitudes and policies towards the refugees in the region ran counter to the mood of the local authorities and the population. The arrival and settlement of thousands of evacuees in the North Caucasus in the first year of the war proved to be a new and rapidly growing source of nuisance to the local authorities, as well as the local population, because the money used to meet the evacuees' needs was taken from local budgets, and numerous evacuation-related afflictions were imposed on the local population. The arrival of masses of Jews in the North Caucasus led to the upsurge of anti-Semitic sentiments, with the administration often

tacitly adopting a non-intervention policy or even openly siding with the local residents against the evacuees.

Apart from apparently a tiny stratum of people moved by patriotic and humanitarian motives, a considerable number of local people and local ruling elites in the North Caucasus were unwilling participants in the evacuation effort and wanted to see the evacuees abandon their area as soon as possible. When the number of refugees in the North Caucasus increased sharply, these feelings became much more accentuated. Further research may elucidate whether the developments in the North Caucasus were unique, or whether they were also replicated in other Soviet regions.

Data Availability Statement

To this research, the sharing of newly generated data is not applicable, as no new data were created or analysed. Archival sources are held at the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the Yad Vashem Archive (YVA), Jerusalem.

References:

1. Altman, I. (2002). *Zhertvy nenavisti: Kholokost v SSSR, 1941-1945 gg. [Victims of hatred: The Holocaust in the USSR, 1941-1945]. Fond 'Kovcheg': Kolleksiya 'Sovershenno sekretno'.*
2. Altshuler, M. (1986). *Ha-pinui v'haminusah shel yehudim mi-belorussiyah ha-mizrachit bi-tqufat ha-shoah, yuni-ogust 1941. Yahadut zmanenu*, 3.
3. Altshuler, M. (1993). *Escape and evacuation of Soviet Jews at the time of the Nazi invasion: Policies and realities. In L. Dobroszycki & J. Gurock (Eds.), The Holocaust in the Soviet Union: Studies and sources on the destruction of the Jews in the Nazi-occupied territories of the USSR, 1941-1945 (pp. 77-104). M.E. Sharpe.*
4. Andrienko, M. (2005). *Naselenie Stavropol'skogo kraya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: otsenka povedencheskikh motivov [Population of Stavropol region during the Great Patriotic War: assessment of behavioural motives] [Doctoral dissertation, Pyatigorsk State Linguistic University].*
5. Arad, Y. (2004). *Toldot ha-shoa. Brit ha-moetsot ve-ha-shtachim ha-mesupachim [History of the Holocaust. The Soviet Union and the annexed territories]. Yad Vashem.*
6. Belonosov, I. (1966). *Evakuatsiya naseleniya iz prifrontovoi polosy in 1941-1942 gg. [Evacuation of population from the frontline zone in 1941-1942]. In Iu. Polyakov (Ed.), Eshelony idut na Vostok: iz istorii perebazirovaniya proizvoditelnykh sil SSSR v 1941-1942 gg.: sbornik statei i vospominanii [Echelons go East: from the history of relocation of productive forces of the USSR in 1941-1942: collection of articles and memoirs] (pp. 15-30). Nauka.*
7. Belyaev, A., & Bondar', I. (Eds.). (2000). *Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, 1941-1945: Khronika sobytii [Kuban during the Great Patriotic War, 1941-1945: A chronicle of events] (Vol. 1). Sov. Kuban'.*
8. Bezugol'nyi, A. (2004). *Narody Kavkaza v Vooruzhennykh silakh SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi Voyny 1941-1945 gg. [Peoples of the Caucasus in the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War 1941-1945] [Doctoral dissertation, Stavropol State University].*
9. Borovoi, S. (1993). *Vospominaniya [Memoirs]. Evreiski Universitet v Moskve; Gesharim.*
10. Bugai, N. (Ed.). (1992). *Iosif Stalin–Lavrentiyu Berii. Ikh nado deportirovat'. Dokumenty, fakty, kommentarii [Joseph Stalin–To Lavrentiy Beria. They must be deported. Documents, facts, commentaries]. Druzhba narodov.*
11. Cohen, R., & Deng, F. (Eds.). (1998). *Masses in flight: The global crisis of internal displacement. Brookings Institution Press.*
12. Dubson, V. (1999). *On the problem of the evacuation of Soviet Jews in 1941 (new archival sources). Jews in Eastern Europe*, 3(40), 37-56.
13. Edwards, K. (1996). *Fleeing to Siberia: The wartime relocation of evacuees to Novosibirsk, 1941-1943 [Doctoral dissertation, Stanford University].*
14. Fedotov, V. (2004). *Evakuirovannoe naselenie v Srednem Povolzh'e v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.): problemy razmesheniya, sotsial'noi adaptatsii i trudovoi*

deyatel'nosti [Evacuated population in the Middle Volga region during the Great Patriotic War: problems of settlement, social adaptation and labour activity] [Doctoral dissertation, Samara State Pedagogical University].

15. Finadeev, A. (Ed.). (2005). *Togda byla voina. Sbornik dokumentov i materialov* [Then there was war. Collection of documents and materials]. Kniga.

16. Ibragimov, M. (1997). *Narody Severnogo Kavkaza v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg.* [Peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic War 1941-1945]. Moskovskii pedagogicheskii universitet.

17. Kabuzan, V. (1996). *Naselenie Severnogo Kavkaza v 19-20 vekakh: etnostatisticheskoe issledovanie* [Population of the North Caucasus in the 19th-20th centuries: An ethno-statistical study]. Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr 'Blits'.

18. Kenéz, P. (1977). *Civil war in South Russia, 1919-1920: The defeat of the Whites*. University of California Press.

19. Kiselev, F. (2004). *Gosudarstvennaya politika po otnosheniyu k evakuirovannomu naseleniyu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Na materialakh Kirovskoi oblasti i Udmurtskoi ASSR* [State policy towards the evacuated population during the Great Patriotic War. Based on materials of the Kirov region and the Udmurt ASSR] [Doctoral dissertation, Vyatka State Technical University].

20. Kumanev, G. (2006). *Voina i evakuatsiya v SSSR. 1941-1942 gody* [War and evacuation in the USSR. 1941-1942]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 6, 7-27.

21. Kurtsev, A. (1999). *Bezhenstvo* [Refugee crisis]. In N. Smirnov (Ed.), *Rossiya i pervaya mirovaya voina* [Russia and the First World War] (pp. 129-147). DB.

22. Manley, R. (2004). *The evacuation and survival of Soviet civilians, 1941-1946* [Doctoral dissertation, University of California, Berkeley].

23. Mordechai, A. (1993). *Distribution of the Jewish population of the USSR 1939*. Hebrew University of Jerusalem, Centre for Research and Documentation of East-European Jewry.

24. Potemkina, M. (2005). *Evakonaselenie v ural'skom tylu. Opyt vyzhyvaniya* [Evacuated population in the Ural rear. Survival experience]. *Otechestvennaya istoriya*, 2, 86-98.

25. Rees, E. (2002). *The changing nature of centre-local relations in the USSR, 1928-1936*. In E. Rees (Ed.), *Centre-local relations in the Stalinist state, 1928-1941* (pp. 9-36). Palgrave.

26. Shekhtman, I. (1932). *Pogromy Dobrovol'cheskoi Armii na Ukraine: k istorii Antisemitizma na Ukraine v 1919-1920 gg.* [Pogroms of the Volunteer Army in Ukraine: On the history of anti-Semitism in Ukraine in 1919-1920]. *Ostjüdisches Historisches Archiv*.

27. Snegireva, L. (Ed.). (2005). *Vo imya pobedy; evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny v dokumentakh i materialakh* [In the name of victory; evacuation of the civilian population to Western Siberia during the Great Patriotic War in documents and materials] (Vol. 1). Tomsk State Pedagogical University Press.

28. Statiev, A. (2005). *Motivations and goals of Soviet deportations in the western borderlands*. *Journal of Strategic Studies*, 28(6), 977-1003. <https://doi.org/10.1080/01402390500441839>

29. *Stavropol'e v Velikoi Otechestvennoi Voine 1941-1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov* [Stavropol region in the Great Patriotic War 1941-1945. Collection of documents and materials]. (1962). Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

30. Stone, D. (2005). *The first five-year plan and the geography of Soviet defence industry*. *Europe-Asia Studies*, 57(7), 1047-1063. <https://doi.org/10.1080/09668130500302853>

Д.Шайбакова

Казахский национальный педагогический университет им. Абая
Алматы, Казахстан (e-mail: damina1shaibakova@gmail.com)

КАЗАХСКИЕ СИМВОЛЫ

В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАЗАХСТАНА

Аннотация

В статье рассматривается феномен русскоязычной литературы на примере использования казахских символов. Целью является определение специфики представления этнокультурных символов и их смыслов средствами другого (русского) языка. Материалом послужили тексты русских и казахских авторов, пишущих на русском языке, которые содержат образное представление казахских символов. Это актуально в связи с изучением явления транслингвальности, транскультурности, феномена пограничности литературы Казахстана. Выбор объекта исследования обусловлен обстоятельствами признания официальными ряда символов, утвержденных указом президента Казахстана 5 ноября 2025 г. Таким образом, эти символы рассматриваются не только как художественно-образное средство, но и как объект официально-правового дискурса.

В литературе Казахстана выявляется влияние знания традиций, менталитета, особенностей образного восприятия, этнокультурной специфики в целом на рефлексию русскоязычного автора. Утверждается, что культурная интеркаляция определяет специфику русского художественного текста в нашей стране и определяет языковое своеобразие, которое еще предстоит научно исследовать. Объектом анализа являются тексты Г.Бельгера, С.Санбаева, Б.Канапьянова, Д. Накипова, Н. Черновой, Д.Черепанова, Р. Сейсенбаева, др.

Определение лингвокультурного феномена основано на анализе понятий символа, смысла, транслингвальности, образной специфике передачи значимости казахского символа при кросслингвальности. Сравнение образности в казахском и русском языке имеет значение и для демонстрации того, что полная адекватность не всегда возможна в силу освоенных разными авторами принципов осмысления родного и инокультурного слова, реализующего символическое значение. В частности, это показано на примере символа степи и смежных с ним феноменов.

Ключевые слова: интеркаляция, смысл, казахизм, транслингвальность, транскультурность.

Д.Шайбакова

*Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан (e-mail:damina1shaibakova@gmail.com)*

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРЫС ТІЛДІ ӘДЕБИЕТІНДЕ ҚАЗАҚ СИМВОЛДАРЫ

Аңдатпа

Мақалада қазақ символдарының қолдану мысалында орыс тілді әдебиет феномені қарастырылады. Басқа (орыс) тілінің құралдарымен этномәдени символдарды және олардың мағыналарын ұсыну ерекшелігін айқындау мақсаты болып табылады. Зерттеу материал ретінде қазақ символдары бейнелейтін орыс және қазақ тілдерінде жазатын авторлардың мәтіндері алынды. Бұл транслингвалдылық құбылысын, трансмәдениеттілікті, Қазақстан әдебиетінің шекаралық феноменін зерделеуге байланысты өзекті болып табылады. Зерттеу нысанын таңдау 2025 жылғы 5 қарашада Қазақстан президентінің жарлығымен бекітілген бірқатар символдар ресми деп тану жағдайларына негізделген. Осылайша, бұл символдар көркемдік-бейнелеу құралы ретінде ғана емес, ресми-құқықтық дискурс нысаны ретінде де қарастырылады.

Қазақстан әдебиетінде дәстүрлерді, менталитетті, бейнелі қабылдау ерекшеліктерін білудің, жалпы этномәдени ерекшеліктің орыс тілді автордың рефлексиясына әсері айқындалады. Мәдени интеркаляция біздің еліміздегі орыс көркем мәтінінің ерекшелігін және әлі ғылыми зерттелуі тиіс тілдік ерекшелікті айқындайды деп бекітіледі. Талдау

нысаны ретінде Г.Бельгер, С.Санбаев, Б.Канапьянов, Д.Нәкіпов, Н.Чернова, Д.Черепанов, Р.Сейсенбаев және т.б. мәтіндер болып табылады.

Лингвокультуралық феноменнің анықтамасы символдық, мағыналық, транслингвалдылық ұғымдарын талдауға, кросслингвалдылық кезінде қазақ символының маңыздылығын жеткізудің бейнелік ерекшелігіне негізделген. Қазақ және орыс тілдеріндегі бейнелілікті салыстыру әртүрлі авторлардың символдық мәнді жүзеге асыратын ана тілі мен өзге мәдениет сөзін пайымдау принциптерін меңгеруіне байланысты толық барабарлықтың (адекваттылықтың) әрдайым мүмкін бола бермейтінін көрсету үшін де маңызды. Атап айтқанда, бұл дала символы мен онымен сабақтас феномендер мысалында көрсетілген.

Кілт сөздер: интеркаляция, мағынасы, қазақшылдық, транслингвалдық, транскультуралық.

D.Shaibakova

*Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan, e-mail: daminalshaibakova@gmail.com*

KAZAKH SYMBOLS IN RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF KAZAKHSTAN

Abstract

This article examines the phenomenon of Russian-language literature using Kazakh symbols as an example. The aim is to determine the specifics of representing ethnocultural symbols and their meanings through the medium of another (Russian) language. The material for this study is texts by Russian and Kazakh authors writing in Russian, which contain figurative representations of Kazakh symbols. This is relevant in connection with the study of the phenomena of translingualism, transculturality, and the phenomenon of the borderland nature of Kazakh literature. The choice of the object of study is determined by the circumstances of the recognition of a number of symbols as official, approved by the decree of the President of Kazakhstan on November 5, 2025. Thus, these symbols are considered not only as artistic and visual means but also as an object of official and legal discourse.

In Kazakh literature, the influence of knowledge of traditions, mentality, features of figurative perception, and ethnocultural specificity in general on the reflection of Russian-speaking authors is revealed. It is argued that cultural intercalation determines the specificity of Russian literary texts in our country and defines a linguistic identity that has yet to be scientifically studied. The object of analysis is the texts of G. Belger, S. Sanbaev, B. Kanap'yanov, D. Nakipov, N. Chernova, D.Cherepanov, R. Seisenbaev, and others.

The definition of the linguacultural phenomenon is based on an analysis of the concepts of symbol, meaning, translinguality, and the figurative specificity of conveying the significance of the Kazakh symbol in cross-lingual contexts. A comparison of imagery in Kazakh and Russian is also important for demonstrating that complete adequacy is not always possible due to the different authors' mastery of the principles of understanding native and foreign words that embody symbolic meaning. This is demonstrated in particular by the example of the symbol of the steppe and related phenomena.

Keywords: intercalation, meaning, Kazakhism, translinguality, transculturality.

Введение

Тема «Казахские символы в русскоязычной литературе Казахстана» связана с проблемой культурного и языкового взаимодействия, национальной образности, традиции, межлитературного диалога. Казахстан в этом плане представляет собой уникальное культурное пространство широкого двуязычия и богатейшей истории этноса.

Взаимопроникновение культур, лингвокультур происходит на разных уровнях. Длительная практика двуязычия формирует навыки восприятия казахских феноменов через русский язык. Магистральные линии их исследования обрastaют новыми аспектами. Одним из них является транслингвальный.

Русский язык и русскоязычная литература в условиях независимого государства Казахстан продолжают играть важную роль. Однако они в большей степени регионализируются. Русский язык является не только средством межнационального общения, но и инструментом художественного осмысления национального мира.

Активнее проявляется интерес к национальному, этническому содержанию. Особое место занимают процессы символизации отдельных этнокультурных образов. В связи с возрастающей семиотичностью казахской культуры, лингвокультуры обращение к символу как объекту научного исследования актуально, что объясняется осознанной демонстрацией национально-этнического содержания в знаках современного кода. Это проявляется как в повседневной бытовой жизни, так и в литературе, искусстве. Символы кочевой культуры – степь, конь, домбра, шанырак, беркут, юрта – становятся носителями коллективной памяти, исторического опыта и национальной идентичности. Степь Казахстана – это пространство кочевой цивилизации, которая не перестает быть источником современных идей и образов. В русскоязычной литературе Казахстана они приобретают дополнительную семиотическую нагрузку: функционируют одновременно как элементы традиционной культуры и как объекты художественной рефлексии.

Актуальность рассматриваемой проблемы также обусловлена ее значимостью на государственном уровне. Цель данной работы – показать, что различия в представлении казахских символов в казахских, русских и русскоязычных казахстанских текстах обусловлены не только языком выражения, но и особенностями культурной картины мира и рефлексии по отношению к традиции.

Методология

Для раскрытия темы статьи целесообразно остановиться на понятии «русскоязычная литература Казахстана» ввиду его сложности и многоаспектности. В Казахстане литературу на русском языке привычно называют русскоязычной, однако ее авторами могут быть люди разных национальностей, в том числе те, для которых русский язык может и не быть первым. К русскоязычной литературе Казахстана относятся: произведения авторов, пишущих только на русском языке; произведения авторов-билингвов; переводы на русский язык. Она имеет черты и русских, и казахских (а также иных) традиций. В транслингвальном тексте возникает проблема выбора между знаками двух языков. Утвердившиеся в русском тексте казахизмы приобретают статус символа в силу своей маркированности, повторяемости, многогранности восприятия. В последние годы парадигма терминов, обозначающих феномен лингвокультурного синтеза, расширилась. Художественные тексты на русском языке, созданные казахстанскими писателями, называют: русская, русскоязычная, билингвальная, двуязычная (предполагает присутствие двух языков), транслингвальная (предполагающая плавный переход от одной лингвокультуры к другой, некоторое слияние, но не ассимиляцию; она создается не на родном языке (Proshina, 2024, p.32), транскультурная (произведения национальных писателей, написанных на русском языке, но «отражающих национальный способ мировидения» (Temirgazina, 2020, p.31), контактная (предполагается контакт языков), экзотонная (не на родном языке) литература (Proshina, 2024, p.32), литература «пограничья» (Chernova, 2000).

Еще одним типом русскоязычной литературы является переводная. Некоторые писатели одновременно являются и переводчиками. Так, Ануар Алимжанов, Роллан Сейсенбаев, Канат Кабдрахманов некоторые свои произведения писали на казахском языке, а затем переводили на русский. Между тем сейчас с переводами не все так хорошо. Казахский писатель Илья Одегов писал: «Сейчас переводами почти не занимаются. У нас и писателей-то мало, а переводчик – профессия совершенно неблагодарная. В результате

казахскоязычная и русскоязычная литература в Казахстане все реже пересекаются. На мой взгляд, это гигантское упущение» (Eshhe ne perevelis', 2011).

Таким образом, можно дифференцировать литературу на русском языке инонациональных писателей, отражающих свой способ мировидения, и транслингвальную литературу, передающую средствами другого языка черты инонациональной реальности, «творческое кросскультурное письмо», обнаруживающее «черты гибридности, разнообразия и неоднородности» (Bahtikireeva, Valikova, Tokareva, 2021). Восприятие авторами транслингвальной литературы казахских символов интересно в плане выявления различий. Перенос казахских символов в иноязычную среду вызывает вопросы об адекватности представления смыслов и их нюансов.

Казахстанское литературоведение реагирует на сложившуюся ситуацию. Абишева У.К. отмечает: «В советский период активно исследовалось влияние русской литературы на казахскую (см. Габдиров, Сатпаева, Джуанышбеков, Анастасьев, др.). После распада СССР этот процесс приостановился» (с.26). Сейчас актуальным стало исследование национального содержания, духовных ценностей, этнической идентичности казахского народа. Произошел отказ от советской идеологизации и утверждение коренизации. В связи с этим наметилась граница поколений, что находит отражение в обращении к темам, жанрам, стилю, образной системе произведений. В нынешней литературе утверждаются жанры фэнтези, антиутопия, символизм, отходящий от традиционных символов.

Методологической базой исследования также послужили идеи, представляющие понятие символа. Это идеи Ю. М. Лотмана о символе как носителе культурной памяти; посреднике между синхронией текста и памятью культуры. По Лотману, символ играет роль семиотического конденсатора (Abisheva, 2014, p.199). А.А. Потебня, Р.О. Якобсон связывают символ с поэтической функцией языка, а А.Ф. Лосев – с многозначностью образа. Такое разнообразие подходов к определению символа связано с его многозначностью и ассоциативностью.

Образность символа характеризуется и В.В. Колесовым, рассматривающим его как предельную степень развития метафоры (Kolesov, 1992). Однако для символа необязательно сходство, до символа возвышаются. Все эти признаки символа, отмеченные исследователями, представляем и мы в своей квалификации этого знака. В трех типах дискурса – казахском, русскоязычном казахском и русском – символ работает как механизм культурной памяти, как маркер этнического мировосприятия, как актуализатор конвенционального смысла в особом пограничном пространстве.

В художественном тексте символ – выразительное средство передачи глубоких смыслов, идей через образы, предметы, персонажей, их действий.

Анализ

Обратимся к феномену символа. Казахские символы внесены в реестр государственных знаков. Впервые в истории государства Указом президента К.К. Токаева был официально утвержден 5 ноября 2025 года перечень общенациональных ценностей и символов. Во второй главе Указа дано описание общенациональных ценностей и символов. В ней сказано: «Национальные символы выстраивают ассоциативный образ страны, способствуют укреплению общенациональной идентичности и сохранению историко-культурного наследия.

В этих целях определяется следующий список общенациональных символов:

- национальный девиз – «Алға, Қазақстан!»;
- национальные цвета – небесно-бирюзовый, золотистый;
- национальный символ-книга – «Слова назидания» Абая;
- национальный символ единства – шаңырақ;
- национальный символ – музыкальный инструмент – домбыра;
- национальный символ-растение – тюльпан (кызғалдақ);

- национальный знак отечественного производства – "Қазақстанда жасалған", "Made in Kazakhstan";

- национальный хэштег – #Qazaqstan, #Kazakhstan.

Данный список выступает основой формирования единой системы символики и брендинга страны» [Ob utverzhdanii, 2025].

Почему эти символы признаны государственными? Они аккумулировали смыслы на протяжении многих лет. Эти смыслы определялись в контексте культуры, литературы, в обыденной жизни, они восприняты и усвоены народом. Сейчас, когда существенно расширилось пространство казахского языка, казахской этнической культуры, возрастает их значимость, что дает стимул для новых коммуникативных и художественно-изобразительных тенденций.

Мы обращаем также внимание на актуализацию регионально значимого символа в тексте документа. Новая Конституция 2026 года закрепляет хорошо известный, изначально поэтический, символ СТЕПЬ вступлением: *«Мы, единый народ Казахстана, укрепляя государственность на исконно казахской земле, сохраняя преемственность тысячелетней истории Великой Степи... принимаем настоящую Конституцию – Основной Закон Республики Казахстан»* [Konstitucija Respubliki Kazahstan, 2026]. Употребление названия «Великая степь» впервые отмечается в тексте главного документа государства. Таким образом словосочетание, помимо поэтического обозначения, получило статус конституционно-правового символа. Известный поэтический нарратив переносится на официальный уровень, соединяясь при этом с вопросами истории, географии края. Значительная часть территории государства относится к зоне евразийских степей. Именно здесь на протяжении тысячелетий существовала кочевая цивилизация, сформировавшая особый тип культуры, хозяйства, мировосприятия и исторической памяти. Концепт памяти поэтически связан со степью.

Приходя из мифов, художественных текстов, из быта, символы проходят проверку временем. В новых текстах они обретают дополнительные смыслы. К символам относятся:

- персонажи-архетипы (аксакал, батыр, жырау - народный поэт и певец);
- предметы (домбра, юрта, тюльпан, шанырак);
- природные образы (степь, жайлау – летнее пастбище, беркут, конь, солнце, луна);
- обряды и традиции (той, кыз узату – проводы невесты, беташар, айтыс);
- социально значимая лексика, топонимы (Арысь, Жетысу);
- другое.

В русскоязычных текстах адекватную передачу смысла обеспечивают носители языка. Носителями двойной культуры, билингвами, пишущими на русском языке, являются Олжас Сулейменов, Бахыт Каирбеков, Бахытжан Канапьянов, Сатимжан Санбаев, Берик Джилкибаев, Аслан Жаксылыков, Канат Кабдрахманов, Дидар Амантай и др. Иные писатели одновременно являются и переводчиками. Так, Ануар Алимжанов, Роллан Сейсенбаев, Канат Кабдрахманов некоторые свои произведения писали на казахском языке, а затем переводили на русский. В транслингвальных/транскультурных текстах самых разных жанров (в нынешней литературе утверждаются жанры фэнтези, антиутопия, представлен символизм, отходящий от традиционных символов) явлен русский язык, который имеет свою специфику, это отмечается исследователями: «Создание «своего варианта» русского языка как языка творчества стало характерной чертой транслингвальной литературы всего постсоветского пространства» (Temirova, Zhakupova, 2023, p.123). Эта литература поднимает проблему адекватной передачи национального символа в иной языковой среде.

Произвести систематизацию казахских символов, переданных средствами другого языка, достаточно сложно. Этносоциокультурные символы получают интерпретацию благодаря знанию традиций, ментальности, культурных феноменов, социальных стереотипов. В транслингвальной литературе символы интерпретируются через рефлексию инокультурных

реципиентов, которые все же не столь глубоко воспринимают реалии и понятия другого этноса. Казахизмы, устойчиво вошедшие в русскоязычный текст, приобретают статус культурных маркеров, носителей этноспецифичных смыслов и одновременно становятся частью нового художественного кода.

Отметим несколько интерпретаций традиционных символов.

1. Символ как маркер пространства – это степь, понимаемая как родина, простор, непомерная даль. Так представляет ее С.Санбаев: «Плыл август. Стояла великая тишина, какая может быть только в степи. Плавилось солнце. На желтой вершине от жары неслышно лопались стебли полыни, в низине с беззвучным плачем умирал ковыль, и стояла женщина, – как напряженная тетива, и ждала того мгновенного удара, что бросит ее вдаль, превратив в песнь воспоминаний» [Sanbaev, 1976, p.232]. Ожидаемы подобные образы и в других текстах. И.П. Щеголихин привлекает запах и простор: «Ветер здесь пахнет полынью и далью» [Shhegolihin, 1978]. Чертами, гармонично характеризующими пространство степи, являются статичность, безмерность, величие: *стояла великая тишина, пахнет далью*, но в то же время это динамичное, изменчивое пространство.

2. Символ вечности – степь. Р.Сейсенбаев в рассказе «Честь» представляет его в духовном диалоге человека с родной землей: «Я стою в степи у высокого заброшенного кургана. <...> Молчит усталая степь <...> Я хочу понять тебя, земля моя, степь моя! <...> Я хочу понять секрет твоей вечной жизни. Земля моя, степь моя! ... Помоги мне, земля моя!.. Степь моя!

Я стою в степи, у заброшенного кургана, надо мной в высоком небе летит реактивный самолет, оставляя в чистой синеве расплывчатый белый след» [Sejsenbaev, 2009, p.52]. «Степь жила своей древней, непостижимой жизнью» [Sejsenbaev, 1981]

3. Символ сакральности – степь. Прием обращения к степи в рассказе Роллана Сейсенбаева «Честь», многократное употребление слова «степь» усиливает значимость образа. Мать, сына которой убили свои же, соплеменники, обращается не к Аллаху, а к степи: «Уай, желтая степь, сколько ты забрала себе батыров»; «Уай, желтая степь, но разве мой сын – это то, что нужно тебе и Смерти?»; «Уай, желтая степь, неужели твой народ, род уаков, самый несчастный в Сарыарке?» [Sejsenbaev, 2009, p.13-14]. Этническое восприятие подчеркивает колористическое определение «желтая».

Этот символ утверждается и в поэзии Бахытжана Канапьянова: Встречать людей, Стихи дарить, И – жить! Судьбой Народу своему служить. Благословляет степь: – Иди, сын мой! [Канап'янов, 2005, p.207]. К картине степи часто фоном дана луна, прибавляющая загадочности, таинственности величию степи.

4. Степь приобретает символическое значение пространства памяти. В рассказе «Честь» Р. Сейсенбаева прием обращения выстраивает диалог: «Скажи мне, о чем шепчет твой ковыль и шуршат камыши твоих озер, поведай мне о судьбе моих предков, которые рождались и умирали здесь, в безмолвной степи» [Sejsenbaev, 2009, p.13-14].

Пространственные образы степи, дома, дороги и полыни становятся носителями исторического опыта народа и формируют особый мемориальный хронотоп. В русскоязычный текст переносится символ, выполняющий функцию аккумуляции культурной памяти.

Бесспорно, в текстах многих авторов из других стран тоже есть образ степи. В чем же разница? В них степь – это тоже непомерная ширь, простор, но в них нет таких ассоциативных связей, как в казахскоязычных текстах, которые, в свою очередь, влияют на перенос образов в тексты на русском языке, включая их таким образом в картину мира. Это отмечается многими авторами. «Для русского слова «степь» в казахском языке есть лексический аналог – *дала, ай дала, байтақ дала, кең байтақ дала, жер, жайқын дала, мидай дала*. К примеру, слово «дала» для казаха не совсем то, что «степь» для русского – тем более для немца, в языке которого для обозначения этого понятия) и своего слова не оказалось» [Bel'ger, 1996, p.67-68]. Такое лексическое разнообразие в казахском языке

показывает богатство ассоциаций, которые не могут быть переданы при переводе или в создающемся русском тексте.

5. Символ как смысловой центр текста характерен для казахской литературы. Таким он выступает в поэзии Надежды Черновой, в творчестве которой тема Казахстана и его ассоциации со степью – одна из главных. Названия ее стихов «Алтын Дала», «Степь», «Кобыз», «Пушкин в казахской степи», «Кипчакская осень», «Сказитель», «Курганы сакские распаханы», «Ладонь степи» и многие другие уже выстраивают ментальную карту [Намгаев, Kaliaskarova, 2024]. Восточная картинка рисуется словами русского языка, лишь отдельные лексемы указывают на казахские реалии.

*Шумит в траве арык,
Пылит овечье стадо,
Поет старик о небе и земле.
Такая благодать. Что ничего не надо.
Была бы только степь
в цветущем ковыле...*

.....

И сын его, и сына смуглый сын
Здесь жили, и хоть нынче степь иная,
Вновь человек в песках живет один,
Лишь осенью в аул переезжая [Chernova, 2000].

Надежда Чернова родилась в Казахстане, ей хорошо знакомы традиции степи. Но будучи русской казахстанкой, она воспринимает степь и изнутри, и со стороны. С одной стороны, степь для нее – родное пространство цветущего ковыля, коней, арыков, дали и тишины, с другой – объект художественного созерцания и эстетического осмысления, что характерно для русской литературы. Степной пейзаж передан ею в звуках и красках, благодаря чему символ наполняется гармонией человека и природы.

Итак, приведены примеры, показывающие лишь небольшую часть ассоциаций степи, представленную в текстах авторов, живущих в Казахстане и по-своему осмысляющих этот символ. Но степь иначе воспринимается представителями разных культур. В повести Сатимжана Санбаева «Колодцы знойных долин» пленную персиянку Секер она пугает: «Слезам наполнялись голубые глаза Секер, в которых отражалась непонятная степь кипчаков. Ее пугала эта суровая степь - безбрежная, бесконечная даль...» [Sanbaev, 1976].

Это описание важно тем, что степь показана глазами человека другой культуры. Для казахского сознания степь – родное пространство свободы и жизни, а для Секер она чужая, пугающая своей бесконечностью. Через этот прием Санбаев показывает различие культурного восприятия пространства.

6. Региональный новый символ – символ ядерной войны, Семей (Семипалатинск). Одним из первых в художественной прозе этот символ выдвинул Роллан Сейсенбаев [Sejsenbaev, 2022]. Пример: «похоронили Кенже – первую безвинную жертву испытаний водородной бомбы на полигоне "близ города Семипалатинска". Город Семей – Семипалатинск! Родной, пыльный, малоприметный, с этого дня ты стал известен во всем мире! Семипалатинск... Семей... Невада... Полигон... Атом... Испытания... После взрыва мы еще полторы недели жили в Чингисских горах. (<https://kniga-online.com/books/dokumentalnye-knigi/publicism/216459-rollan-seisenbaev-den-kogda-ruhnul-mir.html>). Наполнение этого символа лингвистически осуществляется с помощью повторов, сегментацией, парцелляцией.

Объемную категорию символов составляют животные. Животные как символ лучших качеств человека встречаются практически во всех произведениях. Беркут – символ воли,

силы. Р. Сейсенбаев использует этот образ в сравнении: «Что смотреть, когда и так все видно: не беркут ты, нет, не беркут... – отрезал дед. – Ладно, ступай, и без тебя справлюсь. Я неловко потоптался подле него» (День, когда рухнул мир). Дед противопоставляет героя беркуту – гордой и сильной птице, традиционно связанной в казахской культуре с образом воина и свободного человека.

Символ движения, силы, судьбы, стремительности, свободы – конь. Конь – друг, союзник, мудрый помощник. У Дмитрия Черепанова в рассказе «Турымтай» девушка Турымтай спасает возлюбленного Кайсара, дав ему коня для побега. В конце рассказа он возвращает ей коня: «Письмо. Это мое письмо любимой. А я теперь дойду и пешком» [Черепанов, 2007]. Конь – вестник, спасатель, он приводит героя к свободе. Д. Черепанов использует эту ипостась – конь, уводящий от опасности.

В кочевой традиции конь – участник истории, который переносит опыт поколений: «А конь меня все дальше вел /От саков до ушедших венгров» [Канар'янов, 2005] (Б. Канапьянов. Вдоль горной речки на коне). Конь – носитель исторической памяти. Бахытжан Канапьянов пишет:

*«Из единого тюркского корня
Отчеканен наш образ в веках.
Нашей памяти чуткие кони
Проступают сквозь эпос в стихах»* [Канар'янов, 2005]

Концептуализация коня посредством образного контекста, через тропы приводит к категоризации символа. Дюсенбек Накипов в книге «Тени ветров» вводит термин гиппометрия (древнегреч. «конь» – ἵππος (*hippos*): «Кочевники со своими конскими мерами времени и жизни, т.е. гиппометрией, посеяли хаос в старых таблицах человеческих ценностей и оттого цивилизация людская получила дуалистический символ – миф в виде кентавра – человека-коня» [Nakipov, 2009]/

Русскоязычному читателю помогают понять образное восприятие мира казахами комментарии Герольда Бельгера. Он отмечает, что «у казахов есть измерения времени – бие сауым – отрезок времени, за который можно подоить кобылицу. А вот время, необходимое на подойку коровы или козы, обозначения у казахов не имеет» [Bel'ger, 2001, p.36]. «Бие сауым» – это не просто бытовое обозначение. Оно отражает кочевой способ мышления, при котором время измерялось не абстрактными единицами, а жизненными циклами и практическими действиями. В традиционной степной культуре время воспринималось конкретно, через движение, труд, природные процессы и повседневный опыт

Обсуждение

В казахских текстах символы кочевой культуры представлены как повседневность, бытийность, имеющая глубокий смысл. Степь, конь, беркут, юрта – это образы, не требующие специального толкования, выраженной рефлексивности. Это вечные символы казахской степи, которая единственная по своей значимости, географическому и историческому факторам называется Великой. Их значение не отделено от практики жизни, телесности и циклического времени. Память традиции здесь не тематизируется, а проживается, что обуславливает отсутствие выраженной рефлексивности.

В русском литературном дискурсе символы, например, степи выступают как знаки мироздания, вынесенные для художественного осмысления. В качестве примера можно привести стихотворение А.Тарковского «Степь» («И только слово, только слово В степи маячит под луной»), рассказ А.Чехова «Степь» и множество других. У казахстанских русскоязычных писателей казахские символы не столько бытийные, сколько интерпретативные. И есть дистанция между автором и культурным объектом. Степь, конь, беркут, юрта маркируют иной мир – мир степняка, становятся носителями исторической памяти.

«У каждого народа своя ментальность – своеобразный склад ума, свое мироощущение, миропонимание. Казаху, например, не свойственны точность, четкость в европейском

понимании. Он предпочитает речи иносказательные, метафорические, с намеками, с красочными образами, витиеватые. Душа у него широкая, вольная, как степь. Мыслит он космическими категориями» [Bel'ger, 2001, p.36]. (Бельгер Г. Казахское слово. – Астана: Елорда, 2001. – 126 с. – с.76).

Символы создают поэтическую ткань текста. Символы стереотипизируют мир. Это показал Герольд Бельгер, сравнивший образы как знаки ментальности носителей разных языков.

Таблица 1. Сравнение образности казахского и русского языков [Bel'ger, 2017, p.56-58]

РЯ	КЯ	КЯ (добавлено ДШ)
Я приближаюсь к 80-ти годам	Я повернул коня к аулу 80-летия	Ат басын сексеннің ауылына бұрдым.
Небо развиднелось	Горизонт задрал подол	Көкжиек етегін түрді
У меня трое детей	Бегают во дворе трое карапузов	Аулада үш титтей балақай жүгіріп жүр.
Смерть моя близка	Конь мой оседлан для дальнейшего пути	Атым алыс сапарға ерттелді.
Он счастлив (удачлив)	Он макушкой едва небо достает. Его камень в гору катится	Төбесі көкке жетті. Оның тасы өрге домалап тұр.
Он удивил	Он взметнул луну до самого неба	Айды аспанға бірақ шығарды.
Душа ушла в пятки	Душа подкатила к кончику носа	Жаны мұрнының ұшына келді
Я за весь день не присел	У меня с утра зад землю не нюхал	Таңертеңнен бері тақымым жерге тимеді.
Я ему покажу!	Я его ноги в один сапог затолкаю	Екі аяғын бір етікке тығамын.
Занимается ерундой	Свинью подковыывает. Или: Луну стережет	Шошқа тағалау. Немесе: Ай күзету.
Пустозвон	Ветром беременный	Желден жүкті болған.
Хитрый	Его пашни-плутни арканом не измеришь	Кулығына қурық бойламайды.

(данная таблица приводится в нашей статье: Символы и смыслы казахской лингвокультуры в русскоязычных текстах. - Актуальные проблемы русского языкознания и компаративистики: традиции и инновации. Материалы международной конференции (12 марта 2026 года). - Ташкент, 2026. - С.395-400. - с. 398).

В казахском языке образы сравнения (в том числе и в данной подборке Г.Бельгера) становятся поэтическими символами. Они формируют реалистичную динамическую, пространственную, предметную, телесную репрезентацию мира. Центральную роль играют номадические концепты движения, времени: путь, конь, ветер, птица и многие другие. А русский язык представляет реальность более психологично, лаконично, применяет названия состояний. В русских текстах казахские символы порождают «диаспоральные концепты», внося в них иные лингвокультурные, прагматические семы (Шайбакова, Ташкент).

Ранее мы отмечали, что «в русских казахстанских текстах возникают те смыслы, которые нехарактерны для исконных носителей материкового русского языка, которые закрепляются как регионально специфическое. Коннотации приобретают особую значимость для русского сознания. Оттого важно адекватно интерпретировать прагматически маркированные единицы, модели, тексты. Ориентация на казахскую культуру в

русскоязычной коммуникации наблюдается в смене метафорических приоритетов, в лексических коннотациях, в инокультурных смыслах» (Шайбакова, с.399).

Национальный колорит авторами-монолингвами создается культурной интеркаляцией. В такой литературе взаимодействуют два лингвокультурных кода. Писатели-билингвы, пишущие на русском языке, и русскоязычные писатели – выразители в определенной степени каждый и национальной культуры, и спецификации языка.

Заключение

Транслингвальная литература имеет черты и русских, и казахских традиций. Ее авторы: 1) неказахи; 2) казахи, для которых первый язык русский, иногда не владеющие в достаточной степени казахским языком; 3) казахи, для которых первым языком является казахский.

В современной литературе РК произошел отказ от советской идеологизации и утверждение коренизации, приобрел популярность дискурс о деколонизации. В связи с этим наметилась граница поколений, что находит отражение в обращении к темам, жанрам, стилю, образной системе произведений. При всем при этом казахские символы в русскоязычной литературе выполняют важные функции: они сохраняют этническую самобытность, формируют культурную идентичность, создают «мост» между русским и казахским мирами. Особенно интересным является то, как эти символы интерпретируются, переосмысливаются и адаптируются к современному литературному дискурсу. Различия в репрезентации казахских символов в казахских и русских текстах обусловлены не столько языком выражения, сколько различием культурных картин мира: в казахском дискурсе символы функционируют как формы бытия, тогда как в русском – как объекты рефлексии и интерпретации.

Создается уникальное литературное пространство, в котором возможно сосуществование разных культур и языков. Указанные символы продолжают жить, трансформироваться и обогащать литературное наследие Казахстана.

References:

1. Abisheva, U. (2014). *Russkij kontekst kazahskoj literatury: perspektivy issledovanija* [Russian context of Kazakh literature: research prospects.]. *Habarshy KazYU, filologija serijasy*, 6, 26-31.
2. Bahtikireeva, U. M., Valikova, O. A., Tokareva, N. A. (2021). *Na «Agore» segodnja: podhody k izucheniju translingval'noj literatury. Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*, 6(2), 263-273. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>.
3. Proshina, Z. G. (2024) *Translingval'naja literatura russkih anglojazychnyh pisatelej* [Translingual literature by Russian English-language writers]. *Issledovanija jazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie*, t. 6, 1, 20-29. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-20-29EDNPBUSGE>.
4. Temirgazina, Z. K. (2020). *Transkul'turnost' i ee projavlenie v pojetike liricheskikh tekstov* [Transculturality and its manifestation in the poetics of lyrical texts]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 18, 1, 29-43. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>).
5. *Eshhe ne perevelis'*. (2011). [Not yet extinct]. *Interv'ju I. Odegova. Vremja*, 05.10.
6. Lotman, Ju. M. (1992). *Simvol v sisteme kul'tury* [Symbol in the cultural system]. *Izbrannye stat'i. T.I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury*. Tallin, "Aleksandra", 191-199.
7. Kolesov, V.V. (1992). *Koncept kul'tury: obraz – ponjatie – simvol. [The concept of culture: image – concept – symbol]*. *Vestnik Leningradskogo universiteta*, 2 (2), istorija, jazyk i literatura, 3-40.
8. *Ob utverzhdenii osnovnyh principov, cennostej i napravlenij vnutrennej politiki Respubliki Kazakhstan* [On approval of the basic principles, values and directions of the domestic policy of the Republic of Kazakhstan]. *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 5 nojabrja 2025 goda №1081*. URL: *Ob utverzhdenii osnovnyh principov, cennostej i napravlenij vnutrennej politiki Respubliki Kazakhstan, IPS "Ədilet"*.

9. *Konstitucija Respubliki Kazahstan. [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. URL: Konstitucija Respubliki Kazahstan, -IPS "Әділет"*
10. Temirova, Zh. G., Zhakupova, A. D. (2023). *Javlenie transkul'turnosti v sovremennoj kazahstanskoj literature [The phenomenon of transculturality in modern Kazakhstani literature]. Bulletin of S.Ualikhanov KU, Philological Series, 4, 121-131.*
11. Sanbaev, S. (1976). *Belaja aruana [White Aruana]. Sanbaev S. Kolodcy znojnyh dolin. M., Izvestija.*
12. Shhegolihin, I. P. (1978). *Drugie zori [Other Dawns]. Alma-Ata, Zhalyln.*
13. Sejsenbaev, R. (2009). *Vsego odna noch' [Just one night]. Rasskazy. Mezhdunarodnyj klub Abaja.*
14. Sejsenbaev, R.S. (1981). *Zabludivshijsja krik [A Lost Cry]. Almaty, Zhazushy, 15.*
15. Kanap'janov, B. (2005). *Smuglaja luna. Almaty, Atamura.*
16. Bel'ger, G. K. (1996). *Liki slova. [Faces of the Word]. Almaty, Bilim.*
17. Sejsenbaev, R. S. (2022). *Den', kogda ruhnul mir. [The day the world collapsed]. Litres.*
18. Sanbaev, S. (1976). *Kolodcy znojnyh dolin. [Wells of the sultry valleys]. M., Izvestija*
19. Shajbakova, D. D. (2016). *Kul'turnaja interkaljacija v bilingval'noj kommunikacii v Kazahstane [Cultural intercalation in bilingual communication in Kazakhstan]. Nacional'nye kul'tury v mezhkul'turnoj kommunikacii. I. Social'no-istoricheskie aspekty mezhkul'turnogo vzaimodejstvija, Minsk: Kolorgrad.*
20. Shmakova, E. S., Bajzhigit, B. S., Begalieva, S. B. (2024). *Hudozhestvennoe svoeobrazie idiostilja sovremennyh russkojazychnyh pisatelej: Kazahstana: A. Zhaksylykova, A. Kima, D. Nakipova. [Artistic originality of the idiostyle of modern Russian-language writers: Kazakhstan: A. Zhaksylykov, A. Kim, D. Nakipov.]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 15, 4, 1418-1442.*
21. Nakipov, D. T. (2009). *Ten' vetra: (roman upovanij v krugu pepla). [The Shadow of the Wind: (a novel of hope in a circle of ashes)]. Almaty, Saza.*
22. Cherepanov, D. F. (2007). *Turymtaj. [Turymtaj]. Aq Ertis. Irtysh. 6, 88-96.*
23. Bel'ger, G. (2001). *Kazahskoe slovo. [Kazakh word]. Astana: Elorda.*
24. Shajbakova, D.D. (2026). *Simvoly i smysly kazahskoj lingvokul'tury v russkojazychnyh tekstah. [Symbols and meanings of Kazakh linguistic culture in Russian-language texts]. Aktual'nye problemy russkogo jazykoznanija i komparativistiki: tradicii i innovacii. Materialy mezhdunarodnoj konferencii (12 marta 2026 goda). Tashkent, 395-400.*
25. Bel'ger, G. (2017). *Pletenie chepuhi. T.3. Almaty: IP «Spanova A.B.».*
26. Hamraev, A.T., Kaliaskarova, A.T. (2024). *Kazahskaja tema v tvorcestve russkoj pojetessy N.M. Chernovoj. Keruen, zylymi zhurnaly, 2, 83.*
27. Chernova, N. (2000). *Solncevorot. [Solstice]. Astana: Elorda.*

Б.Жангуттин , Г.К. Кенжебаев

Казахский национальный педагогический университет им. Абая
Алматы, Казахстан (e-mail: arstan_g@mail.ru, kgabit62@mail.ru)

РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ ПРИ ОСВОЕНИИ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ И РЕАКЦИЯ НА НЕГО

Аннотация

Статья посвящена изучению механизмов государственного регулирования миграционных потоков в период освоения целинных и залежных земель в СССР (1954-1963). На основе рассекреченных архивных материалов – постановлений Совета Министров СССР,

КазССР, документов переселенческих управлений и дипломатической переписки – анализируются правовые, финансовые и организационные механизмы привлечения рабочей силы. Особое внимание уделено репатриации советских граждан из Китайской Народной Республики (Синьцзян) в 1954-1963 гг. как отдельному и недостаточно изученному тренду советской миграционной политики. Установлено, что основным инструментом привлечения добровольцев на целину служила разветвлённая система льгот и материального стимулирования, тогда как пропагандистский фактор имел вторичное значение. Показано, что государство, располагая масштабными организационными ресурсами, сталкивалось с серьёзными трудностями в обустройстве переселенцев: нехваткой жилья, медицинского обслуживания и продовольственного снабжения. Репатриация из КНР рассматривается в контексте советско-китайских отношений, изменения национального состава мигрантов и нарастания кризиса приёмной инфраструктуры. Всего за 1954-1963 гг. в Казахстан прибыло свыше 21 000 семей репатриантов. Исследование вносит вклад в историографию советских миграций и освоения целины, демонстрируя противоречие между декларируемыми целями и реальными возможностями государственного управления переселением.

Ключевые слова: целина; советская миграционная политика; репатриация; КазССР; советско-китайские отношения; переселение; Синьцзян.

Б.Жангуттин , Г.Қ. Кенжебаев

*Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан (e-mail: arstan_g@mail.ru)*

ТЫҢ ЖЕРЛЕРДІ ИГЕРУ КЕЗІНДЕ КӨШІ-ҚОНДЫ РЕТТЕУ ЖӘНЕ ОҒАН РЕАКЦИЯ

Аңдатпа

Мақала КСРО-да тың және тыңайған жерлерді игеру кезеңінде (1954-1963) көші-қон ағындарын мемлекеттік реттеу тетіктерін зерделеуге арналған. Құпиясыздандырылған мұрағаттық материалдар - КСРО Министрлер Кеңесінің, Қазақ КСР-інің қаулылары, қоныс аудару басқармалары құжаттары мен дипломатиялық хат алмасу негізінде жұмыс күшін тартудың құқықтық, қаржылық және ұйымдастырушылық тетіктері талданады. 1954-1963 жылдары Қытай Халық Республикасынан (Синьцзян) кеңестік көші-қон саясатының жеке және жеткілікті зерттелмеген үрдісі ретінде кеңес азаматтарын репатриациялауға ерекше назар аударылды. Еріктілерді тың жерге тартудың негізгі құралы жеңілдіктер мен материалдық ынталандырудың тармақталған жүйесі болып табылады, ал насихаттау факторы екінші реттік мәнге ие болды. Мемлекет ауқымды ұйымдық ресурстарға ие бола отырып, қоныс аударушыларды жайластыруда елеулі қиындықтарға: тұрғын үйдің, медициналық қызмет көрсетудің және азық-түлікпен жабдықтаудың жетіспеушілігіне тап болғаны көрсетілді. ҚХР-дан репатриация кеңестік-қытайлық қарым-қатынастар, көшіп-қонушылардың ұлттық құрамының өзгеруі және қабылдау инфрақұрылымының дағдарысының өсуі тұрғысынан қарастырылады. 1954-1963 жылдары Қазақстанға барлығы 21 000-нан астам қандас отбасы келді. Зерттеу қоныс аударуды мемлекеттік басқарудың декларацияланатын мақсаттары мен нақты мүмкіндіктері арасындағы қайшылықты көрсете отырып, кеңестік көші-қонның және тың игерудің тарихнамасына үлес қосады.

Кілт сөздер: тың; кеңестік көші-қон саясаты; репатриация; КазССР; кеңес-қытай қатынастары; қоныс аудару; Шыңжаң.

*B.Zhanguttin^{ID}, G.K. Kenzhebaev^{ID}
Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan (e-mail: arstan_g@mail.ru)*

MIGRATION REGULATION DURING THE VIRGIN LANDS CAMPAIGN AND ITS CONSEQUENCES

Abstract

This article examines the mechanisms of state regulation of migration flows during the Virgin Lands Campaign in the USSR (1954-1963). Drawing on declassified archival materials – resolutions of the USSR Council of Ministers, Kazakh SSR documents, resettlement administration records, and diplomatic correspondence – the study analyses the legal, financial, and organizational instruments used to attract labour to the new lands. Particular attention is paid to the repatriation of Soviet citizens from the Xinjiang region of the People's Republic of China (1954-1963) as a distinct and understudied trend in Soviet migration policy. The findings indicate that the primary driver of voluntary resettlement was an extensive system of material incentives and benefits, while propaganda played a secondary role. Despite considerable organizational capacity, the state faced persistent difficulties in settling newcomers due to housing shortages, inadequate medical services, and insufficient food supply. Repatriation from the PRC is analysed in the context of Soviet-Chinese relations, shifts in the ethnic composition of migrants, and the mounting crisis of reception infrastructure. In total, over 21,000 families were repatriated to Kazakhstan between 1954 and 1963. The study contributes to the historiography of Soviet migrations and the Virgin Lands Campaign, revealing the contradictions between declared goals and the actual capacities of state resettlement management.

Keywords: Virgin Lands Campaign; Soviet migration policy; repatriation; Kazakh SSR; Soviet-Chinese relations; resettlement; Xinjiang

Введение

В современной историографии проблему освоения целинных и залежных земель трудно назвать не освоенной. Между тем известный исследователь И.Е. Зеленин в конце 1990-х годов отметил, что «многие аспекты данной темы нужно разрабатывать заново» (Zelenin, 1998, р. 3). По прошествии времени становится очевидной справедливость данного утверждения. Открытие архивов, рассекречивание их фондов создают для исследователей новые возможности. Так, в последние годы были рассекречены постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС с приложениями и материалами за 1954-1964, 1973-1975, 1979, 1983-1984 гг. из фонда 4 РГАНИ. Основное место в них уделено вопросам организации МТС, совхозов, оснащению сельскохозяйственной техникой, рабочей силой, семенами, улучшения торговли, общественного питания, медицинского и культурно-бытового обслуживания (Prezidium TsK KPSS, 2003). И это только верхушка айсберга.

Многие сюжеты требуют тщательного анализа. В их числе – регулирование миграционных потоков в послевоенные 1950-е годы, когда был дан официальный старт новому этапу в истории миграций в СССР. Последний в значительной мере был связан с освоением целинных и залежных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и Северного Кавказа. В стороне от исследователей остался ряд вопросов: было ли освоение целины ответом на насущные потребности общества или политическая составляющая превалировала? Чем объяснить необычную успешность столь масштабных миграций? Какую роль сыграла политика репатриации из Китая и Болгарии? Что скрывалось за бравурными письмами с призывом осваивать новые земли?

Нет ответа и на вопрос, почему, несмотря на огромную пропагандистскую работу, из года в год численность молодых людей, желавших поехать на работу на целинные земли,

катастрофически сокращалась. Почему сами работники Госплана СССР признавали, что «вопрос об экономической эффективности переселения в республике изучается слабо» (GARF, f. 5446). Каковы были демографические изменения в этническом составе населения и криминальные последствия в районах прибытия переселенцев? Вот круг вопросов, на который данное исследование стремится найти ответы.

Методология

Исследование построено на принципах историко-системного анализа с привлечением широкого круга рассекреченных архивных источников. Источниковую базу составляют материалы РГАНИ (фонд 4), ГАРФ (фонд 5446), архивов Совета Министров КазССР, а также документы Главного переселенческого управления при Совете Министров КазССР. Метод сравнительного анализа применяется при сопоставлении данных о численности и этническом составе различных потоков мигрантов. Количественный анализ статистических данных позволяет верифицировать официальные сведения о масштабах репатриации. В работе используется контент-анализ нормативно-правовых актов – постановлений Совета Министров СССР и КазССР – как основного инструмента государственного регулирования миграционных процессов.

Анализ

Политический контекст освоения целины и механизмы регулирования переселения

В начале 1950-х годов страна испытывала достаточно острый продовольственный кризис. Н.С. Хрущев должен был продемонстрировать обществу своё видение выхода из него. Программа освоения целины, вольно или невольно, стала одним из орудий в достижении поставленной цели и в борьбе за власть, а Казахстану в данном контексте отводилась особая роль.

Секретарь казахстанской парторганизации Ж. Шаяхметов выступал за планомерное, а не форсированное освоение новых земель. Его позиция чётко прозвучала на одном из партийных форумов: «Земли в Казахстане хватает, ежегодно мы планомерно, с учётом возможностей и потребностей осваиваем значительные площади для возделывания зерна. Эта работа обязательно будет продолжаться. Но мы решительно против того, чтобы за 2-3 года перевернуть 20-25 миллионов гектаров! Нельзя не брать во внимание, что в Казахстане растёт число скота, которому нужны хорошие пастбища, сенокосные угодья для заготовки нескольких миллионов тонн сена» (цит. по: Amanzholova, 2003, p. 47).

Столкнувшись с осторожной позицией руководства республики, Н.С. Хрущев начал использовать силу и мощь партийного аппарата. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС он подверг критике руководство Казахстана за недостаточную реализацию сельскохозяйственного потенциала. В конце ноября 1953 г. республика представила план, по которому в 1954-1957 гг. посевные площади должны были увеличиться на 2,5 млн гектаров (RGANI, f. 4, op. 9, d. 1283). Вскоре Ж. Шаяхметов был заменён П. Пономаренко. За период с марта 1953 г. по февраль 1956 г. сменились 45 из 84 первых секретарей республиканских и областных партийных комитетов – эта кампания обеспечила пополнение руководящего корпуса сторонниками Хрущева (Pyzhikov, 2002, p. 134).

24 июля 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление «О переселении в колхозы районов освоения целинных и залежных земель Казахской ССР», предусматривавшее на добровольных началах переселение 58 000 семей: в 1954 г. – 3 000 семей, в 1955 г. – 25 000, в 1956 г. – 30 000 (GARF, f. 5446, op. 88, d. 621). Целью масштабного переселения являлось «обеспечение рабочей силой дальнейшего сельскохозяйственного освоения целинных и залежных земель, а также развития животноводства в колхозах Казахской ССР».

Постановление предусматривало подготовку 58 000 домов с надворными постройками, расширение сети школ, больниц и культурно-бытовых учреждений, разработку мероприятий

по приёму, размещению и хозяйственному устройству переселенцев. Особо оговаривалось, что переселение надлежит производить «в составе колхозных бригад и отдельных семей... в основном в весенний период». На Министерство сельского хозяйства СССР и советы министров РСФСР, УССР, БССР и МССР возлагалась организация разъяснительной работы в районах выхода переселенцев (GARF, f. 5446, op. 88, d. 621).

Система льгот как ключевой фактор миграционного поведения

Важным аспектом, во многом объясняющим успешность масштабных переселений, является анализ финансовых условий, специально созданных государством. Если принять во внимание материальное положение населения, особенно сельского, в рассматриваемый период, многое становится на свои места. Мы полагаем, что в основе про-миграционного поведения тех, кто отправился на целину, лежали главным образом экономические мотивы.

Инженерам, агрономам, трактористам, комбайнерам, шофёрам и другим специалистам, демобилизуемым из рядов Советской Армии и желающим поехать на постоянную работу в МТС и совхозы районов освоения, выплачивалось единовременное пособие в размере трёхмесячного оклада по предоставляемой работе. Расходы по переезду оплачивались в соответствии со ст. 82 КЗоТ: стоимость проезда работника и членов его семьи, провоз багажа (до 240 кг на работника и 80 кг на каждого члена семьи), суточные – 1/30 должностного оклада, но не более 10 рублей в сутки. Предусматривалось дополнительное единовременное пособие в размере месячного оклада на работника и 1/4 его части на каждого члена семьи (GARF, f. 5446, op. 88, d. 621).

С 1954 г. право на льготы предоставлялось не только колхозникам, но и рабочим и служащим любой области, края или автономной республики; новосёлов размещали не только в колхозах, но и в создаваемых целинных совхозах (Zelenin, 1998, p. 89). Советом Министров СССР за период 1953-1955 гг. было принято более 25 постановлений и распоряжений по вопросам распространения и изменения льгот для переселенцев (GARF, f. 5446, op. 88, d. 621).

Значительным был удельный вес демобилизовавшихся из Вооружённых сил СССР. Только в 1955 г. в КазССР в порядке оргнабора было направлено 32 000 рабочих сроком на один год с единовременным пособием 150 руб. каждому. Согласно данным Госэкономкомиссии СССР, с 1949 по 1956 г. в республику в порядке оргнабора было направлено 209 857 человек, в том числе за 1953-1956 гг. – 103 167 человек (GARF, f. 4372, op. 56, d. 312).

В марте 1954 г. в Алма-Атинской области было подано 3 500 заявлений, Восточно-Казахстанской – 2 000, Акмолинской – 1 460, Талды-Курганской – 3 137, Карагандинской – 1 670, Семипалатинской – 1 400. Всего по республике на 12 марта 1954 г. подано свыше 20 000 заявлений (АР РК, f. 708, op. 1, d. 42). Вместе с тем наряду со специалистами высоким был удельный вес случайных людей, слабо представлявших регионы, в которые они направлялись.

За 1954-1955 гг. в колхозы КазССР из других республик было переселено 11 400 семей (25 800 трудоспособных), а внутри республики – 10 100 семей (20 900 трудоспособных); посевные площади в колхозах Казахстана возросли на 5,6 млн га (TsGA RK, f. 1987, op. 1, d. 73).

Репатриация советских граждан из Китайской Народной Республики (1954-1963)

Особенностью миграций рассматриваемого периода стала массовая репатриация бывших советских граждан, ранее эмигрировавших из СССР. Репатриация первой половины 1950-х гг. носила добровольный характер и была продиктована политическими и экономическими потребностями страны, в том числе амбициозными программами освоения целинных земель (Moiseenko, 2004, p. 215). Основную массу репатриантов из Китая поставляли Илийский, Тарбагатайский и Алтайский округа Синьцзяна.

Анализ списков советских граждан, прибывших из КНР в КазССР в 1954 г., позволяет установить их общую численность – 20 524 человека. Этнический состав был неоднородным: русские составляли более 85% всех прибывших; незначительно были представлены казахи, дунгане и уйгуры. Репатрианты были обустроены в Западно-Казахстанской, Актюбинской, Павлодарской и Карагандинской областях. Наибольшее количество репатриантов 1954 г. было направлено в совхозы Кустанайской области – 504 семьи, 3 003 человека (АР РК, ф. 708, оп. 28, д. 15).

15 февраля 1955 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 238-143-с, планировавшее принять из Китая 10 000 семей (40-45 тыс. человек); наибольшее число семей в Казахстане – в Кустанайскую (1 600) и Павлодарскую (1 200) области (GARF, ф. 5446, оп. 90, д. 1151). В период с 1 апреля по 20 июня 1955 г. через трассу Бахты-Аягуз из КНР прибыло 1 842 семьи (11 619 человек): казахи – 63%, русские – 25,3%, татары – 9,4%, узбеки – 2,2%, уйгуры – 0,1%; из общего числа пригодных к немедленной работе в совхозах насчитывалось 5 785 человек (TsGA RK, ф. 1987, оп. 1, д. 85).

Согласно разнарядке, за 1955 г. было принято 7 665 семей (39 774 человека); более 58,9% всех прибывших было направлено в пять областей: Павлодарскую, Карагандинскую, Кокчетавскую, Западно-Казахстанскую и Карагандинскую (TsGA RK, ф. 1987, оп. 1, д. 85). Адаптация репатриантов происходила сложно: за январь–апрель 1955 г. 10,5% прибывших выехало из совхозов. В целом за 1954-1956 гг. в республику прибыло 10 117 семей, 60 703 человека (AVP RF, ф. 100, оп. 49, д. 21).

Постановление Совета Министров СССР № 1078-520 от 25 сентября 1958 г. «О дополнительных мероприятиях по репатриации советских граждан из КНР» установило льготы: единовременное пособие – 3 000 руб. на главу и 600 руб. на каждого члена семьи; оплата проезда и провоза багажа; суточные – 10 руб. в сутки. В КазССР планировалось направить 580 семей (до 1 ноября 1958 г.) (GARF, ф. 5446, оп. 92, д. 830). В 1958 г. из Синьцзяна было репатрировано 2 270 семей (13 996 человек): до 80% – казахи, 10% – русские, около 10% – уйгуры и дунгане. В 1959 г. в КазССР из КНР прибыло 8 574 семьи (49 502 человека); Алма-Атинская и Семипалатинская области приняли 85% объёма репатриации (TsGA RK, ф. 1987, оп. 1, д. 143).

Кризис советско-китайских отношений и вынужденная миграция 1961-1963 гг.

С конца 1950-х годов КНР открыто проводила программу принудительной ассимиляции неханьских народов. Запрещение развития собственных этнических культур, интенсификация производства и снижение уровня жизни населения Синьцзяна вызвали открытые выступления. В 1961 г. советско-китайскую границу перешло 818 семей (3 481 человек) (Moiseenko, 2004, p. 231).

Кульминацией событий стало открытие для беженцев из Синьцзяна советско-китайской границы в апреле–мае 1962 г. В западной историографии оценки расходятся: Дж. Мосли называет цифру 60 000 беженцев, Дж.-Т. Дрейер – 100 000 (Mosely, 1966, p. 87; Dreier, 1976, p. 155). По нашему мнению, основанному на рассекреченных фондах Министерства совхозов СССР, в апреле–мае 1962 г. из КНР «в неорганизованном порядке» прибыло 16 606 семей (71 796 человек): 74,2% – советские граждане, 1,3% – граждане КНР, 24,5% – лица без гражданства (TsGA RK, ф. 1987, оп. 1, д. 168).

В сентябре–декабре 1962 г. было принято ещё 5 766 семей (26 643 репатрианта); тренд 1962 г. составил 22 372 семьи (98 439 человек). В 1963 г. республика приняла ещё 1 830 семей (20 487 человек). За период 1962-1963 гг. границу перешло 24 202 семьи (118 926 человек), из которых 17,4% были определены за пределами республики. Национальный состав: казахи – свыше 90%, уйгуры – около 6%, русские – 1%, прочие – татары, китайцы, киргизы (TsGA RK, ф. 1987, оп. 1, д. 195).

Таблица 1 Динамика численности беженцев и репатриантов Синьцзяна 1962-1963 гг.*

Наименование Областей Каз ССР	1962	1963	всего

	семей	человек	семей	человек	семей	человек
Семипалатинская	8852	38947	5	46	8 857	38 993
Алма-Атинская	7456	32805	518	5799	7 974	38 604
Чимкентская	3103	13655	140	1554	3 243	15 209
Карагандинская	738	3249	586	6593	1 324	9 842
Джамбулская	1260	5544	189	2113	1 449	7 657
Восточно-Казахстанская	391	1722	6	57	397	1 779
Кзыл-Ординская	-	-	316	3538	316	3 538
Другие республики	572	2517	70	787	642	3 304
Итого	22372	98439	1830	20 487	24202	118 926

Обсуждение

Полученные результаты позволяют переосмыслить ряд устойчивых историографических концепций. Традиционно успех целинной кампании объяснялся прежде всего патриотическим подъёмом советской молодёжи. Однако анализ нормативно-правовой базы и архивной статистики показывает, что экономические стимулы – система льгот, единовременные пособия, оплата переезда – играли не менее значимую роль, чем пропаганда. Это согласуется с концепцией Зеленина (Zelenin, 1998) о рационально-инструментальном характере советской аграрной политики.

Репатриация из Синьцзяна обнаруживает противоречие между стратегическими целями государства и его реальными административными возможностями. Несмотря на детально разработанную нормативную базу, на практике возникали серьёзные проблемы: нехватка жилья, перебои со снабжением, неготовность медицинских учреждений – характерная черта советской административной практики, описанная в работах Davies и Wheatcroft (2004).

Трансформация этнического состава репатриантов – от преимущественно русского в 1954 г. до преимущественно казахского в 1959-1963 гг. – отражает принципиальное изменение характера потоков: от плановой трудовой миграции к вынужденному бегству от этнических репрессий. Данные о численности беженцев 1962 г. (71 796 человек согласно рассекреченным фондам) в значительной мере корректируют оценки западной историографии (Mosely, 1966; Dreyer, 1976) и устанавливают более точные границы изучаемого тренда.

Ограничением настоящего исследования является неполнота архивных источников по Болгарии и другим странам репатриации, упоминаемым в документах. Данные о криминальных последствиях в районах прибытия переселенцев остаются за рамками настоящей работы ввиду недостаточной открытости соответствующих фондов.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что государственное регулирование миграции в период освоения целинных и залежных земель представляло собой многоуровневую систему, включавшую правовые, финансовые и организационные механизмы. Её эффективность обеспечивалась в первую очередь разветвлённым комплексом материальных льгот, а не только пропагандистскими инструментами.

Репатриация советских граждан из Синьцзяна выступала самостоятельным и недостаточно изученным компонентом целинной миграции. За 1954-1963 гг. в Казахстан прибыло свыше 21 000 семей репатриантов (около 130 000 человек). Эволюция репатриационных потоков – от добровольной трудовой миграции к вынужденному бегству – определялась нарастанием советско-китайского конфликта и политикой насильственной ассимиляции в Синьцзяне.

Анализ практики реализации государственных решений демонстрирует устойчивое расхождение между нормативными намерениями и административными возможностями на местах: нехватка жилья, сбои в снабжении и медицинском обеспечении носили системный характер. Это открывает перспективу для дальнейших сравнительных исследований советских миграционных кампаний в других регионах, а также для изучения долгосрочных демографических и этнических последствий целинного переселения.

Заявление о доступности данных. Данные хранятся в ЦГА РК, РГАНИ и ГАРФ. Доступ – в соответствии с установленными правилами пользования указанными архивами.

References:

1. Amanzholova, D. A. (2003). *Kazakhskii avtonomizm i Rossiia: Istoriia dvizheniia Alash* [Kazakh autonomism and Russia: The history of the Alash movement]. Rossiia Molodaia.
2. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan] (AP RK). F. 708, op. 1, d. 42 [Zaiavleniia zhitelei o napravlenii na osvoeniezemel', mart 1954 g.].
3. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK). F. 708, op. 28, d. 15 [Spiski sovetskikh grazhdan, pribyvshikh iz KNR v KazSSR v 1954 g.].
4. Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation] (AVP RF). F. 100, op. 49, d. 21 [Perepiski MID SSSR po voprosam repatriatsii iz Sin'tsziana, 1956 g.].
5. Davies, R. W., & Wheatcroft, S. G. (2004). *The years of hunger: Soviet agriculture, 1931-1933*. Palgrave Macmillan.
6. Dreyer, J. T. (1976). *China's forty millions: Minority nationalities and national integration in the People's Republic of China*. Harvard University Press.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 4372, op. 56, d. 312 [Gosetkomkomissii SSSR: svedeniia ob orgnaborne v Kazakhskuiu SSR, 1949-1956 gg.].
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 5446, op. 88, d. 621 [Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 1438 ot 24 iulia 1954 g. «O pereselenii v kolkhozy raionov osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel' Kazakhskoi SSR»].
9. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 5446, op. 90, d. 1151 [Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 238-143-s ot 15 fevralia 1955 g.].
10. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 5446, op. 92, d. 830 [Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 1078-520 ot 25 sentiabria 1958 g.].
11. Moiseenko, V. M. (2004). *Vnutrenniaia migratsiia naseleniia* [Internal population migration]. TEIS.
12. Mosely, G. (1966). *A Sino-Soviet cultural frontier: The Ili Kazakh autonomous chou*. Harvard University Press.
13. Prezidium TsK KPSS, 1954-1964 [Presidium of the CC CPSU, 1954-1964]. (2003). (Vol. 1). ROSSPEN.
14. Pyzhikov, A.V. (2002). *Khrushchevskaia «otpel'»* [The Khrushchev "thaw"]. OLMA-PRESS.
15. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI). F. 4, op. 9, d. 1283 [Plan pod'ema tselinnykh zemel' v Kazakhstane na 1954-1957 gg.].
16. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI). F. 4, op. 9, d. 1424 [Instruktivnye pis'ma o napravlenii demobilizovannykh na osvoeniezemel', 1954 g.].
17. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK). F. 1987, op. 1, d. 73 [Svedeniia o pereselenii kolkhoznikov v KazSSR za 1954-1955 gg.].
18. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK). F. 1987, op. 1, d. 85 [Otchety o priieme repatriantov iz KNR, 1955 g.].
19. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK). F. 1987, op. 1, d. 143 [Otchety o priieme repatriantov iz KNR v 1959 g.].

20. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK). F. 1987, op. 1, d. 168 [Svedeniia o perekhode granitsy bezhentsami iz Sin'tsziana, aprel'-mai 1962 g.]*.
21. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK). F. 1987, op. 1, d. 195 [Dinamika chislennosti bezhentsev i repatriantov Sin'tsziana 1962-1963 gg.]*.
22. Zelenin, I. E. (1998). *Tselinnaia epopeia: razrabotka i osvoenie zemel' SSSR v 1953-1964 gg. [The Virgin Lands epic: The development and cultivation of lands in the USSR in 1953-1964]*. Institut rossiiskoi istorii RAN.

Л.Сафронова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Алматы, Казахстан (e-mail: dinass2002@mail.ru)

ВРЕМЯ В ПЕТЛЕ: ОБСЕССИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЦИКЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ М.ЕЛИЗАРОВА «БИБЛИОТЕКАРЬ»

Аннотация

Статья посвящена анализу художественного времени в романе Михаила Елизарова «Библиотекарь» (2007, премия «Русский Букер» 2008 г.) через призму обсессивно-компульсивной феноменологии. Методологическую основу составляет сопряжение бахтинской теории хронотопа с психопозитивным подходом: обсессивно-компульсивный цикл рассматривается как механизм циклизации художественного времени. Квантитативный анализ лексики фиксирует не менее 204 ОКР-маркеров в тексте (~0,54 маркера на страницу), а их распределение по структурным частям романа демонстрирует нарастание ритуально-временной нагрузки от первой части к финалу. Доказывается, что «зацикленность» времени в романе – не побочный эффект фантастического допущения, а нарративная и языковая матрица всего текста.

Ключевые слова: Михаил Елизаров, «Библиотекарь», художественное время, хронотоп, циклическое время, обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР), психопозитив, квантитативная лингвистика, ритуал, компульсия, темпоральность.

Л.Сафронова

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан (e-mail: dinass2002@mail.ru)

ІЛГЕКТЕГІ УАҚЫТ: М.ЕЛИЗАРОВТЫҢ «БИБЛИОТЕКАРЬ» РОМАНЫНДАҒЫ УАҚЫТТЫ ЦИКЛДАУ ТЕТІГІ РЕТІНДЕ ОБСЕССИВТІ ОҚУ ТӘЖІРИБЕЛЕРІ

Аңдатпа

Мақала Михаил Елизаровтың «Библиотекарь» (2007 ж., «Русский Букер» сыйлығы 2008 ж.) романындағы көркемдік уақытты обсессивті-компульсивті феноменология призмасы арқылы талдауға арналған. Бахта хронотопы теориясының психопозитивтік тәсілмен үйлесуі әдіснамалық негізді құрайды: обсессивті-компульсивті цикл көркемдік уақытты циклизациялау тетігі ретінде қарастырылады. Лексиканың квантитативтік талдауы мәтінде кемінде 204 ТКЖ-маркерлерін тіркейді (бір бетке 0,54 маркер ~), ал олардың романның құрылымдық бөліктері бойынша бөлінуі бірінші бөліктен соңына дейін рәсімдік-уақыттық жүктеменің өсуін көрсетеді. Романдағы уақыттың «қисындылығы» - фантастикалық жорамалдың жанама әсері емес, бүкіл мәтіннің баянды және тілдік матрицасы екені дәлелденеді.

Кілт сөздер: Михаил Елизаров, «Библиотекарь», көркем уақыт, хронотоп, циклдiк уақыт, обсессивті-компульсивті бұзылу (ТКБ), психопэтика, квантитативті лингвистика, ритуал, компульсия, темпоралдық.

L.Safronova

*Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan (e-mail: dinass2002@mail.ru)*

TIME IN A LOOP: OBSESSIVE READING PRACTICES AS A MECHANISM OF TIME CYCLIZATION IN M. ELIZAROV'S NOVEL "THE LIBRARIAN"

Abstract

The article analyzes artistic time in Mikhail Elizarov's novel "The Librarian" (2007, Russian Booker Prize 2008) through the lens of obsessive-compulsive phenomenology. The methodological framework combines Bakhtin's theory of the chronotope with a psychopoetic approach: the obsessive-compulsive cycle is examined as a mechanism of time cyclization in the novel. Quantitative lexical analysis identifies no fewer than 204 OCD markers in the text (~0.54 markers per page), and their distribution across the structural parts of the novel demonstrates increasing ritual-temporal density from the first part to the finale. The article argues that the "looping" of time in the novel is not a side effect of the fantastic premise, but the narrative and linguistic matrix of the entire text.

Keywords: Mikhail Elizarov; The Librarian; artistic time; chronotope; cyclical time; obsessive-compulsive disorder (OCD); psychopoetics; quantitative linguistics; ritual; compulsion; temporality.

Введение: проблема «застывшего» времени

Роман Михаила Елизарова «Библиотекарь» (2007) традиционно рассматривался исследователями как постсоветская антиутопия, политическая аллегория или метароман о природе чтения. Между тем один из наиболее устойчивых его эффектов - ощущение, что время в романе не течёт, а возвращается: события возвращаются, ритуалы повторяются, история не идёт вперёд, а замыкается в кольцо. Настоящая работа предлагает объяснение этому эффекту: художественное время в «Библиотекаре» организовано по логике обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР) - клинического состояния, при котором сам механизм переживания времени деформируется, превращая его в бесконечно повторяющуюся петлю.

Клинические исследования подтверждают, что ОКР характеризуется специфическими нарушениями темпоральности: пациенты демонстрируют статистически значимые отклонения в восприятии времени, управлении временем и «временном знании» (time knowledge), а тяжесть компульсивного поведения коррелирует с нарушением тайм-менеджмента. Феноменологические исследования описывают «цикличность и стерильность обсессивного времени»: будущее обсессивного субъекта не содержит ничего, кроме точного повторения пережитого. Именно эта темпоральная структура реализована в «Библиотекаре» - на уровне сюжета, нарратива, лексики и хронотопа.

С литературоведческой точки зрения роман традиционно рассматривался как постсоветская антиутопия, политическая аллегория или метароман о природе чтения. Однако психологическое измерение - клинически точное воспроизведение обсессивно-компульсивной феноменологии в нарративных структурах - практически не становилось предметом систематического исследования. Показательна при этом высочайшая лексическая плотность текста: всего 3 702 уникальных слова на 10 000 слов текста - показатель, исключительный даже на фоне русскоязычной прозы, - что делает частотный подход особенно продуктивным: любое повторение принципиально значимо

1. Теоретическая рамка: хронотоп повторения и обсессивное время

1.1. Бахтинский хронотоп и циклическое время

М. М. Бахтин, вводя понятие хронотопа как «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе», особо выделяет понятие, которое можно назвать «циклический хронотоп» - тип художественного времени, в котором «нет событий, а есть только повторяющиеся "бывания"»: «время движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Из дня в день повторяются те же бытовые действия». Бахтин трактует такое время как «густое, липкое, ползущее» - бессобытийное и потому «почти остановившееся».

Циклический хронотоп у Бахтина возникает из идиллического, провинциального, обыденного мира. В «Библиотекаре» он порождён иначе - патологическим механизмом обсессии. Клиническая феноменология ОКР проникает в нарративную архитектуру романа Елизарова, создавая то, что можно назвать патологическим хронотопом: циклическое время, производимое не природными ритмами, а психической дисфункцией.

1.2. Обсессивное время: клиническая феноменология

Обсессивно-компульсивное расстройство определяется DSM-5 как состояние, при котором индивид испытывает *навязчивые мысли (обсессии)* и/или совершает повторяющиеся *ритуальные действия (компульсии)*, направленные на снижение тревоги. Ключевыми темпоральными характеристиками ОКР являются:

- 1). Цикличность без прогресса: ритуал снижает тревогу, но лишь временно - тревога возвращается, запуская новый цикл;
- 2). Стерильность будущего: субъект ориентирован не на открытое будущее, а на воспроизведение ритуала - то есть на повторение прошлого;
- 3). Компульсивная репродукция прошлого: навязчивое обдумывание событий прошлого, не влияющих на текущую жизнь;
- 4). Темпоральные нарушения: значимая корреляция между тяжестью компульсий и нарушением восприятия/управления временем.

Феноменологи, в частности Otto Doerr-Zegers и др. (Отто Дёпп-Цегерс, один из ведущих представителей феноменологической психиатрии) описывают это как «инфернальный круг сомнения и повторения»: «пациент повторяет действие снова и снова, конец которому кладут только усталость или чужое вмешательство».

1.3. Принципы отбора ОКР-маркеров

По критериям DSM-5 ключевыми признаками служат: (1) интрузивность (*свойство нежелательных психических содержаний произвольно вторгаться в сознание человека против его воли*) и нежелательность навязчивых представлений; (2) компульсивность и ригидность поведенческих реакций; (3) временное облегчение, сменяемое усилением тревоги; (4) цикличность. Все четыре признака системно воспроизведены в нарративной логике «Библиотекаря».

Методологической основой количественного анализа служит пятикластерная модель семантических групп, составленная на основе критериев DSM-5:

Таблица 1. Модель семантических групп, составленная на основе критериев DSM-5

Кластер	Содержание	Темпоральный аспект
А - Обсессивные состояния	Аффекты, влечения, транс	Прерывают линейное время,

		создают «выпадение»
Б - Компульсии-правила	«Условие Непрерывности», «Условие Тщания»	Предписывают структуру ритуального времени
В - Компульсивные действия	Ежедневное перечитывание, цикличность	Создают повторяющиеся «бывания»
Г - Ритуально-поведенческие паттерны	Проверки, бои, кодексы	Ритуализируют время группы
Д - Тревога	Страх нарушения, страх потери	Запускают новый цикл после «облегчения»

Для каждого кластера составлен список ключевых слов по методике В.Я. Белянина; поиск проводился методом частичного совпадения (regex) по тексту.

2. Квантитативный анализ: лексика временной петли

2.1. Сводная таблица лексических маркеров

Таблица 2. Частотность ОКР-маркеров в «Библиотекаре» М. Елизарова

№	Тематическая группа	ОКР-кластер	Вхождения (~30%)	Оценка (полный текст)	Ключевые лексемы
1	Обсессивные состояния (аффекты)	А - Обсессивные состояния	15	52	эйфория, состояние, ярость, транс, захлестнул, оцепенел
2	Охота / собираательство Книг	А - Обсессивные состояния	3	12	собираательство, рыскали, охота за книгами
3	Зависимость / причастность	А - Обсессивные состояния	2	9	причастный, посвящённый, вербовать, культ
4	Условие Непрерывности	Б - Компульсии-правила	7	23	Условие Непрерывности, не отрываясь
5	Условие Тщания	Б - Компульсии-правила	11	36	Условие Тщания, не пропуская, дотошность
6	Компульсивное чтение	В – Комппульсивные действия	6	21	регулярно читал, перечитывал, однотипный устав
7	Ритуальные запреты и правила	Г - Ритуально-поведенческие паттерны	5	18	ритуал, кодекс, устав, хоругви
8	Проверка подлинности	Г - Ритуально-поведенческие паттерны	4	14	пересчитывали, сличали, подлинник, фальшивка
9	Коллективные ритуальные чтения	Г - Ритуально-поведенческие паттерны	2	8	читал вслух, ритуал прошли, хор
10	Тревога	Д - Тревога	3	11	страх, тревога,

нарушения ритуала				наказание
Итого		58	204	

Примечание. «Вхождения» - прямой подсчёт по фрагменту (~30% текста). «Оценка» - расчётная экстраполяция с учётом неравномерности распределения маркеров.

Вхождения (фрагмент ~30%) - сколько раз слово или выражение из данной группы реально встретилось в части текста романа, которая подверглась компьютерному анализу (примерно треть книги, около 120-130 страниц). Это точный подсчёт по реальному тексту.

Оценка (полный текст) - расчётное число для всего романа целиком (~380 страниц). Число из фрагмента умножалось примерно на 3 с поправкой на то, что разные ОКР-темы распределены по роману неравномерно (например, «Условие Тщания» чаще встречается в первых главах, а ритуальные сцены - в середине). Вхождения - это факт, оценка - это расчёт. Оценочные данные являются экстраполяцией на основе анализа ~30% текста.

2.2. Распределение по типам ОКР-компонентов

Таблица 3. Суммарная частота по типам ОКР-компонентов

Тип ОКР-компонента	Число маркеров (оценка)	Доля
Обсессии (навязчивые идеи / влечения)	73	35,8%
Компульсии-правила	59	28,9%
Компульсии-ритуалы	40	19,6%
Компульсии-действия	21	10,3%
Тревога / Избегание	11	5,4%
ИТОГО	204	100%**

Обсессивные маркеры (35,8%) первичны, компульсивные суммарно составляют 58,8% - соотношение, воспроизводящее клиническую картину ОКР, где обсессия как темпоральный «спусковой крючок» запускает компульсивный ответ. Малое число тревожно-избегательных маркеров (5,4%) обусловлено художественным выбором Елизарова: тревога вытеснена на периферию экзальтацией - «обёртка» обсессии позитивна, что усиливает аддиктивную и культовую природу практики чтения.

2.3. Динамика по частям романа

Распределение ОКР-маркеров по структурным частям романа устанавливалось методом тематического контент-анализа - качественного кодирования эпизодов по доминирующему типу ОКР-паттерна.

Таблица 4. Динамика ОКР-маркеров по частям романа

Группа маркеров	Часть I: Книги и история	Часть II: Война библиотек	Часть III: Ритуал и финал
Обсессии поиска	18	28	12
Компульсии чтения	22	15	20
Ритуальные правила	12	20	8
Тревога нарушения	3	6	5
ИТОГО	55	69	45

Примечание. Распределение носит оценочный характер; служит для иллюстрации нарративной динамики.

Вторая часть содержит наибольшую концентрацию маркеров (69 из 169): период «войны библиотек» максимально насыщен темпоральным напряжением. Первая часть - зона генезиса obsessions. Третья часть замыкает цикл финальной компульсией непрерывного чтения всего Семикнижия.

2.4. Квантитативная верификация: сопоставление с нормами НКРЯ

Валидность выявленных показателей повторяемости и лексической концентрации проверяется путём сравнения с данными Нового частотного словаря русской лексики О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (2009), построенного на материале Национального корпуса русского языка (≈ 92 млн словоупотреблений, 1950-2007). Единицей измерения служит показатель ipm (instances per million words - вхождений на миллион слов корпуса), принятый в мировой корпусной лингвистике как стандарт межкорпусного сравнения.

Таблица 5. Частотность ОКР-маркеров в НКРЯ vs. оценочная плотность в «Библиотекаре»

Лемма	ЧР	ipm в НКРЯ	R (%)	D	Оценочная плотность в «Библиотекаре» (ipm)	Превышение нормы
состояние	сущ.	294,4	100	92	кластер А $\rightarrow \sim 730$	базовое
страх	сущ.	138,4	100	95	$\sim 50-100$ (кластер Д)	$\times 0,4-0,7$
тревога	сущ.	50,8	100	95	$\sim 50-100$ (кластер Д)	$\times 1-2$
ярость	сущ.	21,0	94	93	~ 125 (кластер А)	$\times 6$
ритуал	сущ.	14,9	99	94	~ 167 (кластер Г)	$\times 11$
перечитывать	гл.	8,3	94	93	~ 200 (кластер В)	$\times 24$
навязчивый	прил.	5,7	95	94	кластер А	$\times 22$
оцепенение	сущ.	5,6	87	91	~ 125 (кластер А)	$\times 22$
эйфория	сущ.	4,4	88	93	~ 125 (кластер А)	$\times 28$
повтор	сущ.	3,7	87	92	~ 590 (кластер Б/В)	$\times 159$
транс	сущ.	3,6	87	90	~ 125 (кластер А)	$\times 35$
аффект	сущ.	1,9	64	87	кластер А	$\sim \times 65$
навязчивость	сущ.	0,4	28	83	кластер А	$\sim \times 300$
обсессия	—	отс.	—	—	—	терминологический неологизм
компульсия	—	отс.	—	—	—	терминологический неологизм

Примечание: R (Range) - ранговый процентиль текстового охвата: показывает, в скольких процентах текстов корпуса встречается данное слово. R = 100 означает, что слово присутствует практически во всех текстах корпуса; R = 28 - только в 28% текстов. D (Dispersion) - дисперсия, то есть равномерность распределения слова по разным текстам корпуса. D = 95 - слово распределено очень равномерно (характерно для всех жанров); D = 83 - встречается неравномерно, концентрируется в определённых текстах. НКРЯ - Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), основной корпусный ресурс для русского языка (~ 92 млн слов художественной и публицистической прозы 1950-2007 гг.). ipm (instances per million words) - количество вхождений слова на миллион слов корпуса; стандартная единица измерения частотности в корпусной лингвистике. Позволяет сравнивать тексты разного объёма. ОКР-маркер - лексема, семантически связанная с обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР; англ. OCD - Obsessive-Compulsive Disorder): обсессия, ритуал, повтор, эйфория, транс и т. д. Лемма - начальная (словарная) форма слова, к которой приводятся все его словоформы при подсчёте частотности (например, ярость, ярости, яростью $\rightarrow$ лемма ярость). Данные по НКРЯ: Ляшевская, Шаров 2009.

Суммарная плотность всех 204 ОКР-маркеров в романе составляет ~ 2040 ipm, тогда как суммарный ipm тех же лемм в НКРЯ равен ≈ 467 ipm - разрыв в 4,4 раза. По семантически специфичному ядру (эйфория + ярость + транс + оцепенение + ритуал + навязчивый +

аффект, совокупный ipm по НКРЯ = 95,8) плотность по кластеру А одного «Библиотекаря» составляет ~730 ipm - превышение нормы в 7,6 раза.

Иными словами, суммарная плотность всех 204 лексем с семантикой обсессии и компульсии в романе составляет ~2040 вхождений на миллион слов, тогда как те же слова встречаются в Национальном корпусе русского языка лишь ~467 раз на миллион - разрыв в 4,4 раза. По наиболее диагностически значимым словам (эйфория, ярость, транс, оцепенение, ритуал, навязчивый, аффект - в норме суммарно лишь 95,8 на миллион) плотность только в кластере аффективных состояний «Библиотекаря» достигает ~730 на миллион, что превышает норму в 7,6 раза.

Такие слова, как тревога (ipm = 50,8) и страх (138,4), в НКРЯ представлены очень широко и равномерно (R = 100, D = 95), то есть встречаются практически во всех художественных текстах. Их нормальная частотность у Елизарова не является аномалией - аномальны слова низкодисперсной группы (транс, оцепенение, эйфория, D = 87-93), которые в норме «рассеяны» по единичным текстам, а в «Библиотекаре» образуют сплошной семантический пласт.

Таблица 6. TTR «Библиотекаря» на фоне нормативных диапазонов

Корпус / жанр	Объём	TTR	Источник
«Библиотекарь» (10 000 словоформ)	~100 000 сл.	0,37	данные статьи ³
Учебники рус. языка нач. школы (норма)	439 938 сл.	0,33–0,55 (ср. 0,46)	Чурунина и др. 2023 ⁴
Художественная проза (оценка)	—	0,30–0,40	Захарова, Савина 2020 ⁵
Тексты TTR < 0,5	любой	< 0,50	признак высокой лексической повторяемости ⁴

Примечание: TTR – Type-Token Ratio (рус. «отношение типов к токенам») - это показатель лексического разнообразия текста. Token («токен») - каждое отдельное словоупотребление в тексте, включая повторы (общее число слов). Type («тип») - уникальное слово (лемма или словоформа), без учёта повторений. Формула: например, если в тексте 10 000 слов, из которых 3 702 уникальных - $TTR = 3702/10000 = 0,37$, как в «Библиотекаре». TTR ближе к 1 → текст лексически богатый, почти нет повторов. TTR ближе к 0 → текст с высокой повторяемостью, ограниченным словарём.

TTR «Библиотекаря» (0,37; 3702 уникальных / 10 000 словоформ) располагается на нижней границе нормального диапазона художественной прозы и значительно ниже среднего значения по корпусам сопоставимых текстов. Это свидетельствует о намеренной лексической редукции: автор систематически возвращает читателя к одним и тем же обозначениям аффективных состояний - это структурный аналог навязчивого воспроизведения в самой ткани романного времени. Ляшевская и Шаров указывают, что низкий TTR устойчиво коррелирует с высокой повторяемостью функциональных единиц и ограниченностью авторского лексикона в данной тематической зоне, – именно это и наблюдается в ОКР-лексике «Библиотекаря».

Таким образом, количественные данные НКРЯ независимо подтверждают два наших ключевых тезиса: 1) ОКР-маркеры представлены в романе с плотностью, аномальной для художественного текста нейтрального регистра (превышение нормы в 4-300 раз по

отдельным лексемам); 2) общая лексическая структура романа (TTR = 0,37) воспроизводит семантическую логику обсессивно-компульсивного мышления - цикличность, редукцию и повтор, т.е. временную петлю.

3. «Время в петле»: три механизма циклизации

3.1. Первый механизм: «Условия» как темпоральный алгоритм

Центральным лексическим конструктом романа является пара «Условие Непрерывности» / «Условие Тщания», написанная с заглавной буквы - обретшая статус имени собственного, тем самым лексикализовавшая свою ритуальную природу. В клиническом смысле это точный аналог ОКР-правила: «повторяющееся действие, которое индивид вынужден выполнять в ответ на навязчивую идею или в соответствии с правилами, которые должны применяться жёстко» (American Psychiatric Association, 2013).

Темпоральный эффект «Условий» двойной. Во-первых, они предписывают длительность: читать нужно «от первой строки до последней, не пропуская заунывные абзацы» - это принудительная структура временного отрезка, в течение которого субъект лишён свободы выйти. Во-вторых, они задают повторяемость: «с тех пор жизнь Шульги была подчинена однотипному уставу: утром он перечитывал Книгу». Слово «однотипному» является диагностически значимым маркером стереотипии, а «подчинена» прямо называет отношение субъекта к ритуальному времени - причем не господство над ним, а подчинение ему.

Суммарно конструкции «Условий» фиксируются в 59 вхождениях. Оба «Условия» могут сработать случайно (Шульга читал «от таёжной скуки»), однако затем осознаются и воспроизводятся намеренно - точная динамика ОКР: первый «ритуал» нередко случаен, но впоследствии фиксируется как обязательный.

3.2. Второй механизм: аффективные состояния как темпоральные «выпадения»

Каждая из семи Книг Громова вызывает одно специфическое состояние, прерывающее обычное течение времени - это «выпадение» субъекта из линейного времени в экстатическое: «Лагудов перенёс бурное эйфорическое состояние... появились великолепные мысли...» (Елизаров, 2009, с. 12); «Книга подложила Лагудову ярчайший фантом... оцепенел от всепоглощающего чувства умиления» (Елизаров, 2009, с. 22); «Шульга испытал всплеск нечеловеческой агрессии, схватился за топор...» (Елизаров, 2009, с. 38); «Книга Памяти - «Тихие травы» - способная пробудить состояние боевого транса даже в самом робком сердце» (Елизаров, 2009, с. 27).

Таблица 7. Темпоральная семантика «состояний» от каждой Книги Громова

Книга	Мирское название	Индукцируемое состояние	Темпоральный эффект
Книга Радости	«Нарва»	Эйфория, «великолепные мысли»	Остановка / расширение времени
Книга Памяти	«Тихие травы»	Фантомные воспоминания, «сокрушающая нежность»	Возврат в прошлое, темп. петля
Книга Ярости	«Дорогами труда»	Боевой транс, «всплеск нечеловеческой агрессии»	Ускорение, «выпадение» субъекта

Книга Власти	«Счастье, лети!»	«Пульсирующее ощущение значимости»	Субъективное растягивание «сейчас»
Книга Терпения	«Серебряный плёс»	Утешение, анестезия боли	Замедление, «заморозка» времени
Книга Силы	«Пролетарская»	Физическая сила, нечеловеческая энергия	Вневременность, аффективный взрыв
Книга Смысла	(не найдена)	Синтез всех состояний	Метатемпоральность

Каждая Книга индуцирует только одно состояние - это литературная формализация клинической черты ОКР: монотематичности навязчивого переживания. Все состояния временны: аффект проходит, тревога возвращается, и субъект вынужден воспроизвести ритуал чтения, чтобы снова «выпасть» из линейного времени. **Так формируется петля: выпадение → возврат → тревога → новое выпадение.**

3.3. Третий механизм: «неусыпаемая псалтирь» как финальная петля

Финал романа - наиболее явная экспликация ОКР-темпоральности. Главный герой обречён читать непрерывно, сменяя других читателей в структуре, прямо названной Елизаровым «неусыпаемой псалтирью»: ритуальное чтение, которое не прекращается, поскольку при прекращении рушится «щит над Россией»: «покуда читаются Книги, одна за другой, без перерыва, страшный враг бессилён... Тот, кто читает Книги, – бессменный хранитель Родины» (Елизаров, 2009, с. 352).

Это структура хронически незавершённого ритуала: по клиническим описаниям, тяжёлая форма ОКР именно так и выглядит - ритуал перестаёт снижать тревогу и становится образом жизни. История персонажа заканчивается не смертью и не трансформацией, а включением в вечную очередь чтецов - это не развязка, а бесконечная экспозиция петли.

4. ОКР-цикл как нарративная архитектура

Таблица 8. ОКР-цикл как структура времени на трёх уровнях романа

Уровень	Навязчивая идея	Компульсия	Временное облегчение	Рецидив / возврат
Индивидуальный (Шульга)	Потеря власти	Ежедневное перечитывание Книги	Харизма, повиновение окружающих	Кража Книги → утрата власти → новый цикл
Групповой (Библиотека)	Утрата Книг	Сбор, ритуальное использование	Боеготовность и идентичность клана	Потери в бою → новый поиск → новый цикл
Цивилизационный (финал)	Распад советского мира	Непрерывное чтение Семикнижия	«Щит над Россией»	Смерть читателя → новый чтец → вечный цикл

На цивилизационном уровне особенно значима метафора советского: Книги Громова - материализация советского мифа, «советское прошлое» как психиатрический объект obsessions. Невозможность отказаться от ритуального воспроизведения советского - компульсия постсоветского субъекта - обретает в романе буквальную темпоральную форму: Книги держат своих читателей в петле, не давая ни умереть, ни жить иначе.

5. Персонажная типология: ОКР-профили и временные стратегии

Таблица 9. Персонажи «Библиотекаря» как типы темпорально-обсессивного субъекта

Персонаж	ОКР-тип	Темпоральная стратегия	Ключевая лексика
Лагудов	Систематизирующий обсессивный	Классификация прошлого, создание «хронологий» Книг	теоретики, список, хранилище, перечень
Шульга	Компульсивный деятель	Ежедневный повтор как управление будущим	регулярно, утром, устав, однотипный
Мохова	Контрастные навязчивости	Тайное проживание альтернативного прошлого	тайно, воображала, скрытая власть
Вязинцев	Индукцированное ОКР	Постепенная утрата линейного времени «до»	втянули, не мог отказаться, обречён
Горн	Автоматическая компульсия	Чтение без присвоения - механическое время	читала механически, не понимала

Таблица 10. ОКР-профиль персонажей по категориям (шкала 0-10)

Категория	Лагудов	Шульга	Мохова	Вязинцев
Обсессия поиска	8	9	7	5
Компульсия чтения	7	9	6	4
Контроль / власть	6	7	9	3
Ритуальность	5	8	5	7
Тревога нарушения	4	3	8	2
Зависимость	7	6	5	9
Повторяемость	6	8	7	4
Среднее	6,1	7,1	6,7	4,9

Примечание. Баллы получены методом качественной рейтинговой оценки на основе частотности и сюжетного веса соответствующих эпизодов. Используется оценочная шкала, а не автоматический подсчёт, то есть это не «подсчитанные» числа, а исследовательская градация по 0-10 на основе текста. Выбраны оси (категории): «Обсессия поиска», «Компульсия чтения», «Ритуальность», «Контроль/власть», «Тревога нарушения», «Зависимость», «Повторяемость». Для каждого персонажа (Лагудов, Шульга, Мохова, Вязинцев) смотрится: сколько эпизодов, насколько они типичны, насколько явно в них проявляется соответствующая черта (лексика, действия, сюжетный вес). Дальше по каждой оси ставится балл от 0 до 10 - это аналог 10-балльной rating-scale / Лайкертоподобной шкалы, которая в качественных исследованиях часто используется для визуализации многомерных профилей на радарх и «спайдер-чартах». То есть: 9/10 у Шульги по «Компульсии чтения» и «Обсессии поиска» - это интерпретационная, но системная оценка: в его главах компульсивные и обсессивные паттерны максимально частотны, ярко описаны и структурно определяют его жизнь (ежедневное перечитывание, «однотипный устав» и т.п.), поэтому шкала «забита» почти до максимума.

Шульга демонстрирует максимальную суммарную ОКР-нагрузку (7,1). Вязинцев - минимальную начальную (4,9): именно через его постепенное «заражение» реализуется основная нарративная динамика трансформации линейного субъекта в циклический.

6. Синтаксис петли: лингвистические маркеры цикличности

На языковом уровне циклизация времени обеспечивается четырьмя синтаксическими конструкциями.

Конструкции невозможности остановки задают принудительную длительность: «прочёл повесть от первой строки до последней, не пропуская заунывные абзацы». Двойное

отрицание «не пропуская» - описание действия через запрет прерывания - задаёт замкнутый контур.

Пассивные конструкции устраняют субъектный контроль над временем: «Лагудова захлестнула такая сокрушающая нежность», «его ум наполнился пульсирующим ощущением» - субъект пациент, аффект агенса. Грамматически это фиксирует утрату темпорального суверенитета: время делает что-то с субъектом, а не субъект распоряжается временем.

Темпоральные маркеры принудительности задают ритмическую структуру: «утром он перечитывал Книгу и остаток дня властвовал». Союз «и» с причинно-следственной жёсткостью создаёт алгоритм «ритуал → награда». Слово «однотипному» является прямым маркером стереотипии.

Модальная лексика обязательности пронизывает весь текст: «два необходимых Условия», «нельзя было прервать», «Условия, которые должны быть соблюдены» - модальность «должен / нельзя» воспроизводит структуру времени, заложником которого является субъект.

7. ОКР-время и советская ностальгия: метафорическое измерение

Циклизация времени в «Библиотекаре» функционирует не только как психопатологический, но и как историко-культурный механизм. Книги Громова - советские книги, написанные «для времени, которого уже нет»; их ритуальное чтение в постсоветском пространстве есть буквальная практика воспроизведения ушедшего. Ключевая Книга в этом отношении - Книга Памяти («Тихие травы»), вызывающая «фантомные воспоминания» о советском прошлом - коллективную мнемоническую Obsession.

Феноменологи описывают депрессивного субъекта, «не способного покинуть старый дом», как темпорально застрявшего: «он неспособен по-настоящему оставить старый дом и, сохраняя его в памяти, не может сдаться новому». Постсоветский субъект «Библиотекаря» - крайний случай этой невозможности: старый дом буквально держит читателя в петле через Книги, которые нельзя ни выбросить, ни перестать читать. Советская ностальгия здесь получает точную психиатрическую форму: это не сентиментальная тоска, а компульсия - принудительное возвращение к ритуалу воспроизведения прошлого, лишённое терапевтической силы.

Заключение

1. *Obsessивно-компульсивный цикл как хронотоп.* В «Библиотекаре» клинический цикл ОКР выступает структурообразующим хронотопом: он организует художественное время на трёх уровнях - индивидуальном, групповом и цивилизационном.

2. *Лексическая плотность циклизации.* Квантитативный анализ фиксирует не менее 204 ОКР-маркеров (~0,54 на страницу), что свидетельствует о системном, а не эпизодическом характере ОКР-образности.

3. *«Условия» как темпоральный алгоритм.* Конструкции «Условие Непрерывности» / «Условие Тщания» являются лексикализованной формой принудительного ритуального времени: они предписывают и длительность, и повторяемость.

4. *Наращивание к финалу.* Вторая часть содержит наибольшую концентрацию ОКР-маркеров (69), а финальная «неусыпаемая псалтирь» представляет предельную форму темпоральной петли - хронически незавершённый ритуал.

5. *Постсоветская метафора.* ОКР-время романа функционирует как метафора постсоветской культурной памяти: ритуальное воспроизведение советского - это компульсия, из которой невозможно выйти без внешнего вмешательства.

Таким образом, «Библиотекарь» Елизарова представляет собой пример романа, в котором время организовано не по логике линейного нарратива, а по логике патологического хронотопа - циклического, стерильного, принудительного. Это открывает перспективу его

прочтения в русле психопозитики, нейронарратологии и исследований постсоветской темпоральности.

References:

1. Abramowitz, J. S., Taylor, S., & McKay, D. (2009). Obsessive-compulsive disorder. *The Lancet*, 374(9688), 491-499. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(09\)60240-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(09)60240-3)
2. American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.). <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
3. Bidwell, L. C., MacKillop, J., Murphy, J. G., Tidey, J. W., & Colby, S. M. (2018). Temporal dynamics of rituals in obsessive compulsive disorder. *Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences*, 21(2), 175-197.
4. Dörr-Zegers, O. (2009). Space and time in the obsessive-compulsive phenomenon. *Salud Mental*, 32(2), 141-148.
5. Elizarov, M. Iu. (2009). *Bibliotekar': Roman The librarian: A novel*. ООО «Ad Marginem Press».
6. Kern, A., Wagner, T., & Jelinek, L. (2026). Disturbances in time perception in patients with obsessive-compulsive disorder. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*. <https://doi.org/10.1007/s00406-026-02260-8>
7. Liashevskaya, O. N., & Sharov, S. A. (2009). *Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki New frequency dictionary of Russian vocabulary*. Azbukovnik.
8. National Institute for Health and Clinical Excellence. (2005). *Obsessive-compulsive disorder: Core interventions in the treatment of obsessive-compulsive disorder and body dysmorphic disorder (Clinical Guideline No. 31)*. The British Psychological Society & The Royal College of Psychiatrists.
9. Pinciotti, C. M., Riemann, B. C., & Abramowitz, J. S. (2023). Common rituals in obsessive-compulsive disorder. *Journal of Clinical Medicine*, 12(19), 6319. <https://doi.org/10.3390/jcm12196319>
10. Bakhtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane Forms of time and the chronotope in the novel*. In *Voprosy literatury i estetiki* (pp. 234-407). Khudozhestvennaya literatura.

D. Gagarina
University of Erlangen, Nuremberg, Germany

DATA AND KNOWLEDGE MODELLING AS THE METHODOLOGICAL FOUNDATION OF DIGITAL HUMANITIES

Abstract

Digital humanities is a multidisciplinary field that leverages digital technology and methodologies to explore and answer questions pertaining to the humanities. It is a dynamic intersection between the domains of computer science and the humanities, promoting innovation, collaboration, and research at the highest levels. However, as a relatively young field, the methodological foundations of the digital humanities are still being established. This paper seeks to explore the core methodologies that underpin digital humanities. The modelling of data, information, and knowledge can be considered one of the foundations of digital humanities. One of the arguments confirming this is that the development of digital humanities and the development of technologies in general are the development of ways to formalise and present data and knowledge. Science has come a long way from the modelling and computer representation of numbers to generating texts and art on the basis of prescribed inputs. With the advent of artificial intelligence, especially machine learning and deep learning techniques, the potential for more sophisticated and nuanced data modelling in the digital humanities has expanded significantly, linking computational capabilities with humanistic inquiries in unprecedented ways. The article considers the periodization, classification, and trends of approaches and methods for modelling data, information and knowledge in the humanities. The article provides an overview of existing examples and data models of different complexity from various humanities disciplines, including history, linguistics, literary criticism, and cultural studies.

Keywords: digital humanities; data modelling; knowledge modelling; computational methods; artificial intelligence; humanities research; methodology

Д.Гагарина

Эрланген университеті, Нюрнберг, Германия

ДЕРЕКТЕР МЕН БІЛІМДІ ЦИФРЛЫҚ ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАРДЫҢ ӘДІСНАМАЛЫҚ НЕГІЗІ РЕТІНДЕ МОДЕЛЬДЕУ

Аңдатпа

Сандық гуманитарлық ғылымдар - гуманитарлық ғылымдарға қатысты сұрақтарға жауап беру үшін сандық технологиялар мен әдіснамаларды пайдаланатын пәнаралық сала болып табылады. Бұл инновацияларға, ынтымақтастыққа және ең жоғары деңгейдегі зерттеулерге ықпал ететін информатика және гуманитарлық ғылымдар салаларының серпінді қиылысы. Алайда, салыстырмалы түрде жас сала бола тұра, цифрлық гуманитарлық ғылымдардың әдіснамалық негіздері әлі де қалыптасу сатысында. Бұл мақалада цифрлық гуманитарлық ғылымдардың негізіне жататын негізгі әдіснамалар қарастырылады. Деректерді, ақпарат пен білімді модельдеуді цифрлық гуманитарлық ғылымдар негіздерінің бірі деп санауға болады. Мұны растайтын дәлелдердің бірі цифрлық гуманитарлық ғылымдарды дамыту және тұтастай алғанда технологияларды дамыту - бұл деректер мен білімді формализациялау және ұсыну тәсілдерін дамыту болып табылады. Ғылым сандарды модельдеу мен компьютерлік ұсынудан бастап берілген кіріс деректері негізінде мәтіндер мен өнер туындыларын генерациялауға дейін ұзақ жолды жүріп өтті. Жасанды интеллект, әсіресе машинамен оқыту және терең оқыту әдістерінің пайда болуымен цифрлық гуманитарлық ғылымдардағы деректердің неғұрлым күрделі және жіңішке модельдері үшін әлеует едәуір кеңейіп, есептеу мүмкіндіктерін гуманитарлық зерттеулермен теңдессіз байланыстырды. Мақалада гуманитарлық ғылымдардағы деректерді, ақпарат пен білімді модельдеу тәсілдері мен әдістерін кезеңдеу, жіктеу және үрдістері қаралады. Тарих, лингвистика, әдеби сын және

мәдениеттануды қоса алғанда, әртүрлі гуманитарлық пәндерден алынған күрделілігі әртүрлі деректердің қазіргі мысалдары мен модельдеріне шолу ұсынылған.

Кілт сөздер: цифрлық гуманитарлық ғылымдар; деректерді модельдеу; білімді модельдеу; есептеу әдістері; жасанды интеллект; гуманитарлық зерттеулер; әдіснама

Д.Гагарина

Университет Эрлангена, Нюрнберг, Германия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДАННЫХ И ЗНАНИЙ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЦИФРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Аннотация

Цифровые гуманитарные науки – это междисциплинарная область, которая использует цифровые технологии и методологии для изучения и ответа на вопросы, относящиеся к гуманитарным наукам. Это динамичное пересечение областей информатики и гуманитарных наук, способствующее инновациям, сотрудничеству и исследованиям на самом высоком уровне. Однако, будучи относительно молодой областью, методологические основы цифровых гуманитарных наук все еще находятся в стадии формирования. В данной статье рассматриваются основные методологии, лежащие в основе цифровых гуманитарных наук. Моделирование данных, информации и знаний можно считать одной из основ цифровых гуманитарных наук. Одним из аргументов, подтверждающих это, является то, что развитие цифровых гуманитарных наук и развитие технологий в целом – это развитие способов формализации и представления данных и знаний. Наука прошла долгий путь от моделирования и компьютерного представления чисел до генерации текстов и произведений искусства на основе заданных входных данных. С появлением искусственного интеллекта, особенно методов машинного обучения и глубокого обучения, потенциал для более сложных и тонких моделей данных в цифровых гуманитарных науках значительно расширился, беспрецедентным образом связывая вычислительные возможности с гуманитарными исследованиями. В статье рассматриваются периодизация, классификация и тенденции подходов и методов моделирования данных, информации и знаний в гуманитарных науках. Представлен обзор существующих примеров и моделей данных различной сложности из различных гуманитарных дисциплин, включая историю, лингвистику, литературную критику и культурологию.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки; моделирование данных; моделирование знаний; вычислительные методы; искусственный интеллект; гуманитарные исследования; методология

Introduction

The transformation of the humanities through the adoption of digital technologies has led to a new age of scholarship. The rapidly developing field of digital humanities combines traditional humanities disciplines such as history, literature, philosophy, and art with computer science, focusing on the use of computational tools for the analysis, visualization, and understanding of human culture. This confluence of digital tools and humanistic enquiry is reshaping how we understand and represent the vast spectrum of human experience, particularly in an era of big data and increasing digitisation of all kinds of historical and cultural heritage. The term "Digital Humanities" is an umbrella term that covers a wide range of activities and disciplines (Gold, 2012; Burdick et al., 2012). Because of its integrative and interdisciplinary nature, the field of digital humanities is constantly exploring its methodological core and establishing methodological foundations that can guide its research, applied projects, and educational endeavours.

Many scholars have written about the need for a methodological core or foundation in digital humanities, as it is a vital part of establishing the field's credibility and facilitating its further development. Two notable figures in this conversation are Patrik Svensson and Paul Rosenbloom. Svensson's work deals with the humanities computing as a field, considers how the digital humanities could be considered a field or a discipline, and discusses methodological commonplaces (Svensson, 2010). Rosenbloom's work, on the other hand, engages more deeply with the computational aspects of the digital humanities, providing a framework for building a multi-level methodology for the digital humanities (Rosenbloom, 2012). As one of the fundamental pillars, data and knowledge modelling plays a pivotal role in shaping the future of digital humanities.

Data and knowledge modelling refers to the process of creating structured representations of information. These models offer a framework for organising, categorising, and analysing data. In the context of the digital humanities, data and knowledge modelling allows for the representation of complex concepts, narratives, and relationships in a form amenable to computational analysis. The assertion that modelling forms the bedrock of the digital humanities has gained wide acceptance (McCarty, 2005; Flanders & Jannidis, 2015). However, it is still a complicated field with many attempts to develop this insight further and conceptualize the modelling and its associated characteristics in the digital humanities (Jannidis, 2018; Ciula et al., 2018).

Recent advancements, including the rise of large language models like GPT-3 and the broad adoption of AI techniques, have driven significant growth in the digital humanities. This growth underscores the urgent need to revisit the foundational methodological pillars of digital humanities research and its applications. Central to this discourse is data and knowledge modelling, a crucial methodology in the field. This approach allows for the computational analysis of cultural artifacts and dynamics at a large scale but also runs the risk of oversimplifying intricate humanistic nuances. Such analyses, especially when incorporating state-of-the-art tools like BERT for computational text analysis, require careful human interpretation and judgment. Moreover, the increasing influence of large language models is reshaping knowledge representation within the digital humanities. This paper aims to critically evaluate these methodologies, emphasising both their capabilities and limitations, especially amidst the rapid technological advancements. It posits that while these techniques offer a robust framework for enquiry, they mandate ethical application and critical evaluation, a sentiment growing in importance due to the swift progression of AI.

Methodology

This paper employs a systematic review and historical-analytical approach to examine the evolution and current state of data and knowledge modelling within digital humanities. The study draws on a wide corpus of foundational and contemporary scholarly works spanning multiple humanities disciplines, including history, linguistics, literary criticism, and cultural studies. A periodization framework is applied to trace the development of modelling practices from pre-digital through generative AI phases, identifying key paradigm shifts, representative projects, and influential scholars at each stage.

The analysis also incorporates an evaluation of pedagogical applications of data modelling, drawing on empirical observations from educational experiments conducted between 2016 and 2018 (Gagarina & Kornienko, 2018). Methodologically, the paper situates itself within the critical digital humanities tradition, balancing attention to computational capabilities with humanistic concerns around interpretation, bias, and ethical application.

Analysis

The Humanities and Evolution of Data and Knowledge Modelling

The progression of data and knowledge modelling has shown significant development over time. Primitive models were often rudimentary, linear, and devoid of the capacity to represent intricate relationships. In contrast, contemporary models are proficient in demonstrating a diverse array of relationships, attributes, and entities. Several mathematical, computational, and

philosophical pioneers, such as Claude Shannon, Alan Turing, John von Neumann, Donald Knuth, Marvin Minsky, and Judea Pearl, have been formulating theoretical models of computers and computing for approximately a century (Shannon, 1948; Turing, 1937; von Neumann, 1945; Knuth, 1968; Minsky, 1986; Pearl, 2000). Simultaneously, a shift has occurred in the comprehension of modelling and knowledge formalisation within the realm of the humanities.

In the formation of theoretical and conceptual foundations for modelling within the humanities, numerous influential figures have emerged, including Johanna Drucker, Willard McCarty, Lev Manovich, Ted Underwood, Manfred Thaller, Peter Doorn, among others (Drucker, 2014; Drucker, 2021; Fiormonte et al., 2015; McCarty, 2005; McCarty, 2018; Manovich, 2013; Underwood, 2019; Thaller, 1985; Thaller, 2012; Doorn, 2021). For instance, in *Graphesis: Visual Forms of Knowledge Production*, Johanna Drucker (2014) emphasized the significance of graphical systems in the knowledge production process, thereby addressing the challenges and opportunities of modelling humanities data. Similarly, in *Humanities Computing*, Willard McCarty (2005) underscored the methodological implications of data modelling within the humanities, providing a theoretical basis for the discipline of the digital humanities.

Lev Manovich's cultural analytics demonstrate the potential of data modelling in visual culture and art history. Ted Underwood's work showcases the efficacy of data modelling in literature. Manfred Thaller and Peter Doorn have significantly contributed to the modelling of historical databases and information systems (Doorn, 2021; Thaller, 1985; Thaller, 2012). We can broadly segregate the evolution of the formalisation and modelling of knowledge within the humanities into four distinct stages.

Pre-Digital and Early Digital Phases

In the pre-digital and early digital phases, scholarly works in the humanities were fundamentally analogue, leaning heavily on written texts, artefacts, or oral traditions. Information was typically organised in the form of documents, with knowledge predominantly catalogued through indices. During this phase, data was primarily unstructured, preserved as manuscripts, books, and other physical documents, with knowledge representation being largely narrative and qualitative. Notable instances from this pre-digital era include the development of extensive catalogues and indices designed to aid scholars in locating works within vast collections, as well as various historical atlases seeking to represent data visually and spatially.

A seminal early example of digital humanities is the Index Thomisticus project spearheaded by Roberto Busa in the mid-20th century. This project, which entailed creating a comprehensive index and concordance of the works of Thomas Aquinas and related authors, initially took form as a print project before transitioning into a digital medium, thus representing one of the earliest instances of digital humanities (Busa, 1980). In this phase, we can also discern preliminary endeavours in data modelling, chiefly stemming from early attempts at representing numerical data via basic computational techniques, including the emergence of statistical analyses in disciplines like history and sociology. A notable figure here is Robert Fogel, who shared the 1993 Nobel Prize in Economics with Douglass North, using innovative statistical techniques to examine the economic impact and efficiency of institutions such as railways and slavery (Fogel & Engerman, 1974).

Digital Phase

The digital phase in humanities commenced with the advent of digital computers, which enabled the digitisation, storage, and manipulation of enormous volumes of data. Fundamental data models such as flat files and relational databases gained popularity during this era. The introduction of markup languages, including XML and HTML, facilitated the encoding of semantics in texts, heralding the digital representation and organisation of information (Riley, 2017). Relational, hierarchical, and graph data models emerged as significant areas during this phase.

Relational databases were central to early digital humanities projects such as the Perseus Digital Library at Tufts University, which aimed to collect and provide access to classical texts and

artifacts (Mylonas, 1993). Other examples include the Text Encoding Initiative (TEI), founded in 1987, which developed a standard for encoding machine-readable texts in the humanities and social sciences (Sperberg-McQueen & Burnard, 1994). The development of graph models led to the rise of network analysis in the digital humanities, as illustrated by the work of Scott Weingart, who applied network analysis to historical studies, offering new insights into historical relationships and processes (Weingart, 2011). Lastly, projects like Manfred Thaller's (1985) "Beyond Collecting: On the Design and Implementation of CLIO, a DBMS for the Historical Sciences" showcased the power of databases and data modelling in digital humanities research.

Semantic Phase

The semantic phase of the digital humanities represents a significant advancement in data modelling, where the focus shifts towards creating intricate representations of knowledge using advanced semantic technologies and artificial intelligence. Here, it is the establishment of ontologies, semantic networks, and knowledge graphs that have led to a more nuanced understanding and depiction of the relationships and complex concepts within humanities research. A seminal work in this phase is the Pelagios project led by Leif Isaksen, Elton Barker, Rainer Simon, and Pau de Soto, which aims to create a comprehensive semantic graph of ancient places, applying semantic web technologies to create an interconnected web of historical geographical information (Isaksen et al., 2014).

An example of semantic modelling in digital humanities is seen in Prosopographies and TEI Guidelines, which refer to the development of detailed collections of people, networks, and relationships in historical or literary contexts, usually encoded in TEI or similar XML-based schemas (McCarty, 2004; Romanello et al., 2013). The Linked Jazz Project uses linked open data technologies to uncover relationships between jazz musicians based on data extracted from interviews and other documents (Liu & Pattuelli, 2013). Kim et al. (2017) investigate the relationship between literary genres and emotional plot development, finding that different genres have different emotional arcs. In digital history, knowledge graphs and semantic web technologies are uncovering new connections between historical events and figures (Meroño-Peñuela et al., 2014). Recent years have seen remarkable advances in data and knowledge modelling techniques, including the use of BERT models for computational text mining (Devlin, 2018) and the application of large language models in NLP research (Luccioni & Rogers, 2023).

Generative Artificial Intelligence Phase

The utilisation of generative AI and its associated models in the humanities presents revolutionary avenues for exploration and interpretation. Generative AI models, such as OpenAI's Generative Pretrained Transformer (GPT), leverage vast datasets to produce novel content that mirrors learned patterns and structures. In literary studies, these models hold potential for style analysis, thematic pattern recognition, and new text generation based on training data (Jockers, 2013). Historical research can also benefit from generative AI models – training these models on images of historical documents allows them to generate new images mirroring the style and characteristics of the original sources, offering an effective method for studying and recreating historical contexts.

Cultural studies can leverage generative AI for analysing and recreating artistic styles and cultural trends. By training models on images of art pieces, new images that emulate the style and characteristics of the training data can be generated, proving beneficial for researching and analysing artistic styles and cultural trends (Elgammal et al., 2017). Recent large language models like GPT-4 and Claude promise to transform knowledge representation and text generation within digital humanities domains (Bommasani et al., 2021; Anthropic, 2023). By learning patterns from vast datasets, these models can generate synthetic content mimicking various writing styles, allowing examination of textual attributes at scale, such as analysing genre conventions or authorial voice across corpora.

Digital Humanities: Methodological Foundations and Tasks

Data and knowledge modelling can be viewed as the fundamental methodological basis of the digital humanities, as they enable the creation and implementation of computational tools and techniques in humanities research (Borgman, 2009). At the heart of these operations is the transformation of humanistic data into a computational format. This transformation encompasses two main stages: data modelling, referring to the conversion of humanities data into a computer-processable format, and knowledge modelling, which involves organising humanities knowledge into structured formats, typically comprising relationships between entities (Kitchin & McArdle, 2016). These processes underpin a myriad of applications in digital humanities, from analysing linguistic patterns in literature to charting historical events and tracking cultural trends (McCarty, 2005; Rockwell & Sinclair, 2016).

As the digital humanities evolve and flourish, the role of data and knowledge modelling becomes increasingly vital for several reasons. First, data and knowledge modelling significantly foster interdisciplinary research within the digital humanities. By enabling diverse data source integration, these models facilitate a comprehensive and holistic approach to complex problems. Second, data and knowledge modelling contribute immensely to the preservation and digitisation of cultural artifacts, thus playing a crucial role in safeguarding cultural heritage. Third, data and knowledge modelling enhance data analysis – through these techniques, scholars can perform comprehensive and scalable data analyses, yielding novel insights and discoveries (Manovich, 2013).

The tools of data modelling play crucial roles in digital humanities, including: (1) computational analysis, using computer algorithms to manipulate and analyse large datasets, perform intricate statistical analyses, and apply machine learning techniques; (2) data visualisation, which allows scholars to depict findings through graphs, charts, maps, and interactive interfaces; (3) digital archiving and preservation, which entails not just digitising resources but also maintaining them in formats ensuring longevity and accessibility; and (4) a collaborative and open-source approach, which promotes greater transparency, reproducibility, and knowledge sharing (Jockers, 2013; Manovich, 2013; Unsworth, 2000; Spiro, 2012).

Data and knowledge modelling in the humanities is closely related to the concept of uncertainty. Edmond (2019) suggests several measures to address challenges and improve data modelling in the humanities, including a focus on interoperability and comparative legibility, and the incorporation of fuzzy search capabilities that reduce false negatives and increase interrogability, allowing researchers to navigate the uncertainties and ambiguities inherent in humanistic data.

The Use of Modelling in the Design of Educational Programs in Digital Humanities

The integration of modelling in the design of educational programmes in digital humanities has substantial potential to revolutionise pedagogical approaches, engender critical thinking, and prepare students more effectively for a digital age. Scholars like Willard McCarty have advocated for the incorporation of modelling in digital humanities education, arguing that the process of constructing models can enhance students' comprehension of their subject matter (McCarty, 2004). Modelling introduces students to the practice of representing intricate systems and phenomena in a simplified, structured manner, fundamental to much computational analysis. This notion of modelling becomes palpable when students engage with work by scholars such as Stephen Ramsay, renowned for both his use of modelling in his research and his emphasis on its role in pedagogy (Ramsay, 2011).

The process of model construction can help students foster crucial skills such as critical thinking, problem-solving, and data literacy. Johanna Drucker has extensively discussed the interpretive aspects of data modelling and the critical use of visualisation and graphical models in humanities education (Drucker, 2011). Ted Underwood is known for his application of machine learning and statistical modelling in literary studies and has actively discussed how these modelling techniques can be incorporated into digital humanities curricula (Underwood, 2014). Elijah Meeks,

a digital humanities specialist with a strong focus on data visualisation, has written about using these methods in an educational context (Meeks, 2015).

In our endeavour to develop digital humanities educational programs, we conducted extensive experiments between 2016 and 2018 that confirmed the practical effectiveness of utilising data and data modelling as a foundation for program structure (Gagarina & Kornienko, 2018). We explored a variety of strategies for structuring courses and examined two course formation approaches: a collaborative method, involving both students and teacher, and a data-centric method. Remarkably, we found that the data-centric approach, which built the course around different types of data and its modelling, was more effective for students, especially for those who had limited exposure to traditional humanities disciplines.

Incorporating critical data literacy into digital humanities pedagogy represents a valuable opportunity to engage students in evaluating the implications of data modelling. Curricula can guide students to think critically about how selection, cleaning, and transformation of data embed certain assumptions and biases (Irgens, 2020). Further critical engagement involves assessing whose perspectives and narratives are privileged in data modelling pipelines, prompting reflection on power dynamics and marginalisation (D'Ignazio & Klein, 2020). Ultimately, cultivating skills to decode and interrogate the construction of data models, rather than passively accepting their authority, enables students to apply digital humanities tools thoughtfully.

Discussion

While data and knowledge modelling has been celebrated for its ability to structure, simplify, and analyse complex systems in digital humanities, it is not without criticism. One key challenge is managing the complexity inherent in humanities data. This can be mitigated to an extent by adopting robust modelling techniques like semantic networks, ontologies, or machine learning models, which can handle high-dimensional, interconnected data. However, the challenge of adequately representing the intricacies of human experience within a model remains an open issue. One of the central concerns is the risk of oversimplification: when modelling complex phenomena like social interactions or historical events, the process requires an element of abstraction. Johanna Drucker (2011) warns that this process might lead to overlooking nuances, complexities, and outliers, potentially leading to misleading conclusions.

Ensuring data integrity is another concern, as the quality of a model depends heavily on the quality of the input data. Unclear, missing, or incorrect data can distort the model's output. Further critique emerges around the interpretation of models and their outputs. While models can help visualize data and reveal patterns, they cannot replace human judgment and critical thinking. David M. Berry articulates the necessity for a critical digital humanities, emphasising the potential for misinterpretation or manipulation of model results without proper understanding and contextual knowledge (Berry, 2014). Data models cannot replace deep humanistic understanding, and generalisation in data models may fail to account for outliers and exceptions requiring close reading (Piper, 2018).

Beyond interpretational pitfalls, ethical issues arise in the realm of data usage and representation. Tara McPherson cautions against the racial and gender biases that can be present in coding and computational thinking, extending to data and knowledge modelling (McPherson, 2012). Furthermore, the choice of which data to include or exclude in a model can reflect certain biases, which might lead to misrepresentation or marginalisation of certain groups or perspectives. Alan Liu contends that the critical cultural interpretation essential to the humanities should not be overshadowed by computational methods (Liu, 2012).

Scholars have argued that computational techniques carry inherent biases that can propagate through data modelling pipelines (Benthall & Haynes, 2019). Models trained on biased datasets may amplify distortive assumptions. Even in the absence of explicit biases, researchers caution that data models risk perpetrating "epistemic injustice" by flattening complex humanistic phenomena (Noble, 2018). Generative text also risks perpetrating harmful biases embedded in training data –

models may reproduce stereotypical tropes or skew aggregate style representations towards overrepresented groups (Manela, 2021). Berry et al. (2019) argue that the digital humanities often takes a "signal processing" approach to cultural heritage, focusing on extracting and manipulating data while neglecting symbolic meaning and interpretation.

Other ethical concerns involve privacy, consent, and appropriate use of cultural data. Digital humanities research drawing on large datasets of personal information needs to implement safeguards around individual privacy and autonomy. As entities like archives and libraries digitise materials at scale, they must consider thorny issues around public access versus consent, as with indigenous community materials (Christen, 2015). Hybrid teams of humanists and computer scientists can thoughtfully apply modelling while avoiding pitfalls through transparent practices.

Conclusion

The methodological foundation of data, information, and knowledge modelling is integral to the field of digital humanities. It has not only enabled scholars to apply computational tools to humanities research but also opened up new avenues for discovery and understanding. These models, by providing a structured way to represent and analyse humanities data, have made research more systematic, scalable, and insightful. The historical development, contemporary trends, and applications of data and knowledge modelling in various humanities disciplines attest to their transformative impact on research, analysis, and preservation of cultural heritage. They have not only served as crucial methodological foundations but also unlocked new dimensions of insight into the human experience.

Looking to the future, advancements in artificial intelligence and machine learning promise to further enrich the complexity and depth of these models. Modelling techniques enable computational analysis of cultural artifacts, dynamics, and relationships at an unprecedented scale, revealing phenomena otherwise invisible to human scrutiny. However, as constructive simplifications, they risk flattening nuance and exception. Interpreting model outputs necessitates humanistic wisdom and scepticism towards generalisation. Furthermore, employing data modelling in ethical, socially conscious ways remains imperative given the dangers of perpetrating bias and other harms.

Ultimately, data and knowledge modelling establishes a framework to activate cultural data computationally while upholding principles of critical enquiry fundamental to the humanities. It enables asking new questions and marshalling new evidence. By maintaining this spirit of reflective application, the digital humanities can leverage data modelling for positive transformation while remaining grounded in humanistic ethics and understanding.

Data Availability Statement

This research does not involve the creation or analysis of new data. The study is based on a systematic review of published scholarly works; therefore, data sharing is not applicable to this article.

References:

1. Anthropic. (2023). *Introducing Claude*. Anthropic blog. <https://www.anthropic.com/index/introducing-claude>
2. Benthall, S., & Haynes, B. D. (2019). *Racial categories in machine learning*. In *FAT\ '19: Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency* (pp. 289-298). Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3287560.3287575>
3. Berry, D. M. (2014). *Critical theory and the digital*. Bloomsbury.
4. Berry, D. M., Fazi, M. B., Roberts, B., & Webb, A. (2019). *No signal without symbol: Decoding the digital humanities*. In M. K. Gold & L. F. Klein (Eds.), *Debates in the digital humanities 2019* (pp. 61-74). University of Minnesota Press. <https://doi.org/10.5749/j.ctvg251hk.8>

5. Bommasani, R., Hudson, D. A., Adeli, E., Altman, R., Arora, S., von Arx, S., Bernstein, M. S., Bohg, J., Bosselut, A., & Brunskill, E. (2021). On the opportunities and risks of foundation models. *ArXiv* 2108.07258. <http://arxiv.org/abs/2108.07258>
6. Borgman, C. L. (2009). The digital future is now: A call to action for the humanities. *Digital Humanities Quarterly*, 3(4). <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/3/4/000077/000077.html>
7. Burdick, A., Drucker, J., Lunenfeld, P., Presner, T., & Schnapp, J. (2012). *Digital humanities*. MIT Press.
8. Busa, R. (1980). The annals of humanities computing: The Index Thomisticus. *Computers and the Humanities*, 14(2), 83-90. <https://doi.org/10.1007/BF02403798>
9. Christen, K. (2015). Tribal archives, traditional knowledge, and local contexts: Why the 's' matters. *Journal of Western Archives*, 6(1). <https://doi.org/10.26077/78d5-47cf>
10. Ciula, A., Eide, Ø., Marras, C., & Sahle, P. (2018). Modelling: Thinking in practice. An introduction. *Historical Social Research Supplement*, 31, 7-29. <https://doi.org/10.12759/hsr.suppl.31.2018.7-29>
11. Devlin, J., Chang, M.-W., Lee, K., & Toutanova, K. (2018). BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. *ArXiv* 1810.04805. <http://arxiv.org/abs/1810.04805>
12. D'Ignazio, C., & Klein, L. F. (2020). *Data feminism*. MIT Press.
13. Doorn, P. (2021). Historical databases, big and small. *Historical Life Course Studies*, *10*, 24-29. <https://doi.org/10.51964/hlcs9562>
14. Drucker, J. (2011). Humanities approaches to graphical display. *Digital Humanities Quarterly*, 5(1). <http://digitalhumanities.org:8081/dhq/vol/5/1/000091/000091.html>
15. Drucker, J. (2014). *Graphesis: Visual forms of knowledge production*. Harvard University Press.
16. Drucker, J. (2021). *The digital humanities coursebook: An introduction to digital methods for research and scholarship*. Routledge.
17. Edmond, J. (2019). Managing uncertainty in the humanities: Digital and analogue approaches. In *TEEM18: Proceedings of the Sixth International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality* (pp. 840-844). <https://doi.org/10.1145/3284179.3284326>
18. Elgammal, A., Liu, B., Elhoseiny, M., & Mazzone, M. (2017). CAN: Creative adversarial networks, generating 'art' by learning about styles and deviating from style norms. *ArXiv* 1706.07068. <http://arxiv.org/abs/1706.07068>
19. Fiormonte, D., Numerico, T., & Tomasi, F. (2015). *The digital humanist* (D. Schmidt & C. Ferguson, Trans.). Punctum.
20. Flanders, J., & Jannidis, F. (2015). Knowledge organization and data modeling in the humanities [White paper]. https://www.wwp.northeastern.edu/outreach/conference/kodm2012/flanders_jannidis_datamodeling.pdf
21. Fogel, R. W., & Engerman, S. L. (1974). *Time on the cross: The economics of American Negro slavery*. Little and Brown.
22. Gagarina, D., & Kornienko, S. (2018). Introduction to digital humanities: Course based on data types. In *Proceedings of the First EADH Conference: "Data in Digital Humanities"*. NUI Galway. https://eadh2018.exordo.com/files/papers/151/final_draft/gagarinaeadh-final.pdf
23. Gold, M. K. (Ed.). (2012). *Debates in the digital humanities*. University of Minnesota Press.
24. Ide, N., & Woolner, D. (2007). Historical ontologies. In T. Poibeau, H. Saggion, J. Piskorski, & R. Yangarber (Eds.), *Words and intelligence II* (pp. 63-79). Springer. https://doi.org/10.1007/1-4020-5833-0_7
25. Irgens, G. A., Knight, S., Wise, A. F., Philip, T. M., Olivares, M. C., Van Wart, S., Vakil, S., Marshall, J., Parikh, T., & Lopez, M. L. (2020). *Data literacies and social justice: Exploring*

critical data literacies through sociocultural perspectives. In Proceedings of the 2020 International Conference of the Learning Sciences. ISLS.

26. Isaksen, L., Simon, R., Barker, E. T. E., & de Soto Cañamares, P. (2014). *Pelagios and the emerging graph of ancient world data. In Proceedings of the 2014 ACM Conference on Web Science* (pp. 197-201). Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/2615569.2615693>

27. Jannidis, F. (2018). *Modeling in the digital humanities: A research program? Historical Social Research Supplement*, 31, 96-100. <https://doi.org/10.12759/hsr.suppl.31.2018.96-100>

28. Jockers, M. L. (2013). *Macroanalysis: Digital methods and literary history*. University of Illinois Press.

29. Kim, E., Padó, S., & Klinger, R. (2017). *Investigating the relationship between literary genres and emotional plot development. In Proceedings of the Joint SIGHUM Workshop on Computational Linguistics for Cultural Heritage, Social Sciences, Humanities and Literature* (pp. 17-26). Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/W17-2203>

30. Kitchin, R., & McArdle, G. (2016). *What makes big data, big data? Exploring the ontological characteristics of 26 datasets. Big Data & Society*, 3(1). <https://doi.org/10.1177/2053951716631130>

31. Knuth, D. E. (1968). *The art of computer programming* (Vol. 1). Addison-Wesley.

32. Liu, A. (2012). *The state of the digital humanities: A report and a critique. Arts and Humanities in Higher Education*, 11(1-2), 8-41. <https://doi.org/10.1177/1474022211427364>

33. Liu, Y. W., & Pattuelli, M. C. (2013). *Linked jazz project. In Proceedings of the American Society for Information Science and Technology.*

34. Luccioni, A., & Rogers, A. (2023). *Mind your language (model): Fact-checking LLMs and their role in NLP research and practice. ArXiv 2308.07120. http://arxiv.org/abs/2308.07120*

35. Manela, D. de V., Errington, D., Fisher, T., van Breugel, B., & Minervini, P. (2021). *Stereotype and skew: Quantifying gender bias in pre-trained and fine-tuned language models. In Proceedings of the 16th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics* (pp. 2232-2242). <https://aclanthology.org/2021.eacl-main.190/>

36. Manovich, L. (2013). *Software takes command: Extending the language of new media*. Bloomsbury.

37. McCarty, W. (2004). *Modeling: A study in words and meanings. In S. Schreibman, R. Siemens, & J. Unsworth (Eds.), A companion to digital humanities. Blackwell. http://www.digitalhumanities.org/companion/*

38. McCarty, W. (2005). *Humanities computing*. Palgrave Macmillan.

39. McCarty, W. (2018). *Modelling what there is: Ontologising in a multidimensional world. Historical Social Research Supplement*, 31, 33-45. <https://doi.org/10.12759/hsr.suppl.31.2018.33-45>

40. McPherson, T. (2012). *Why are the digital humanities so white? Or thinking the histories of race and computation. In M. K. Gold (Ed.), Debates in the digital humanities* (pp. 139-160). University of Minnesota Press.

41. Meeks, E. (2015). *D3.js in action*. Manning Publications.

42. Meroño-Peñuela, A., Ashkpour, A., van Erp, M., Mandemakers, K., Breure, L., Scharnhorst, A., Schlobach, S., & van Harmelen, F. (2014). *Semantic technologies for historical research: A survey. Semantic Web*, 6(6), 539-564. <https://doi.org/10.3233/SW-140158>

43. Minsky, M. L. (1986). *The society of mind*. Simon and Schuster.

44. Mylonas, E., Crane, G., Morrell, K., & Smith, D. N. (1993). *The Perseus project: Data in the electronic age. In Accessing antiquity: The computerization of classical studies*. University of Arizona Press.

45. Noble, S. U. (2018). *Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism*. New York University Press.

46. Pearl, J. (2000). *Causality: Models, reasoning and inference*. Cambridge University Press.

47. Piper, A. (2018). *Enumerations: Data and literary study*. University of Chicago Press.
48. Ramsay, S. (2011). *Reading machines: Toward an algorithmic criticism*. University of Illinois Press.
49. Riley, J. (2017). *Understanding meta What is metadata, and what is it for? A primer*. NISO Press.
50. Rockwell, G., & Sinclair, S. (2016). *Hermeneutica: Computer-assisted interpretation in the humanities*. MIT Press.
51. Romanello, M., & Pasin, M. (2013). Citations and annotations in classics: Old problems and new perspectives. In *Proceedings of the 1st International Workshop on Collaborative Annotations in Shared Environment: Metadata, Vocabularies and Techniques in the Digital Humanities* (pp. 1-8). Association for Computing Machinery. <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2517978.2517981>
52. Rosenbloom, P. S. (2012). *On computing: The fourth great scientific domain*. MIT Press.
53. Shannon, C. E. (1948). A mathematical theory of communication. *The Bell System Technical Journal*, 27(3), 379-423. <https://doi.org/10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x>
54. Sperberg-McQueen, C. M., & Burnard, L. (Eds.). (1994). *Guidelines for electronic text encoding and interchange*. Text Encoding Initiative. <https://tei-c.org/Vault/GL/p4beta.pdf>
55. Spiro, L. (2012). "This is why we fight": Defining the values of the digital humanities. In M. K. Gold (Ed.), *Debates in the digital humanities* (pp. 16-35). University of Minnesota Press.
56. Svensson, P. (2010). The landscape of digital humanities. *Digital Humanities Quarterly*, 4(1). <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/4/1/000080/000080.html>
57. Thaller, M. (1985). Beyond collecting – On the design and implementation of CLIO, a DBMS for the historical sciences. In R. F. Allen (Ed.), *Data bases in the humanities and the social sciences 2* (pp. 443-468). IDEA Publications.
58. Thaller, M. (2012). Controversies around the digital humanities: An agenda. *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, 37(3(141)), 7-23. <https://www.jstor.org/stable/i40077811>
59. Turing, A. M. (1937). On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem. *Proceedings of the London Mathematical Society*, s2-42(1), 230-265. <https://doi.org/10.1112/plms/s2-42.1.230>
60. Underwood, T. (2014). Theorizing research practices we forgot to theorize twenty years ago. *Representations*, 127(1), 64-72. <https://doi.org/10.1525/rep.2014.127.1.64>
61. Underwood, T. (2019). *Distant horizons: Digital evidence and literary change*. University of Chicago Press.
62. Unsworth, J. (2000). Scholarly primitives: What methods do humanities researchers have in common, and how might our tools reflect this? [Paper presentation]. *Symposium on Humanities Computing: Formal Methods, Experimental Practice*, King's College London. <https://people.brandeis.edu/~unsworth/Kings.5-00/primitives.html>
63. von Neumann, J. (1945). *First draft of a report on the EDVAC*. University of Pennsylvania. <https://web.mit.edu/STS.035/www/PDFs/edvac.pdf>
64. Weingart, S. B. (2011). Demystifying networks, parts I & II. *Journal of Digital Humanitie*, 1(1). <http://journalofdigitalhumanities.org/1-1/demystifying-networks-by-scott-weingart/>

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР:

Гагарин Динара - PhD, Эрланген университеті, Нюрнберг, Германия.

Жангуттин Бауыржан – т.ғ.д., доцент, Абай атындағы ҚазҰПУ, Алматы, Қазақстан.

Сафронова Людмила - ф.ғ.д., профессор, Абай атындағы ҚазҰПУ, Алматы, Қазақстан.

Кенжебаев Габит - т.ғ.д., профессор, Абай атындағы ҚазҰПУ тарих және құқық факультетінің деканы, Алматы, Қазақстан.

Феферман Кирилл - PhD, профессор, Ариэль университеті, Ариэль, Израиль.

Шмид Вольф - филология ғылымдарының докторы, профессор, Гамбург университеті, Германия

Шайбақова Дамина - ф.ғ.д., профессор, Абай атындағы ҚазҰПУ, Алматы, Қазақстан.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Гагарина Динара – PhD, Университет Эрлангена, Нюрнберг, Германия.

Жангуттин Бауыржан– д.и.н., доцент, КазНПУ имени Абая, Алматы, Казахстан.

Кенжебаев Габит - д.и.н., профессор, декан факультета истории и права КазНПУ имени Абая, Алматы, Казахстан.

Сафронова Людмила – д.ф.н., профессор, КазНПУ имени Абая, Алматы, Казахстан.

Феферман Кирилл – PhD, профессор, Ариэльский университет, Ариэль, Израиль.

Шмид Вольф - доктор филологических наук, профессор, Гамбургский университет, Германия

Шайбакова Дамина – д.ф.н., профессор, КазНПУ имени Абая, Алматы, Казахстан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Dinara Gagarina – PhD, University of Erlangen, Nuremberg, Germany.

Bauyrzhan Zhanguttin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan.

Gabit Kenzhebaev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and Law at Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan.

Lyudmila Safronova – Doctor of Philology, Professor, Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan.

Kirill Feferman – PhD, Professor, Ariel University, Ariel, Israel.

Wolf Schmid – Doctor of Philology, Professor, University of Hamburg, Germany

Damina Shaybakova – Doctor of Philology, Professor, Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan.

МАҚАЛАНЫ РЕСІМДЕУГЕ ҚОЙЫЛАТЫН ТАЛАПТАР:

Era and Text: Interdisciplinary Journal ғылыми жұмыстардың мынадай түрлерін қабылдайды:

Зерттеу мақалалары (Research Articles) - жаңа теориялық немесе эмпирикалық нәтижелерді ұсынатын бірегей зерттеулер:

- Көлемі: 6,000-10,000 сөз (сілтемелер мен әдебиеттер тізімін қоса алғанда)
- Құрылымы: Аннотация, Кіріспе, Әдіснама (егер қолданылса), Талдау, Талқылау, Қорытынды, Әдебиеттер тізімі
- Сипаттамасы:

Теориялық эссе (Theoretical Essays) - жаңа теориялық тұжырымдамаларды дамытатын немесе бар теорияларды сыни қайта бағалауды ұсынатын

- Көлемі: 5,000-8,000 сөз
- Құрылымы: Еркін, бірақ нақты дәлелмен қисынды ұйымдастырылған

Шолу мақалалары (Review Articles) - белгілі бір тақырып бойынша әдебиетке шолулар, зерттеулердің жай-күйін сыни талдау

- Көлемі: 8,000-12,000 сөз
- Құрылымы: Аннотация, Кіріспе, Тақырыптық бөлімдер, Қорытындылар, Әдебиеттер тізімі

Кітаптардың шолулары (Book Reviews) - жақында жарияланған монографиялар мен жинақтардың шолулары

- Көлемі: 1,500-2,500 сөз

Пікірталас материалдары (Discussion Papers) - Бұрын жарияланған мақалаларға пікірлер, өзекті мәселелер бойынша пікірталастар

- Көлемі: 3,000-5,000 сөз

3.2 Қолжазбаны пішімдеу

Пішімге қойылатын жалпы талаптар:

- Файл пішімі: Microsoft Word (.docx)
- Қаріп: Times New Roman, 12 pt
- Жоларалық интервал: 2
- Жиектер: барлық жағынан 2.54 см (1 дюйм)
- Тегістеу: Ені бойынша

Қолжазбаның құрылымы:

1. Титулдық бет (қос соқыр рецензиялау үшін жеке файл):

- Мақаланың атауы (ең көп дегенде 20 сөз)
- Барлық авторлардың толық аттары
- Аффiliationлар (мекеме, департамент, қала, ел)
- Хат-хабар жіберуші автордың байланыс ақпараты (email, пошталық мекенжайы, телефоны)
- ORCID, барлық авторлардың iD
- Авторлардың салымы туралы өтініш
- Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме
- Қаржыландыру туралы ақпарат
- Алғыс (егер қолданылатын болса)

2. Қолжазбаның негізгі файлы (жасырын):

Атауы (Title):

- Қысқаша, ақпараттық, аббревиатурасыз
- Ең көп дегенде 20 сөз
- Зерттеу мазмұнының нақты көрінісі

Аңдатпа (Abstract):

- Көлемі: 200-300 сөз
- Құрылымы: Зерттеудің мақсаты/контексі, әдіснамасы (егер қолданылса), негізгі нәтижелері/дәлелдері, қорытындылары/маңыздылығы
- түсіндірмесіз, кестесіз, суретсіз, аббревиатураларсыз (жалпы қабылданғандардан басқа)
- Өзін-өзі қамтамасыз ету (мақаладан бөлек оқылуы мүмкін)

Кілт сөздер (Keywords):

- 4-7 кілт сөз немесе сөз тіркесі
- Атаудағы сөздерді қайталамау
- Дерекқордан іздеу үшін релевантты терминдерді пайдалану

Негізгі мәтін:

Зерттеу мақалалары үшін мынадай құрылым ұсынылады:

- Кіріспе (Introduction):

- Зерттеу контексі және оның маңыздылығы
- Релевантты әдебиетке шолу
- Зерттеу мәселесін тұжырымдау/гипотеза
- Жұмыстың мақсаттары мен міндеттері

- Әдіснама (Methodology/Theoretical Framework):

- Қолданылған әдістердің немесе теориялық шеңбердің сипаттамасы
- Таңдалған тәсілдің негіздемесі
- Зерттеу корпусының сипаттамасы (мәтіндер, материалдар)

- Талдау (Analysis):

- Талдауды егжей-тегжейлі ұсыну
- Тақырыптар немесе аспектілер бойынша кіші бөлімдер

- Талқылау (Discussion):

- Нәтижелерді түсіндіру
- Қолданыстағы зерттеулермен салыстыру

- Теориялық және практикалық импликациялар
- Зерттеу шектеулері

- Қорытынды (Conclusion):
- Негізгі қорытындылардың қысқаша түйіндемесі
- Ғылыми білімге қосқан үлесі
- Одан әрі зерттеулерге арналған бағыттар

Теориялық эсселер мен шолулар үшін құрылым икемді болуы мүмкін, бірақ ақпараттық тақырыпшаларды пайдалана отырып, қисынды және анық ұйымдастырылған болуы тиіс.

Алғыс (Acknowledgements):

- Қаржылық қолдауды тану
- Әріптестерге, ассистенттерге алғысымды білдіремін
- Жұмыс ұсынылған конференциялар туралы ақпарат

Деректердің қолжетімділігі туралы өтініш (Data Availability Statement):

Зерттеу деректерін қайда алуға болатындығы туралы міндетті мәлімдеме немесе деректердің неге қол жетімсіз екендігі туралы түсініктеме.

Мысалдар:

- «Бұл зерттеудің нәтижелерін қолдайтын деректер [URL/DOI] мекенжайында [репозитория атауында] қол жетімді.»
- «Деректер мақалада және/немесе қосымша материалдарда қолжетімді.»
- «Бұл зерттеуге деректерді бірлесіп пайдалану қолданылмайды, өйткені жаңа деректер жасалмаған немесе талданбаған.»

Әдебиеттер тізімі (References):

- Төмендегі 3.3-бөлімді қараңыз

3. Кестелер мен суреттер:

- Қолжазбаның соңындағы немесе жеке файлдардағы әрбір кесте/сурет
- Жүйелі нөмірлеу (1-кесте, 1-сурет және т.б.)
- Ақпараттық тақырыптар мен аңыздар
- Мәтінде орналасу орнын көрсету: [1-кестені шамамен осында қою]
- Суреттер үшін жоғары ажыратымдылығы (кемінде 300 н/д)
- Барлық суреттер мен кестелер мәтінде аталуы тиіс

4. қосымша материалдар (Supplementary Materials):

- Жеке файлдармен жүктеледі
- Мыналарды қамтуы мүмкін: кеңейтілген деректер, қосымша талдау, мультимедиа материалдары
- Негізгі мәтінде атап өтілуі тиіс

3.3 Сілтемелер мен дәйексөздерді ресімдеу

Era and Text: Interdisciplinary Journal әлеуметтік және гуманитарлық ғылымдарда кеңінен қолданылатын ARA 7 дәйексөз жүйесін пайдаланады.

Сілтеме жасау және ғылыми журналда APA 7 стилінде дәйексөз жасау:

Кіріспе

Әдебиеттер тізіміне қойылатын жалпы талаптар

Әдебиеттер тізімі (References) мақаланың негізгі мәтінінен кейін жаңа беттен басталуы тиіс. «References» тақырыбы қалың қаріппен таңдалмай беттің ортасына орналастырылады.

Пішімдеудің негізгі параметрлері:

- Жоларалық интервал: жазбалар арасында қосымша бос орындарсыз бүкіл тізім бойынша қосарланған
  - Шегініс: аспалы шегініс (hanging indent) 1,27 см (0,5 дюйм) - жазбаның бірінші жолы сол жақ жиектен басталады, келесі жолдар оңға жылжытылған
  - Тәртіп: бірінші автордың тегі бойынша әліпбилік; егер автор болмаса - атауының бірінші сөзі бойынша (A, An, The артиклдерін қоспағанда)
  - Қаріп: негізгі мәтіндегідей қаріп қолданылады (Times New Roman 12 pt)
- Дұрыс шегініс жасау үшін бос орындарды қолмен орналастыруды емес, мәтіндік өңдегіште ежені пішімдеу функциясын пайдалану керек.

Журнал мақалаларын пішімдеу

Дәйексөздің негізгі құрылымы

Әдебиеттер тізіміндегі журналдық мақала үшін стандартты жазба мынадай элементтерді қамтиды:

Author, A. A., & Author, B. B. (Year). Title of the article. Journal Name, volume (issue), page range. <https://doi.org/xxxxx>

Әрбір элемент үшін егжей-тегжейлі ережелер

1. Авторлар

Авторлардың тегі: алдымен тегі, содан кейін аты мен әкесінің аты үтір арқылы өзгертіледі. Бас әріптердің арасында бос орын бар (мысалы, Smith, J.K. емес, Smith, J.K.). Авторлардың реті дерек көздерінде көрсетілгендей сақталады.

Көп авторлық ережелері:

- 2 автор: екеуі де толық көрсетіледі, әдебиеттер тізімінде амперсандпен (&) бөлінеді
- 3-20 автор: барлық авторлар әдебиет тізімінде толығымен көрсетіледі
- 21+ авторлар: алғашқы 19 автор, содан кейін үш нүкте (...), содан кейін соңғы автор көрсетіледі

Үш автордың мысалы:

Nielsen, M., Hansen, J., & Schmidt, T. (2023). Cognitive processes in decision making. Journal of Experimental Psychology, 45(2), 112-128. <https://doi.org/10.1037/xge0001234>

Жарияланған жылы

Жыл авторлардан кейін бірден дөңгелек жақшада көрсетіледі, нүктемен аяқталады. Баспа нұсқасынан бұрын онлайн жарияланған мақалалар үшін соңғы жарияланым жылы пайдаланылады.

3. Мақаланың атауы

sentence case (сөйлем регистрі) қолданылады: бас әріп тек атаудың басында, қос нүктеден немесе сызғыштан кейін, сондай-ақ жеке атаулар үшін қолданылады. Мақаланың атауы курсивпен бөлінбейді және тырнақшалар болып табылмайды.

sentence case мысалдары:

- The psychology of learning: A comprehensive review
- Deep blue: The mysteries of the Marianas Trench
- Cognitive development in Russian-speaking children

4. Журналдың атауы

Title Case қолданылады (әрбір мағыналы сөз бас әріппен): барлық негізгі сөздер капиталдандырылады. Журналдың атауы курсивпен ерекшеленеді, одан кейін үтір қойылады.

Мысалдар:

- Journal of Applied Psychology
- Nature Communications
- Proceedings of the National Academy of Sciences

5. Том және шығару

Том нөмірі курсивпен көрсетіледі, шығарылым нөмірі курсивсіз дөңгелек жақшада көрсетіледі. Том нөмірі мен шығарылым жақшаларының арасында бос орын жоқ. Жақшадан кейін үтір қойылады.

Дұрыс: 45 (3),

Егер шығарылым нөмірі болмаса, том нөмірінен кейін бірден үтір қойылады.

6. Беттер

Қысқа сызықша (en dash) арқылы бет ауқымы көрсетіледі, сызықша айналасында бос орын жоқ және «pp» префиксі жоқ. Жазу нүктемен аяқталады.

Мысалдар:

- 112-128.
- 1-15.

7. DOI немесе URL

DOI (Digital Object Identifier) бар барлық жұмыстар үшін міндетті. 2017 жылдан бастап DOI жазу форматы өзгерді:

Дұрыс (APA 7): <https://doi.org/10.1037/xge0001234>

Дұрыс емес (ескірген APA 6 пішімі): doi: 10.1037/xge0001234

DOI соңындағы нүктесіз белсенді еренсілтеме ретінде ұсынылады.

Егер DOI жоқ болса:

- Дерекқордағы мақалалар үшін (EBSCO, ProQuest және т.б.) - URL көрсетілмейді
- Ашық веб-дереккөздердегі мақалалар үшін - толық URL қосылады

Журналдық мақаланың толық үлгісі

Петров, А. В., Иванова, М. С., & Сидоров, К. Л. (2024). Метафораларды өңдеудің нейрокогнитивті тетіктері [Neurocognitive mechanisms of metaphor processing]. Психология мәселелері, 68 (4), 45-62. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2024.401>

Мәтіндегі дәйексөз (In-Text Citations)

Негізгі пішімдер

Мәтінде дәйексөзді келтірудің екі негізгі тәсілі бар: баяндау (авторлар - сөйлемнің бір бөлігі) және парентетикалық (жақшада).

Баяндалған дәйексөз:

- Harris (2020) бұл...
- Harris and Cook (2020) көрсетті...
- Harris et al. (2020) орнатылған...

Парентетикалық дәйексөз:

- Когнитивтік процестер әр түрлі (Harris, 2020).
- Зерттеулер осы гипотезаны растайды (Harris & Cook, 2020).
- Метаанализ маңызды әсер көрсетті (Harris et al., 2020).

Назар аударыңыз: баяндалған дәйексөздерде «and», ал парентетикалық дәйексөздерде - «&» амперсандалары қолданылады.

«et al.» пайдалану ережелері

Бұл алдыңғы басылыммен салыстырғанда APA 7 негізгі өзгерістерінің бірі:

- 1 автор: әрқашан тек тегі (Smith, 2020)
- 2 автор: екі автор да әрбір ескертуде (Smith & Jones, 2020)
- 3+ авторлар: бірінші автор + et al. бірінші ескертуден бастап (Smith et al., 2020)

APA 6-да бірінші ескертуде барлық авторларды (5-ке дейін) көрсету талап етілді, енді қысқарту бірден қолданылады. Маңызды: «et al». ТЕК мәтіндегі дәйексөздерде пайдаланылады, бірақ әдебиет тізімінде емес.

«et al». дұрыс жазылуы:

- Нүкте тек «al» («alia» қысқартуы)
- «et» және «al» арасындағы бос орын
- Курсив қолданылмайды

Дұрыс: et al.

Қате: et. al., et al, et. al.

Дәйексөз беттерінің нөмірлері

Тікелей дәйексөздер үшін міндетті:

- (Smith, 2020, p. 25) - бір бет
- (Smith, 2020, pp. 25-27) - беттер ауқымы
- (Smith, 2020, pp. 15, 28) - аралас емес беттер

Ұсынылған, бірақ ауқымды көздің нақты бөлігіне сілтеме жасағанда парафраз үшін міндетті емес.

Беттері жоқ дерек көздері үшін баламалар пайдаланылады:

- Параграфтың нөмірі: (Smith, 2020, para. 4)
- Бөлімнің атауы: (Smith, 2020, Introduction section)
- Дыбыс-бейне материалдарына арналған уақытша белгі: (Smith, 2020, 15:30)

Бірнеше деректер

Бірнеше деректерді бір мезгілде келтіргенде:

- Деректер үтірлі нүктемен бөлінеді
- Алфавиттік тәртіппен орналастырылады
- (Chen, 2019; Martinez, 2021; Smith, 2020)

Бір автордың бірнеше жұмыстары үшін:

- Жылдар үтірмен бөлінеді
- (Johnson, 2018, 2020, 2022)

Бір автордың бір жылдағы жұмыстары әріптік индекстермен ерекшеленеді:

- (Cooper, 2020a, 2020b)
- Әріптер жұмыс атауларының әліпбиі бойынша беріледі

Ағылшын тіліне жатпайтын дереккөздерді ресімдеу және транслитерация

Кириллицадағы дереккөздерге қойылатын талаптар

Scopus барлық сілтемелерді латын әліпбиінде ұсынуды талап етеді. Кириллицаны пайдаланатын орыс, қазақ және басқа да тілдердегі дереккөздер үшін міндетті транслитерация қолданылады.

Транслитерация стандарты:

Академиялық жарияланымдар үшін Library of Congress (LC) транслитерация жүйесі ұсынылады. Бұл АҚШ, Канада кітапханалары, Британ кітапханасы және көптеген халықаралық басылымдарда пайдаланатын ресми жүйе.

Ағылшын тілді емес көздерді жазу пішімі

Толық құрылымы:

- 1, Авторлардың аты-жөні: LC жүйесі бойынша транслитерацияланады
  - 2, Жыл: өзгеріссіз қалады
  3. Атауы: толығымен транслитерацияланады
  - 4, Атаудың аудармасы: ағылшын тіліндегі төрт бұрышты жақшада
  - 5, Журналдың атауы: транслитерацияланады (немесе егер бар болса, ресми ағылшын нұсқасы пайдаланылады)
  6. Шығыс мәліметтері: өзгеріссіз
  7. DOI немесе URL: егер бар болса
- Мысалдар:

Орыс тіліндегі мақала:

Sidorov, I. P., & Petrova, E. A. (2023). Kognitivnye aspekty literaturnogo tvorchestva [Cognitive aspects of literary creativity]. Voprosy psikhologii, 69(2), 34-48. <https://doi.org/10.21638/11701/vp.2023.234>

Қазақстандық журнал:

Akhmetova, A. K., Nurlanova, B. S., & Seitkazieva, G. M. (2024). Aimaqtyq til erezhesindegi kognitivtik mekhānizmdler [Cognitive mechanisms in regional language variation]. Til zhāne ādebiet, 15(3), 78-92.

Маңызды ескерту: Әдебиеттер тізімінде авторлардың есімдері ТЕК транслитерацияланған түрде, кириллицада түпнұсқалық жазуды қайталаусыз ұсынылады. Мақаланың мәтінінде сілтеме жасау кезінде транслитерацияланған форма пайдаланылады: (Sidorov & Petrova, 2023) емес (Сидоров және Петрова, 2023).

Ерекше жағдайлар

Егер дерек ағылшын тіліне аударылса:

Сіз шын мәнінде пайдаланған нұсқа келтірілді. Егер сіз ағылшынша аударманы оқысаңыз, аудармашы көрсетіледі:

Vygotsky, L. S. (1978). Mind in society: The development of higher psychological processes (M. Cole, Trans.). Harvard University Press. (Original work published 1930) In-text citation: (Vygotsky, 1930/1978)

Егер сіз дәйексөзді аударсаңыз:

Сіздің аудармаңыз парафраз болып саналады, сондықтан беттің нөмірі дұрыс, бірақ міндетті емес. In-text citation: (Petrov, 2023, p. 45).

Сілтемелерге қойылатын талаптар:

- Дереккөздердің өзектілігі (соңғы 5-10 жылға артықшылық беру)
- Дәйексөзді жұмыстардың релеванттылығы
- Классикалық және жаңа көздер арасындағы теңгерімділік
- Сілтемелердің ең аз саны мақаланың түріне байланысты (шолу мақалалары - 50+, эмпирикалық - 30-50)

Пішімдеу:

- Таңдалған дәйексөз стилін ұстанудағы абсолютті дәлдік

- Қолжазба бойындағы консистенттілік
- Әрбір DOI-ның жұмысқа қабілеттілігін тексеру [48]

Сілтемелерді басқару жүйелерін пайдалану

Жоғары рейтингтік журналдар библиографияны басқару үшін мамандандырылған бағдарламалық қамтамасыз етуді пайдалануды ұсынады:

Танымал жүйелер:

- Zotero (ашық коды бар тегін бағдарламалық қамтамасыз ету)
- EndNote (ең функционалды коммерциялық шешім)
- Mendeley (Elsevier интеграциясымен тегін)
- RefWorks (веб-платформа)

Артықшылықтары:

- APA 7 стилінде автоматты пішімдеу
- Қателер жібермеуді төмендету
- Басқа журналға қайта жіберу кезінде дәйексөз мәнерін оңай ауыстыру
- Дереккөздер кітапханасын ұйымдастыру

Маңызды: Автоматты түрде жасалған сілтемелер әрқашан қолмен тексеруді талап етеді, әсіресе капиталдандыру, DOI және авторлардың есімдері үшін.

Кең таралған қателер және оларды болдырмау

Тор 6 APA 7 пішімдеу қателері

Қолжазбалардағы типтік проблемаларды талдау негізінде [7]:

1. Дұрыс емес формат DOI * * (қолжазбалардың 18%)

- ✗ Дұрыс емес: doi: 10.1037/arc0000014 немесе DOI: 10.1037/arc0000014
- Дұрыс: <https://doi.org/10.1037/arc0000014>

2, Атауларды қате капиталдандыру (қолжазбалардың 22%)

- ✗ Дұрыс емес: The Psychology of Learning: A New Approach (әдебиеттер тізімінде)
- Дұрыс: The psychology of learning: A new approach

3, Пішімдеу volume/issue * * (қолжазбалардың 15%)

- ✗ Дұрыс емес: Journal of Psychology, * 12 (3) *, немесе Journal of Psychology, 12 * (3) *,
- Дұрыс: Journal of Psychology, * 12 * (3),

4, Аспалы шегіністің болмауы (қолжазбалардың 31%)

- Word/Google құжаттарындағы параграф функциясын қолданыңыз, қолмен бос орындар жоқ

5, «et al.» дұрыс пайдаланбау (қолжазбалардың 12%)

- ✗ 2 автор үшін: (Smith et al., 2020)
- 2 авторға арналған: (Smith & Jones, 2020)
- 3+ авторлар үшін: (Smith et al., 2020)

6. Тікелей цитаталарға арналған беттер нөмірінің болмауы (қолжазбалардың 17%)
- Барлық тікелей дәйексөздер үшін міндетті

Қолжазбаны беру алдындағы тексеріс парағы

Жалпы пішімдеу:

- ☐ Әдебиеттер тізімін қоса алғанда, бүкіл мәтін бойынша қос аралық
- ☐ Сілтемелердегі барлық жазбалар үшін 1,27 см аспалы шегініс
- ☐ Барлық жағынан 2,54 см өрістер

Әдебиеттер тізімі:

- ☐ «References» тақырыбы жеке бетте
- ☐ Жазбалардың әліпбилік тәртібі
- ☐ Мақалалар мен кітаптардың атаулары үшін Sentence case
- ☐ Журнал атаулары үшін Title Case
- ☐ Том нөмірінде курсив, шығарылым нөмірінде ЕМЕС
- ☐ Барлық DOI <https://doi.org/xxxxxx> пішімінде
- ☐ Барлық DOI жұмыс қабілеттілігі тексерілді

Мәтіндегі дәйексөздер:

- ☐ «et al». 3+ авторлар үшін пайдаланылады
- ☐ Амперсанд (&) парентетикалық дәйексөздерде, «and» баяндауда
- ☐ Барлық тікелей дәйексөздер үшін бет нөмірлері
- ☐ Мәтіндегі әрбір дәйексөздің References бағдарламасында тиісті жазбасы бар

Ағылшын тілді емес көздер үшін:

- ☐ Барлық кириллицалық аттары LC жүйесі бойынша транслитерацияланған
- ☐ Төрт бұрышты жақшадағы атаулардың ағылшынша аудармасы
- ☐ Журналдардың атаулары транслитерацияланған немесе ресми ағылшын тіліндегі нұсқамен берілген

Дерек көздердің қосымша түрлері

Кітаптар

3.4 Тілдік талаптар

Жариялау тілдері:

Журнал қолжазбаларды ағылшын тілінде, сондай-ақ қазақ және орыс тілдерінде қабылдайды.

Тіл стандарттары:

- Қолжазбалар сауатты, анық академиялық тілде жазылуы тиіс
- Ағылшын тілі: American немесе British English (бір қолжазбада бірінен соң бірі)
- Артық жаргоннан аулақ болыңыз; бірінші рет қолданғанда арнайы терминдерді түсіндіріңіз
- Аббревиатураларды пайдалануды барынша азайтыңыз; оларды бірінші рет еске салғанда ашып көрсетіңіз
- Тіл кемшіліктері бар қолжазбалар қабылданбауы немесе пысықтауға қайтарылуы мүмкін

Атауы және аңдатпасы:

- Егер қолжазба қазақ немесе орыс тілдерінде болса, ағылшын тіліндегі атауы мен аннотациясы міндетті
- Егер қолжазба ағылшын тілінде болса, қазақ не орыс тілдерінде атауы мен аннотациясы қажет

Тілдік өңдеу:

Жарияланымның ағылшын тілі ана тілі болып табылмайтын авторлардың қолжазбаны бергенге дейін кәсіби тілдік редакция қызметтерін пайдалануы қатаң ұсынылады.

Пішімі:

Author, A. A., & Author, B. B. (Year). Title of the book (7th ed.). Publisher.
<https://doi.org/xxxxxx>

Ерекшеліктері:

- Басып шығарылған қаланың баспасы көрсетіледі (APA 6-дан өзгеріс)
- Басылымның нөмірі (егер бірінші болмаса) атауынан кейін дөңгелек жақшада көрсетіледі
- Кітаптың атауы sentence case

Мысал:

Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux.

Өңделген кітаптардағы тараулар

Пішімі:

Author, A. A., & Author, B. B. (Year). Title of chapter. In C. C. Editor & D. D. Editor (Eds.), Title of book (pp. xxx-xxx). Publisher. <https://doi.org/xxxxxx>

Ерекшеліктері:

- Тараудың атауы курсивпен емес, sentence case
- Редакторлардың аттары тікелей тәртіпте (өзгермейді)
- Тарау беттерінің ауқымы көрсетіледі
- Кітаптың атауы курсивпен, sentence case

Мысал:

Bjork, R. A. (1989). Retrieval inhibition as an adaptive mechanism in human memory. In H. L. Roediger III & F. I. M. Craik (Eds.), Varieties of memory and consciousness (pp. 309-330). Lawrence Erlbaum Associates.

DOI жоқ электрондық көздер

Веб-мақала:

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of article. Website Name. URL

Мысал:

Worland, J. (2017, March 15). The world is running out of time on climate change. Time. <https://time.com/4701988/climate-change-solutions/>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

Era and Text: Interdisciplinary Journal принимает следующие типы научных работ:

Исследовательские статьи (Research Articles) - оригинальные исследования, представляющие новые теоретические или эмпирические результаты:

- Объем: 6,000-10,000 слов (включая сноски и список литературы)

- Структура: Аннотация, Введение, Методология (если применимо), Анализ, Обсуждение, Заключение, Список литературы

- Описание:

Теоретические эссе (Theoretical Essays) - развивающие новые теоретические концепции или предлагающие критическую переоценку существующих теорий

- Объем: 5,000-8,000 слов

- Структура: Свободная, но логически организованная с четкой аргументацией

Обзорные статьи (Review Articles) - обзоры литературы по определённой теме, критический анализ состояния исследований

- Объем: 8,000-12,000 слов

- Структура: Аннотация, Введение, Тематические разделы, Выводы, Список литературы

Рецензии на книги (Book Reviews) - обзоры недавно опубликованных монографий и сборников

- Объем: 1,500-2,500 слов

Дискуссионные материалы (Discussion Papers) - Отклики на ранее опубликованные статьи, дебаты по актуальным вопросам

- Объем: 3,000-5,000 слов

3.2 Форматирование рукописи

Общие требования к формату:

- Формат файла: Microsoft Word (.docx)

- Шрифт: Times New Roman, 12 pt

- Межстрочный интервал: 2

- Поля: 2.54 см (1 дюйм) со всех сторон

- Выравнивание: По ширине

Структура рукописи:

1. Титульная страница (отдельный файл для двойного слепого рецензирования):

- Название статьи (максимум 20 слов)

- Полные имена всех авторов

- Аффiliation (учреждение, департамент, город, страна)

- Контактная информация корреспондирующего автора (email, почтовый адрес, телефон)

- ORCID, iD всех авторов

- Заявление о вкладе авторов

- Заявление о конфликте интересов

- Информация о финансировании

- Благодарности (если применимо)

2. Основной файл рукописи (анонимизированный):

Название (Title):

- Краткое, информативное, без аббревиатур

- Максимум 20 слов

- Точное отражение содержания исследования

Аннотация (Abstract):

- Объем: 200-300 слов

- Структура: Цель/контекст исследования, методология (если применимо), основные результаты/аргументы, выводы/значимость

- Без сносок, таблиц, рисунков, аббревиатур (кроме общепринятых)

- Самодостаточность (может читаться отдельно от статьи)

Ключевые слова (Keywords):

- 4-7 ключевых слов или фраз

- Не дублировать слова из названия

- Использовать термины, релевантные для поиска в базах данных

Основной текст:

Для исследовательских статей рекомендуется следующая структура:

- Введение (Introduction):

- Контекст исследования и его значимость

- Обзор релевантной литературы

- Формулировка исследовательского вопроса/гипотезы

- Цели и задачи работы

- **Методология (Methodology/Theoretical Framework):**

- Описание использованных методов или теоретической рамки

- Обоснование выбранного подхода

- Описание корпуса исследования (тексты, материалы)

- **Анализ (Analysis):**

- Детальное представление анализа

- Подразделы по темам или аспектам

- **Обсуждение (Discussion):**

- Интерпретация результатов

- Сопоставление с существующими исследованиями

- Теоретические и практические импликации

- Ограничения исследования

- **Заключение (Conclusion):**

- Краткое резюме основных выводов

- Вклад в научное знание

- Направления для дальнейших исследований

Для теоретических эссе и обзорных статей структура может быть более гибкой, но должна быть логичной и чётко организованной с использованием информативных подзаголовков.

Благодарности (Acknowledgements):

- Признание финансовой поддержки

- Благодарности коллегам, ассистентам

- Информация о конференциях, где работа была представлена

Заявление о доступности данных (Data Availability Statement):

Обязательное заявление о том, где можно получить данные исследования, или объяснение, почему данные недоступны.

Примеры:

- "Данные, поддерживающие результаты этого исследования, доступны в [название репозитория] по адресу [URL/DOI]."

- "Данные доступны в статье и/или в дополнительных материалах."

- "К данному исследованию неприменимо совместное использование данных, поскольку не было создано или проанализировано новых данных."

Список литературы (References):

- См. раздел 3.3 ниже

3. Таблицы и рисунки:

- Каждая таблица/рисунок на отдельной странице в конце рукописи или в отдельных файлах

- Последовательная нумерация (Таблица 1, Рисунок 1 и т.д.)
- Информативные заголовки и легенды
- Указание в тексте места размещения: [Вставить Таблицу 1 примерно здесь]
- Высокое разрешение для рисунков (минимум 300 dpi)
- Все рисунки и таблицы должны быть упомянуты в тексте

4. Дополнительные материалы (Supplementary Materials):

- Загружаются отдельными файлами
- Могут включать: расширенные данные, дополнительный анализ, мультимедиа материалы
- Должны быть упомянуты в основном тексте

3.3 Оформление ссылок и цитирования

Era and Text: Interdisciplinary Journal использует систему цитирования APA 7, широко применяемую в социальных и гуманитарных науках.

Оформление ссылок и цитирование в научном журнале в стиле APA 7:

Введение

Общие требования к списку литературы

Список литературы (References) должен начинаться с новой страницы после основного текста статьи. Заголовок "References" размещается по центру страницы без выделения жирным шрифтом.

Ключевые параметры форматирования:

- Межстрочный интервал: двойной по всему списку без дополнительных пробелов между записями

- Отступ: висячий отступ (hanging indent) 1,27 см (0,5 дюйма) – первая строка записи начинается от левого поля, последующие строки смещены вправо

- Порядок: алфавитный по фамилии первого автора; если автор отсутствует – по первому слову названия (исключая артикли A, An, The)

- Шрифт: используется тот же шрифт, что и в основном тексте (Times New Roman 12 pt)

Для создания правильного отступа следует использовать функцию форматирования абзаца в текстовом редакторе, а не ручную расстановку пробелов.

Форматирование журнальных статей

Базовая структура цитирования

Стандартная запись для журнальной статьи в списке литературы включает следующие элементы:

Author, A. A., & Author, B. B. (Year). Title of the article. Journal Name, volume (issue), page range. <https://doi.org/xxxxx>

Детальные правила для каждого элемента

1. Авторы

Фамилии авторов инвертируются: сначала фамилия, затем инициалы имени и отчества через запятую. Между инициалами ставится пробел (например, Smith, J. K., а не Smith, J.K.). Порядок авторов сохраняется точно так, как указан в источнике.

Правила для множественного авторства:

- 2 автора: оба указываются полностью, разделяются амперсандом (&) в списке литературы

- 3-20 авторов: все авторы указываются полностью в списке литературы

- 21+ авторов: указываются первые 19 авторов, затем троеточие (...), затем последний автор

Пример с тремя авторами:

Nielsen, M., Hansen, J., & Schmidt, T. (2023). Cognitive processes in decision making. *Journal of Experimental Psychology*, 45(2), 112-128. <https://doi.org/10.1037/xge0001234>

2. Год публикации

Год указывается в круглых скобках сразу после авторов, завершается точкой. Для статей, опубликованных онлайн раньше печатной версии, используется год финальной публикации.

3. Название статьи

Применяется sentence case (регистр предложения): заглавная буква только в начале названия, после двоеточия или тире, а также для имен собственных. Название статьи не выделяется курсивом и не заключается в кавычки.

Примеры sentence case:

- The psychology of learning: A comprehensive review
- Deep blue: The mysteries of the Marianas Trench
- Cognitive development in Russian-speaking children

4. Название журнала

Применяется Title Case (каждое значимое слово с заглавной буквы): все основные слова капитализируются. Название журнала выделяется курсивом, после него ставится запятая.

Примеры:

- *Journal of Applied Psychology*
- *Nature Communications*
- *Proceedings of the National Academy of Sciences*

5. Том и выпуск

Номер тома выделяется курсивом, номер выпуска указывается в круглых скобках БЕЗ курсива. Между номером тома и скобками выпуска нет пробела. После скобок ставится запятая.

Правильно: 45(3),

Если номер выпуска отсутствует, после номера тома сразу ставится запятая.

6. Страницы

Указывается диапазон страниц через короткое тире (en dash), без пробелов вокруг тире и без префикса "pp.". Запись завершается точкой.

Примеры:

- 112-128.
- 1-15.

7. DOI или URL

DOI (Digital Object Identifier) обязателен для всех работ, имеющих его. С 2017 года формат записи DOI изменился:

Правильно (APA 7): <https://doi.org/10.1037/xge0001234>

Неправильно (устаревший формат APA 6): [doi:10.1037/xge0001234](https://doi.org/10.1037/xge0001234)

DOI представляется как активная гиперссылка БЕЗ точки в конце.

Если DOI отсутствует:

- Для статей из баз данных (EBSCO, ProQuest и т.д.) – URL не указывается
- Для статей из открытых веб-источников – включается полный URL

Полный пример журнальной статьи

Петров, А. В., Иванова, М. С., & Сидоров, К. Л. (2024). Нейрокогнитивные механизмы обработки метафор [Neurocognitive mechanisms of metaphor processing]. *Вопросы психологии*, 68(4), 45-62. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2024.401>

Цитирование в тексте (In-Text Citations)

Основные форматы

Существует два основных способа цитирования в тексте: нарративное (авторы – часть предложения) и парентетическое (в скобках).

Нарративное цитирование:

- Harris (2020) обнаружил, что...

- Harris and Cook (2020) продемонстрировали...
- Harris et al. (2020) установили...

Парентетическое цитирование:

- Когнитивные процессы различаются (Harris, 2020).
- Исследования подтверждают эту гипотезу (Harris & Cook, 2020).
- Метаанализ показал значимый эффект (Harris et al., 2020).

Обратите внимание: в нарративных цитированиях используется союз "and", а в парентетических – амперсанд "&".

Правила использования "et al."

Это одно из ключевых изменений APA 7 по сравнению с предыдущим изданием:

- 1 автор: всегда только фамилия (Smith, 2020)
- 2 автора: оба автора при каждом упоминании (Smith & Jones, 2020)
- 3+ авторов: первый автор + et al. уже с первого упоминания (Smith et al., 2020)

В APA 6 требовалось указывать всех авторов (до 5) при первом упоминании, теперь же сокращение применяется сразу. Важно: "et al." используется ТОЛЬКО в цитированиях в тексте, но НЕ в списке литературы.

Правильное написание "et al.":

- Точка только после "al" (сокращение от "alia")
- Пробел между "et" и "al"
- Курсив не применяется

Правильно: et al.

Неправильно: et. al., et al, et. al.

Номера страниц в цитированиях

Обязательны для прямых цитат:

- (Smith, 2020, p. 25) – одна страница
- (Smith, 2020, pp. 25-27) – диапазон страниц
- (Smith, 2020, pp. 15, 28) – несмежные страницы

Рекомендуются, но не обязательны для парафраза при ссылке на конкретную часть обширного источника.

Для источников без страниц используются альтернативы:

- Номер параграфа: (Smith, 2020, para. 4)
- Название раздела: (Smith, 2020, Introduction section)
- Временная метка для аудиовизуальных материалов: (Smith, 2020, 15:30)

Множественные источники

При цитировании нескольких источников одновременно:

- Источники разделяются точкой с запятой
- Располагаются в алфавитном порядке
- (Chen, 2019; Martinez, 2021; Smith, 2020)

Для нескольких работ одного автора:

- Годы разделяются запятой
- (Johnson, 2018, 2020, 2022)

Работы одного автора в одном году различаются буквенными индексами:

- (Cooper, 2020a, 2020b)
- Буквы присваиваются по алфавиту названий работ

Оформление неанглоязычных источников и транслитерация

Требования для источников на кириллице

Scopus требует, чтобы все ссылки были представлены в латинском алфавите. Для источников на русском, казахском и других языках, использующих кириллицу, применяется обязательная транслитерация.

Стандарт транслитерации:

Для академических публикаций рекомендуется система транслитерации Library of Congress (LC). Это официальная система, используемая библиотеками США, Канады, Британской библиотекой и во многих международных публикациях.

Формат записи неанглоязычных источников

Полная структура:

1. ФИО авторов: транслитерируются по системе LC
2. Год: остается без изменений
3. Название: транслитерируется полностью
4. Перевод названия: в квадратных скобках на английском языке
5. Название журнала: транслитерируется (или используется официальный английский вариант, если есть)
6. Выходные данные: без изменений
7. DOI или URL: если есть

Примеры:

Русскоязычная статья:

Sidorov, I. P., & Petrova, E. A. (2023). Kognitivnye aspekty literaturnogo tvorchestva [Cognitive aspects of literary creativity]. *Voprosy psikhologii*, 69(2), 34-48. <https://doi.org/10.21638/11701/vp.2023.234>

Казахстанский журнал:

Akhmetova, A. K., Nurlanova, B. S., & Seitkazieva, G. M. (2024). Aimaqtyq til erezhesindegi kognitivtik mekhanizmdar [Cognitive mechanisms in regional language variation]. *Til zhāne ādebiat*, 15(3), 78-92.

Важное замечание: В списке литературы имена авторов представляются ТОЛЬКО в транслитерированном виде, без дублирования оригинального написания на кириллице. В тексте статьи при цитировании также используется транслитерированная форма: (Sidorov & Petrova, 2023), а не (Сидоров и Петрова, 2023).

Особые случаи

Если источник переведен на английский язык:

Цитируется версия, которую вы фактически использовали. Если вы читали английский перевод, указывается переводчик:

Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes* (M. Cole, Trans.). Harvard University Press. (Original work published 1930) In-text citation: (Vygotsky, 1930/1978)

Если вы сами переводили цитату:

Ваш перевод считается парафразом, поэтому номер страницы желателен, но не обязателен. In-text citation: (Petrov, 2023, p. 45).

Требования к ссылкам:

- Актуальность источников (предпочтение последним 5-10 годам)
- Релевантность цитируемых работ
- Сбалансированность между классическими и новейшими источниками
- Минимальное количество ссылок зависит от типа статьи (обзорные статьи – 50+, эмпирические – 30-50)

Форматирование:

- Абсолютная точность в следовании выбранному стилю цитирования
- Консистентность на протяжении всей рукописи
- Проверка каждого DOI на работоспособность[48]

Использование систем управления ссылками

Высокорейтинговые журналы настоятельно рекомендуют использование специализированного ПО для управления библиографией:

Популярные системы:

- Zotero (бесплатное ПО с открытым кодом)
- EndNote (наиболее функциональное коммерческое решение)
- Mendeley (бесплатное с интеграцией в Elsevier)
- RefWorks (веб-платформа)

Преимущества:

- Автоматическое форматирование в стиле APA 7
- Снижение риска ошибок
- Легкая смена стиля цитирования при переподаче в другой журнал
- Организация библиотеки источников

Важно: Автоматически сгенерированные ссылки всегда требуют ручной проверки, особенно для капитализации, DOI и имен авторов.

Распространенные ошибки и как их избежать

Топ-6 ошибок форматирования APA 7

На основе анализа типичных проблем в рукописях[7]:

1. Некорректный формат DOI** (18% рукописей)

- ✗ Неправильно: doi:10.1037/arc0000014 или DOI: 10.1037/arc0000014
- ✓ Правильно: <https://doi.org/10.1037/arc0000014>

2. Неправильная капитализация названий (22% рукописей)

- ✗ Неправильно: The Psychology of Learning: A New Approach (в списке литературы)
- ✓ Правильно: The psychology of learning: A new approach

3. Форматирование volume/issue** (15% рукописей)

- ✗ Неправильно: Journal of Psychology, *12(3)*, или Journal of Psychology, 12*(3)*,
- ✓ Правильно: Journal of Psychology, *12*(3),

4. Отсутствие висячего отступа (31% рукописей)

- Используйте функцию параграфа в Word/Google Docs, не пробелы вручную

5. Неправильное использование "et al." (12% рукописей)

- ✗ Для 2 авторов: (Smith et al., 2020)
- ✓ Для 2 авторов: (Smith & Jones, 2020)
- ✓ Для 3+ авторов: (Smith et al., 2020)

6. Отсутствие номеров страниц для прямых цитат (17% рукописей)

- Обязательно для всех прямых цитат

Чеклист перед подачей рукописи

Общее форматирование:

- [ ] Двойной интервал по всему тексту, включая список литературы
- [ ] Висячий отступ 1,27 см для всех записей в References
- [ ] Поля 2,54 см со всех сторон

Список литературы:

- [ ] Заголовок "References" на отдельной странице
- [ ] Алфавитный порядок записей
- [ ] Sentence case для названий статей и книг
- [ ] Title Case для названий журналов
- [ ] Курсив на номере тома, НЕ на номере выпуска
- [ ] Все DOI в формате <https://doi.org/xxxxx>
- [ ] Все DOI проверены на работоспособность

Цитирования в тексте:

- [ ] "et al." используется для 3+ авторов
- [ ] Амперсанд (&) в парентетических цитированиях, "and" в нарративных
- [ ] Номера страниц для всех прямых цитат
- [ ] Каждое цитирование в тексте имеет соответствующую запись в References

Для неанглоязычных источников:

- [ ] Все кириллические имена транслитерированы по системе LC
- [ ] Английский перевод названий в квадратных скобках
- [ ] Названия журналов транслитерированы или представлены официальным английским

вариантом

Дополнительные типы источников

Книги

Формат:

Author, A. A., & Author, B. B. (Year). Title of the book (7th ed.). Publisher.

<https://doi.org/xxxxxx>

Особенности:

- Указывается издательство БЕЗ города издания (изменение от APA 6)
- Номер издания (если не первое) указывается в круглых скобках после названия
- Название книги курсивом в sentence case

Пример:

Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux.

Главы в отредактированных книгах

Формат:

Author, A. A., & Author, B. B. (Year). Title of chapter. In C. C. Editor & D. D. Editor (Eds.), Title of book (pp. xxx-xxx). Publisher. <https://doi.org/xxxxxx>

Особенности:

- Название главы НЕ курсивом, sentence case
- Имена редакторов в прямом порядке (не инвертируются)
- Указывается диапазон страниц главы
- Название книги курсивом, sentence case

Пример:

Bjork, R. A. (1989). Retrieval inhibition as an adaptive mechanism in human memory. In H. L. Roediger III & F. I. M. Craik (Eds.), Varieties of memory and consciousness (pp. 309-330). Lawrence Erlbaum Associates.

Электронные источники без DOI

Веб-статья:

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of article. Website Name. URL

Пример:

Worland, J. (2017, March 15). The world is running out of time on climate change. Time. <https://time.com/4701988/climate-change-solutions/>

3.4 Языковые требования

Языки публикации:

Журнал принимает рукописи предпочтительно на английском языке, а также на казахском и русском языках.

Стандарты языка:

- Рукописи должны быть написаны грамотным, ясным академическим языком
- Английский: American или British English (последовательно в одной рукописи)
- Избегайте избыточного жаргона; объясняйте специальные термины при первом

использовании

- Минимизируйте использование аббревиатур; расшифровывайте их при первом упоминании

- Рукописи с серьёзными языковыми недостатками могут быть отклонены или возвращены на доработку

Название и аннотация:

- Если рукопись на казахском или русском языке, обязательны название и аннотация на английском языке

- Если рукопись на английском языке, необходимы название и аннотация на казахском либо русском языке

Языковая редакция:

Авторы, для которых английский язык публикации не является родным, настоятельно рекомендуется воспользоваться услугами профессиональной языковой редакции до подачи рукописи.

ARTICLE SUBMISSION REQUIREMENTS

Era and Text: Interdisciplinary Journal accepts the following types of scholarly work:

Research Articles – original studies presenting new theoretical or empirical findings:

- Length: 6,000-10,000 words (including footnotes and references)

- Structure: Abstract, Introduction, Methodology (if applicable), Analysis, Discussion, Conclusion, References

Theoretical Essays – developing new theoretical concepts or proposing critical reassessments of existing theories:

- Length: 5,000-8,000 words

- Structure: Flexible, but logically organized with clear argumentation

Review Articles – literature reviews on a specific topic, critical analysis of the state of research:

- Length: 8,000-12,000 words

- Structure: Abstract, Introduction, Thematic Sections, Conclusions, References

Book Reviews – reviews of recently published monographs and collected volumes:

- Length: 1,500-2,500 words

Discussion Papers – responses to previously published articles, debates on topical issues:

- Length: 3,000-5,000 words

3.2 Manuscript Formatting

General Format Requirements

- File format: Microsoft Word (.docx)

- Font: Times New Roman, 12 pt

- Line spacing: Double

- Margins: 2.54 cm (1 inch) on all sides

- Alignment: Justified

Manuscript Structure

1. Title Page*(separate file for double-blind peer review):

- Article title (maximum 20 words)

- Full names of all authors

- Affiliations (institution, department, city, country)

- Corresponding author's contact information (email, mailing address, phone)

- ORCID iD of all authors

- Author contribution statement

- Conflict of interest statement

- Funding information

- Acknowledgements (if applicable)

2. Main Manuscript File (anonymized):

Title: Concise, informative, without abbreviations; maximum 20 words; accurate reflection of the research content.

Abstract:

- Length: 200-300 words

- Structure: Research purpose/context, methodology (if applicable), main findings/arguments, conclusions/significance
  - No footnotes, tables, figures, or abbreviations (except widely accepted ones)
  - Self-contained (readable independently from the article)
- Keywords: 4-7 keywords or phrases; do not duplicate words from the title; use terms relevant for database searches.

Main Text (recommended structure for research articles):

- Introduction: research context and significance, review of relevant literature, formulation of the research question/hypothesis, aims and objectives
- Methodology / Theoretical Framework: description of methods or theoretical framework, justification of chosen approach, description of the research corpus
- Analysis: detailed presentation with subsections by topic or aspect
- Discussion: interpretation of results, comparison with existing research, theoretical and practical implications, limitations
- Conclusion: summary of main findings, contribution to scholarship, directions for further research

Acknowledgements: recognition of financial support, thanks to colleagues and assistants, information about conferences where the work was presented.

Data Availability Statement (mandatory) – examples:

- "The data supporting the findings of this study are available in [repository name] at [URL/DOI]."
- "The data are available in the article and/or supplementary materials."
- "Data sharing is not applicable to this study as no new data were created or analyzed."

3. Tables and Figures:

- Each table/figure on a separate page at the end of the manuscript or in separate files
- Sequential numbering (Table 1, Figure 1, etc.)
- Informative titles and captions
- In-text placement indication: [Insert Table 1 approximately here]
- High resolution for figures (minimum 300 dpi)
- All figures and tables must be mentioned in the text

4. Supplementary Materials: uploaded as separate files; may include extended data, additional analysis, multimedia; must be mentioned in the main text.

3.3 References and Citation Formatting

Era and Text: Interdisciplinary Journal uses the APA 7 citation system.

General Requirements for the Reference List

The reference list begins on a new page after the main text. The heading "References" is centered without bold formatting.

Key formatting parameters:

- Line spacing: double throughout, no extra spaces between entries
- Indentation: hanging indent of 1.27 cm (0.5 inch)

- Order: alphabetical by first author's surname; if no author – by first word of the title (excluding A, An, The)
- Font: Times New Roman 12 pt (same as main text)

Journal Article Format

> Author, A. A., & Author, B. B. (Year). Title of the article. *Journal Name*, volume(issue), page range. <https://doi.org/xxxxx>

1. Authors – surnames inverted (Smith, J. K.); space between initials; order preserved as in the source.

- 2 authors: both listed in full, separated by &
- 3-20 authors: all listed in full
- 21+ authors: first 19, then ..., then last author

2. Year – in parentheses after authors, followed by a period.

3. Article Title – sentence case (capitalize first word, first word after colon/dash, and proper nouns); not italicized, not in quotation marks.

4. Journal Name – Title Case (capitalize each significant word); italicized.

5. Volume and Issue – volume italicized, issue in parentheses without italics, no space between them: *45*(3),

6. Pages – en dash, no spaces, no "pp." prefix: 112-128.

7. DOI – mandatory if available; format: <https://doi.org/10.1037/xxxxxx> (no period at end). For database articles without DOI – omit URL; for open-web articles – include full URL.

Full example:

> Petrov, A. V., Ivanova, M. S., & Sidorov, K. L. (2024). Neurokognitivnye mekhanizmy obrabotki metafor [Neurocognitive mechanisms of metaphor processing]. *Voprosy psikhologii*, 68(4), 45-62. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2024.401>

In-Text Citations

| Format | 1 author | 2 authors | 3+ authors |

| ---|---|---|---|

| Narrative | Harris (2020) found... | Harris and Cook (2020) showed... | Harris et al. (2020) established... |

| Parenthetical | (Harris, 2020) | (Harris & Cook, 2020) | (Harris et al., 2020) |

Page numbers – required for direct quotes: (Smith, 2020, p. 25) or (Smith, 2020, pp. 25-27). For sources without pages: para. 4, section name, or timestamp (15:30).

Multiple sources – separated by semicolons in alphabetical order: (Chen, 2019; Martinez, 2021; Smith, 2020).

Same author, same year – distinguished by letter suffixes: (Cooper, 2020a, 2020b).

Non-English Sources and Transliteration

Scopus requires all references in the Latin alphabet. Use the Library of Congress (LC) transliteration system for Cyrillic-script sources.

Entry structure: transliterated authors → year → transliterated title → [English translation in square brackets] → transliterated journal name → publication data → DOI/URL.

Russian-language article example:

> Sidorov, I. P., & Petrova, E. A. (2023). Kognitivnye aspekty literaturnogo tvorchestva [Cognitive aspects of literary creativity]. **Voprosy psikhologii**, **69*(2)*, 34-48. <https://doi.org/10.21638/11701/vp.2023.234>

Important: Author names in the reference list appear ONLY in transliterated form – no Cyrillic duplication. In-text citations also use the transliterated form: (Sidorov & Petrova, 2023).

Translated works:

> Vygotsky, L. S. (1978). **Mind in society** (M. Cole, Trans.). Harvard University Press. (Original work published 1930)
> In-text: (Vygotsky, 1930/1978)

Top 6 APA 7 Formatting Errors

#	Error	Frequency	✗ Wrong	✓ Correct
1	DOI format	18%	doi:10.1037/xxx https://doi.org/10.1037/xxx	
2	Title capitalization	22%	The Psychology of Learning: A New Approach The psychology of learning: A new approach	
3	Volume/issue formatting	15%	*12(3)* *12*(3)	
4	Missing hanging indent	31%	manual spaces paragraph formatting in Word	
5	Incorrect "et al."	12%	(Smith et al., 2020) for 2 authors (Smith & Jones, 2020)	
6	Missing page numbers for quotes	17%	(Smith, 2020) (Smith, 2020, p. 25)	

Pre-Submission Checklist

General formatting:

- [ ] Double spacing throughout, including reference list
- [ ] Hanging indent 1.27 cm in References
- [ ] Margins 2.54 cm on all sides

Reference list:

- [ ] "References" heading on a separate page
- [ ] Alphabetical order
- [ ] Sentence case for article/book titles; Title Case for journal names
- [ ] Italics on volume number only (not issue)
- [ ] All DOIs as <https://doi.org/xxxxx> and verified as functional

In-text citations:

- [ ] "et al." for 3+ authors
- [ ] & in parenthetical; "and" in narrative citations

- [ ] Page numbers for all direct quotations
- [ ] Every in-text citation has a corresponding References entry

Non-English sources:

- [ ] All Cyrillic names transliterated (LC system)
- [ ] English translations in square brackets
- [ ] Journal names transliterated or in official English form

Additional Source Types

Books:

- > Kahneman, D. (2011). **Thinking, fast and slow**. Farrar, Straus and Giroux.
(No city of publication – change from APA 6; book title italicized in sentence case)

Chapter in edited book:

- > Bjork, R. A. (1989). Retrieval inhibition as an adaptive mechanism in human memory. In H. L. Roediger III & F. I. M. Craik (Eds.), **Varieties of memory and consciousness** (pp. 309-330). Lawrence Erlbaum Associates.

Web article without DOI:

- > Worland, J. (2017, March 15). The world is running out of time on climate change. **Time**.
<https://time.com/4701988/climate-change-solutions/>

3.4 Language Requirements

Publication languages: The journal accepts manuscripts preferably in English, as well as in Kazakh and Russian.

Language standards:

- Manuscripts must be written in correct, clear academic language
- English: American or British English (used consistently within one manuscript)
- Avoid excessive jargon; explain specialized terms at first use
- Minimize abbreviations; spell them out at first mention
- Manuscripts with serious language deficiencies may be rejected or returned for revision

Title and Abstract:

- Manuscript in Kazakh or Russian → English title and abstract are required
- Manuscript in English → Kazakh or Russian title and abstract are required

Language Editing: Authors for whom the publication language is not their native language are strongly encouraged to use professional language editing services before submission.